ДМИТРИЙ ВЕРЕСОВ

ИЗБРАННИК ВОРОНА

ТОМ ПЕРВЫЙ

цена
40

Дмитрий ВЕРЕСОВ

ИЗБРАННИК ВОРОНА

Том 1

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»

Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

2002

ББК 84. (2Рос-Рус) 6
В31

Первая редакция вышла в свет под названием «Ближний берег Нила»

Вересов Д.

В31 Избранник Ворона. Т. 1. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 383 с.

ISBN 5-7654-2312-4
ISBN 5-7654-2313-2
ISBN 5-224-03570-8
ISBN 5-224-03571-6

Обе Татьяны проносятся по жизням других людей, как кометы, и необратимо меняют чужие судьбы. Так и Нил Баренцев стал их жертвой. Таня Захаржевская открыла ему новый мир, где все дозволено и где законы морали не смеют стать на пути к желанной цели. Таня Ларина показала ему, что такое красота...

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-2312-4
ISBN 5-7654-2313-2
ISBN 5-224-03570-8
ISBN 5-224-03571-6

«Издательский Дом „Нева“»
и Издательство «Олма-Пресс»
представляют следующие
произведения
Дмитрия Вересова
в цикле
«Черный Ворон»

- Черный Ворон
- Полет Ворона
- Крик Ворона
- Избранник Ворона

«Черный Ворон»

У Татьяны Захаржевской было все: любящие родители, выполнявшие любую ее прихоть, красота, блестящий ум, деньги. Но только рискуя своей жизнью, она чувствует, что живет по-настоящему. Татьяна начинает с шайки воров, где из подруги вожака быстро превращается во вдохновительницу и организатора самых головокружительных преступлений. Ее подвиги не остаются незамеченными: Таней заинтересовался подпольный король Шеров, и она становится его самой талантливой помощницей...

У второй Татьяны не было ничего, кроме красоты и желания выбиться в люди, с которым она приезжает в Ленинград... Смысл ее жизни — любовь, и она, казалось, находит свое счастье с Ваней Лариным. Но первая любовь Вани — бутылка...

«Полет Ворона»

Таня Захаржевская решает попробовать на собственном опыте, что же такое добропорядочная семейная жизнь, и выходит замуж за Павла Чернова. Но их брак оказывается неудачным, и рождение дочери окончательно разрушает их семью...

Брак Тани Лариной тоже трещит по швам. Слабым утешением для нее становится ошеломляющая карьера кинозвезды. Но дело об убийстве, в котором оказывается замешана Таня, рушит и ее карьеру, и всю ее жизнь...

«Крик Ворона»

После дела с кражей картины у старого коллекционера Тане Захаржевской приходится «лечь на дно». Она выходит замуж за англичанина и уезжает за границу. Кто бы мог подумать, что ее супруг окажется поставщиком девочек для борделя! Но Таня не такова, чтобы смириться с подобной участью. Она становится хозяйкой этой «ночной империи». Куда еще заведет ее жажда приключений?

Татьяна Ларина обретает настоящую любовь, о которой мечтала всю жизнь. Но недолго длится ее счастье: Танин муж вынужден скрываться от преступников, которые хотят использовать его изобретение в целях обогащения...

Уважаемые читатели!

Вы можете заказать книги издательств «Нева», «Олма-Пресс» любым удобным для вас способом:

по телефону: (812) 268-9093;

по электронной почте: postbook@areal.com.ru;

по почте: 192236 Санкт-Петербург а/я № 300 ЗАО «Ареал».

Вы можете выбрать один из двух способов оплаты заказа:

- наложенным платежом. Оплата производится на ближайшем почтовом отделении при получении бандероли. Все цены на издания указаны без учета почтовых расходов.

- по предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте.

Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книг из типографии.

При оформлении заказа обязательно укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, электронный адрес;
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- издательство, название книги, автора, номер лота, количество заказываемых экземпляров.

Номер лота. 1400

Автор, название. Дмитрий Вересов «Черный ворон» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 544

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1401

Автор, название. Дмитрий Вересов «Полет ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1402

Автор, название. Дмитрий Вересов «Крик ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1403

Автор, название. Дмитрий Вересов «Избранник ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Знаешь ли, милая,
Жизнь неизбежна.
Хватит мечтать,
Знаешь, хватит мечтать...

Павел Кашин

Пролог

«Богарт, 13—13» (Петербург, 2001)

Получив на свой электронный адрес совершенно шпионское по форме послание — «Богарт, 13—13. Т», — я был озадачен явно сверх меры. То, что некто ждет меня 13 числа в 13 часов в кафе «Богарт» на Малой Конюшенной, я понял сразу. Но вот кто?

Мысленно перебирая всех знакомых, чьи имена, фамилии или прозвища начинались на «Т», я все гадал, кому из них могло прийти в голову назначить встречу столь экстравагантным образом. Получалось, что некому. И даже когда в сознании кометой пронеслось имя «Таня», к комете моментально пристроился жаркий протестующий хвостик — с какой стати, ведь с одной из Танечек я не далее как сегодня утром виделся в тон-ателье, а с другой и вовсе час назад общался по телефону!

«Совсем спятил со своим кино! — не преминул высказаться внутренний го-

лос. — Не с Танечками ты беседовал, а с актрисами, исполняющими их роли! Одна из них, между прочим, вообще Анечка!»

«Мэссидж» был получен в 12:17 тринадцатого марта, времени оставалось в обрез, но в «Богарт» я входил, не испытывая ни малейшего сомнения в том, кто именно ждет меня за порогом.

Но за порогом никто меня не ждал. В центре зала, за заваленным бумагами столиком сидела молодящаяся бизнес-дама лет шестидесяти в обществе делового партнера, похожего на малолетнего форточника, да в «бельэтаже» виднелся кудрявый профиль юной брюнетки, лениво потягивающей что-то красное из высокого бокала.

Я уселся и от нечего делать принялся любоваться интерьером. Розовые стены украшали увеличенные фотографии великого Боги, в экранных образах и без, с его любимой Бэби — Лорен Бейкал — и без. Негромко журчали голливудские шлягеры пятидесятых. Стильной обстановке соответствовала стильная скудность меню: фирменный салат, фирменное горячее блюдо, кофе и лично мне неинтересная карта вин.

Выкурив сигаретку, я поднялся и подошел к стойке.

— Эспрессо.

— И бокал «Сант-Эмильон», — произнес сзади женский голос.

Молоденькая буфетчица в бейсбольной кепке посмотрела на меня вопросительно.

— Ну да... — неуверенно подтвердил я.

— Сто пятьдесят шесть, — бесстрастно сообщила буфетчица.

Я безропотно расстегнул кошелек.

Обернуться я позволил себе, лишь когда получил заказ.

До чего же она была элегантна, чертовка, — до кончиков холеных ногтей! И выглядела максимум лет на тридцать, хотя кому, как не мне, было знать, что через два с небольшим месяца ей стукнет сорок пять. Что ж, как сказано у классика, это кровь.

— А я ждал рыжую, — сказал я после двукратного, на французский манер, поцелуя.

— Кто сказал, что цвет волос женщины — величина постоянная?

— А цвет глаз?

— Тонированные линзы, ты же сам писал... Ладно, рассказывай.

— О чем ты хотела бы услышать? Прошлым летом начали снимать кино, телевизионное. Очень долго искали, кто

бы мог сыграть тебя. В Питере не нашли, в Москве не нашли. Пришлось из Праги выписывать... Но попадание удивительное. Даже имя...

— Да я читала... Любопытно было бы взглянуть.

— Это несложно устроить.

— Желательно не очень заметно... Что пописываешь?

— Сценарий.

— И?

— И сценарии...

— А где обещанный «Дальний берег Нила»? Мы ждем с нетерпением.

— Мы?!. Ах да, конечно... Процесс так затягивает... Главное — чем дальше, тем лучше понимаешь, что решительно некому передать бразды... Так что самое раннее — через годик. Зато грядет переиздание «Ближнего берега».

— Когда?

— Через месяц-другой. Издательство хочет подгадать под трансляцию первых серий.

— Вполне успеем.

— Извини, что успеем?

Она достала из блестящей черной сумочки кожаный портсигар, извлекла из него короткую толстую сигару, протянула портсигар мне.

— Хочешь? Брунейские.

Я покачал головой и достал из кармана «Кент № 4».

— Спасибо. Здоровья осталось только на сигареты супер-лайт.

Она вынула маленькие, похоже, серебряные щипчики, обрезала кончик сигары, щелкнула черной с золотом зажигалкой. Выпустила два колечка пряного дыма, пригубила вина...

— Так что же мы должны успеть?

— Слегка подредактировать твой опус.

Я поперхнулся кофе и долго не мог откашляться. Она курила и с усмешкой смотрела на меня, потом извлекла лазоревый томик Вересова, а из нагрудного кармана черного пиджачка — очки в тонкой металлической оправе. Раскрыла книгу на титульном листе. Рядом с названием «Ближний берег Нила, или Воспитание чувств» я через стол прочитал — и тоже вверх ногами — «Избранник Ворона».

— Кое-какие мелочи я уже подправила, — перехватив мой взгляд, сообщила она. — Потом разберешься — этот экземпляр я оставлю тебе.

— Ты сделала мне предложение, от которого я не в силах отказаться... По всей справедливости, я должен буду обо-

значить тебя соавтором. А что — «Дмитрий Вересов, Татьяна Захаржевская». Будет неплохо смотреться на обложке...

Она вздохнула вздохом учителя, беседующего с особо тупым учеником.

— Татьяны Захаржевской не существует. Есть мадам Ван-Норден, ничем не примечательная домохозяйка из кантона Женева. А здесь я вообще предпочитаю быть инкогнито.

— Как же мне тебя называть?

— Да как хочешь. Допустим, Галина...

Глава первая

ПСИХОАНАЛИЗ ПО ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

I (Москва, 1982)

В спальных вагонах «Красной стрелы» народ ездит непростой — иностранцы, артисты, большое и малое начальство, — и обхождение с ними требуется нестандартное, галантерейное. Памятуя об этом, Настя поостереглась дать волю праведному гневу, а осторожно переступила через спущенные в проход ноги в импортных джинсах и самым деликатным образом потеребила храпящего пассажира за рукав, при этом автоматически отметив мягкую добротность кожаной выделки.

— Гражданин, а гражданин, вы бы поднимались. Прибыли уже.

— М-м-м...

Упитанный брюнет характерного московско-грузино-еврейского обличья зачмокал пухлыми губами, но глаз так и не раскрыл.

— Нажрался, паразит! — Настя вложила в свой свистящий шепот всю рабоче-крестьянскую ненависть.

И впрямь, гражданин, похоже, провел веселенькую ночку. Откидной столик был завален элитарными ошметками — шкурками сырокопченой колбасы, апельсиновой и банановой кожурой, обертками шоколадных трюфелей, тут же банка из-под камчатских крабов, пустая сигаретная пачка с иностранными буквами, опорожненная бутылка дорогого коньяку. На одеяле бесстыдно валялась упаковка известного резинового изделия. Дух стоял соответствующий — окна в поезде не открывались, а кондиционер был уже отключен.

— Гражданин, я вам русским языком говорю!

Настя дернула за рукав куда решительней.

Толстая волосатая пятерня плавно приподнялась, пошарила в воздухе и замерла на груди проводницы. Этого Настя не выдержала, с маху шлепнула по руке и заорала благим матом:

— Глаза разуй, кобелина!

Брюнет затряс головой, разлепил наконец мутные очи и с тупым недоумением уставился на Настю.

— Эт-то... Ты кто вообще?

— Во нажрался, а? Проводница я!

— Проводница? А где Аня? Аня где?! Аня!

— Чего разорался?! Нет тут никакой Ани! А вот милицию позвать — это мигом! В пикете отоспишься!

Брюнет растерянно захлопал глазами.

— В каком пикете?

— В вокзальном!

— Так мы что, приехали уже?

— Приехали! — со злорадной усмешкой заявила проводница. — Вы бы еще дольше дрыхли, гражданин, так и обратно бы в Питер уехали. Давайте-ка, выметайтесь по-быстрому!

Заспавшийся пассажир дернулся и поднес ладонь к виску.

— Болит? — с иронией осведомилась Настя. — Неудивительно. Вон как гульнули. — Она показала на захламленный стол. — Совсем наглость потеряли.

— Погоди... Минуточку, минуточку... — Брюнет усиленно заморгал. — А где Аня? Ушла, что ли?

— Да какая тебе еще Аня? Если ты про рыженькую, попутчицу вашу, так она в Бологом вышла и очень просила не будить.

— Что!!! — взревел брюнет так, что Настя отпрянула и перекрестилась. — А вещи?! Вещи где?

Он ухватился за край полки, надсадно крякнув, рванул ее вверх и вытащил на свет Божий серый пластмассовый портфель-«дипломат» с номерным замком, прижал к сердцу.

— Все... Все... — с натугой проговорил брюнет. — Не сердись, хозяюшка, дело такое... Слушай, у тебя в заначке граммулек сто не найдется? Я заплачу.

Настя мгновенно успокоилась и, оценив ситуацию по-новому, вновь шагнула в купе.

— Я тебе что, корчма?

Ох и перепугал же ее этот деляга холеный! А с другой стороны, вон как страдает человек, бодун его бодает нешуточный, видать, не слабей, чем любого пролетария. Проводница сжалилась:

— Ладно, на Ярославском в буфете тетю Асю найдешь, скажешь, от Насти со «Стрелы», она тебя остаканит.

— Вот спасибо! — Брюнет достал из кармана кожанки желтый пакетик жвачки и дрожащей рукой протянул ей. — В знак благодарности.

— Иди, иди!

Проводница вытолкала его сначала в коридор, потом и вовсе на перрон. Брюнет потряс в воздухе портфелем, прислушиваясь к чему-то, и нетвердой походкой двинулся к зданию Ленинградского вокзала.

Дойдя до начала перрона, он двинулся не на Ярославский, а к телефонам-автоматам.

— Вадим Ахметович? Доброе утро, это Яков Даниилович. Я в Москве. Наша договоренность в силе?

— Разумеется, Яков Даниилович. Вас не затруднит подъехать ко мне на службу часикам, скажем, к пяти?

— Нисколько, Вадим Ахметович. Буду ровно к пяти.

— Адрес знаете?

II
(Ленинград, 1982)

— Ну-ну, успокойтесь, Мария Кирилловна, вот, хлебните водички и давайте продолжим. Итак, вы говорите, что мужчина садился в поезд один?

Пожилая проводница всхлипнула и протерла глаза рукавом. Капитан Самой-

лов одновременно с ней смахнул со лба обильный пот — и тоже рукавом.

— Один, один, — закивала проводница. — Веселый такой, обходительный. Когда я зашла к нему, он на оба места билеты предъявил, попросил никого не подсаживать, сказал, что в Бологом друг присоединится... Чай заказал, с сухариками...

Мария Кирилловна вновь опустила голову и шмыгнула носом.

— Понятно. И багажа, значит, при нем, кроме ременной сумочки-визитки, не было?

Проводница кивнула, подтверждая, — не было, мол.

— И в дороге, говорите, никто к нему не подсаживался?

— Не видела. В Бологом, правда, меня бригадир к себе в третий вагон вызывал, так что, может быть...

Дверь служебного купе приотворилась, в щели показалась стриженая голова и лацкан милицейского мундира.

— Разрешите, товарищ капитан.

— Что там? — недовольно спросил Самойлов.

— Да вот, пассажиры... по домам просятся.

— Фамилии, адреса, телефоны у всех записал?

— Так точно!

— Предупредил, что вызовем в ближайшее время?

— Так точно!

— Иди... Ну все, Мария Кирилловна, спасибо вам.

— Не за что. — Проводница отвернулась.

— Да, и вот еще что — вы точно ничего там не трогали, не убирали? Ну, когда...

— Да что вы! Только вошла сказать, что подниматься пора, приезжаем скоро... Подошла, за ручку тронула...

Проводница прикрыла глаза рукой и заплакала. Капитан Самойлов встал и вышел в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. Там было уже пусто, только у ближнего тамбура дежурил милиционер да возле прикрытой двери седьмого купе нервно курил высокий мужчина в штатском. Капитан подошел к нему.

— Ну что, Феденька, отдыхаем?

— Да, там теперь эксперты колдуют.

— А ты уже отстрелялся?

— Отстрелялся... Похоже, Коля, в этом деле все мы уже отстрелялись.

— То есть? — нахмурился Самойлов.

— Судя по всему, не наша тут епархия. Во всяком случае, без смежников не обойтись.

— Вещички?

— Они. Интересные такие вещички, я бы даже сказал — типа будьте нате!

— Ну уж! — капитан хмыкнул. — Что-нибудь по части ОБХСС?

— Бери выше.

— Неужели Конторы? Секретные документы, что ли?

— Зайдем, сам увидишь. Не сюда, в соседнее. Там и без нас тесно. — Поймав на себе неодобрительный взгляд капитана, Федор добавил: — Ладно, порядки знаем. Все запротоколировано и сфотографировано.

На откидном столике аккуратным рядком стояли многочисленные предметы, в их числе на треть опорожненная граненая бутылка виски с золотисто-бордовой этикеткой, длинная сигаретная пачка тех же тонов с латинскими буковками «Santos-Dumont», курительная трубка с чуть изогнутым черным мундштуком, два пустых стакана, два коричневых сигаретных окурка с чуть заметными пятнами розовой помады, обручальное кольцо, рыжий парик,

плоский флакон с этикеткой «Lighter Fluid», финка с пластмассовой наборной ручкой, полпалки твердокопченой колбасы. Каждая вещь была упакована в полиэтиленовый пакет и снабжена биркой.

— И что? — поморщившись, спросил капитан.— Видал я все это хозяйство при первичном осмотре. Что ли, прикажешь из-за буржуйского виски Большой дом теребить? Бдительность демонстрировать? Они тебе быстро песню про коричневую пуговку напомнят. Сейчас, дорогой, не сталинское время, сейчас каждый, кто с понятием, подобное пойло хлебает невозбранно...

— Так ведь я, собственно, не это хочу показать.

На полке, поверх застеленного одеяла стояла продолговатая дорожная сумка ярко-красного цвета. Федор наклонился над ней, двумя пальцами извлек еще один полиэтиленовый пакет с биркой и показал капитану. Самойлов присвистнул.

— Погоди свистеть, это, как говорили в старину, лишь первая перемена.

— Красавец! Такой и в руке подержать приятно. — Самойлов потянулся к пакету.

— Потом, капитан... Револьвер системы «наган», шестизарядный, калибр семь-шестьдесят два, отечественного производства, 1930 года выпуска...

— Силен, бродяга! Уже и год вычислил.

— А как же! Особенно, если вся цифирь на раме выбита. И звездочка с серпом. Ствол заслуженный. Нутром чую — баллистика не пустая будет, где-то им уже работали.

— Блажен, кто верует... И это, говоришь, только первая перемена?

— Ага. Второй экспонат мы нашли в кармашке.

Федор вынул из сумки еще один пакет. Самойлов увидел две аккуратно упакованных пачки денег. Вид у купюр был непривычный.

— Что ли доллары? — удивленно спросил он.

— Десять тысяч.

Самойлов снова присвистнул. Федор улыбнулся.

— И это еще не главное блюдо.

— Ох, не томи...

И на Божий свет был извлечен небольшой пластмассовый кейс серого цвета. Вид у кейса был не вполне товарный — верхние половинки хитрых но-

мерных замочков были незатейливо выломаны из пластмассового корпуса.

— Чехословацкое изделие,— заметил Федор, перехватив взгляд капитана.— С замками постарались, а корпус хлипкий.

— Не учли братцы швейки, что против лома нет приема, — согласился Самойлов.

— Лом не применялся, хватило финки, — с серьезным видом сказал Федор. — Которой сервелат резали, кстати, тоже финский.

— Красиво жить не запретишь! — Федор выразительно посмотрел на капитана, тот запнулся и поспешил внести существенную поправку: — А красиво помирать — тем более...

— Да ты крышку-то подними, не бойся, все пальчики я уже на пленку перевел.

На этот раз Самойлов не свистнул, а только оторопело уставился на открывшееся его взору долларовое изобилие.

— Тут еще пятьдесят пять тысяч американских долларов, — с наслаждением проговорил Федор.

— Да здесь даже не в особо крупных размерах, а в особо особых... — пробормотал Самойлов. — Разное я повидал на своем сыскарском веку, но таких Рокфеллеров...

— Но и это еще не все. — Как фокусник из шляпы, Федор вытащил из сумки еще один пакет.

— Что за пластины? — спросил Самойлов.

— Клише. Для тех же долларов, кстати.

— Выходит, это все фальшак, что ли?

На лице Самойлова невольно проступило разочарование.

— Ну, я в таких делах не копенгаген, с валютчиками не работал. Кому надо разберутся.

— Эти разберутся! — По лицу Самойлова было видно, что он очень хотел выматериться, но чудом удержался. — Ладно, по части документов есть что?

Федор вложил в руку капитана паспорт в черном чехле и заваренный в целлофан студенческий билет. Первым Самойлов раскрыл паспорт и с минуту сосредоточенно изучал его.

— А ведь похожа ксива на правильную, — задумчиво произнес он. — Гражданин Штольц, национальность — немец... Только сдается мне, что из нашего терпилы такой же этнический немец, как из меня — председатель Мао.

— Уже результат. Если гражданин черно-белыми пользуется... пользовался,

значит, почти наверняка по криминалу уже светился.

Самойлов раскрыл студенческий и хмыкнул.

— Макаренко, Анна Григорьевна... С такой фамилией только в малолетней колонии работать!

— А почему бы и нет? На юридический многие через *учреждения* попадают.

— Еще не факт, что билет подлинный. Сегодня же надо связаться с ВЮЗИ, проверить, значится ли у них такая личность... Тьфу!

На этот раз Самойлов от фольклора не удержался.

— Ты что это? — обеспокоенно спросил Федор.

— Обидно. В кои веки раз по-настоящему крутое дело намечается — и сразу отдай. Эх, чому ж я не сокил... На Литейный звонил?

— Не успел.

— Так дуй срочно, один нога тут — другой там, нам состав на перроне задерживать нельзя.

— Может, заодно и труповозку вызвать?

— Нет, Федя, сначала комитетчиков дождемся, пусть сами решают, что да как. Ты, коли хочешь, отзвонившись, пе-

рекуси чего-нибудь, а я немного поработаю композитором.

— Оперу писать? — усмехнулся Федор.

— Ее самую. Худсовет сегодня будет строгий.

Федор вышел, а Самойлов присел возле столика, расчистил место, чуть передвинув пакеты с вещественными доказательствами, достал из потрепанной кожаной папочки чистый лист бумаги и ручку за тридцать пять копеек и разборчивым почерком вывел: «19.04.1982 года в 10 часов 48 минут дежурная бригада Дзержинского райотдела УВД г. Ленинграда в составе...»

III
(Москва, 1982)

— Понял.

Вадим Ахметович Шеров с силой швырнул трубку на светло-серый кнопочный аппарат и резко бросил:

— Поздравляю, товарищи!

Торжества в его голосе не наблюдалось, зато сарказм звучал явственно.

Архимед — многолетний, испытанный помощник Шерова, официально

занимающий скромную должность делопроизводителя при украинском постпредстве в Москве — устремил взор в потолок, пустив туда же облачко сигаретного дыма. Подполковник КГБ Евгений Николаевич Ковалев, напротив, стиснул пальцами подлокотники кожаного кресла итальянского производства и подался вперед, не сводя глаз с шефа.

— С чем, Вадим Ахметович? — спросил он, четко выговаривая каждый звук.

Сухое, надменное лицо Шерова перекосила нехорошая усмешка.

— Наша беглянка обнаружена, — столь же отчетливо артикулируя, ответил он.

— Где?

— На Московском вокзале города Ленинграда. В спальном вагоне «Красной стрелы».

— Валюта? При ней?

— О да! — Шеров вновь усмехнулся, показав мелкие желтые зубы. — В целости и сохранности. Принято по факту, сдано по протоколу.

— Шеф, — подал голос Архимед. — Я не понимаю. Ее что, горяченькой взяли?

— Холодненькой... Я, Евгений Николаевич, в буквальном смысле: в Ле-

нинград прибыл труп. Даже два — она и некто Штольц, судя по всему, сообщник... Причины смерти устанавливаются, вероятнее всего — отравление. Поскольку на месте происшествия обнаружена иностранная валюта в особо крупных размерах, дело передано вашим, Евгений Николаевич, коллегам.

— Уж не тем ли, что вели уважаемого Якова Данииловича? — осведомился в пространство Архимед.

— Сомнительно, — отозвался Шеров. — После нашего небольшого спектакля, полагаю, оргвыводы последуют незамедлительно... — Он фыркнул. — А вот денежки, конечно, плакали, и это, товарищи, большое упущение...

— Вот ведь сучка! — не выдержал Ковалев. — И на что рассчитывала? Не могла же не понимать, что мы ее из-под земли достанем...

— Теперь уж точно — из-под земли, — задумчиво добавил Архимед. — Только зачем?

— Должно быть, ей не показались убедительными наши гарантии безопасности, — сказал Вадим Ахметович.

— Хозяюшке не поверила... — Архимед покосился на висящий над диваном овальный портрет рыжекудрой красави-

цы верхом на породистом вороном коне. — Вот ведь дура!*

— В итоге государство обогатилось на шестьдесят пять тысяч зелеными, и нам остается лишь примириться с этим фактом... Нашей причастностью к этой печальной истории никто интересоваться не будет, так что эту страницу мы перелистываем и двигаемся дальше. Евгений Николаевич, есть для вас одно дельце... Полагаю, подлинная личность нашей незадачливой подруги будет установлена довольно быстро — благо, наследила она в своей короткой жизни изрядно. Тогда на опознание будут вызваны родственники, из которых в Ленинграде имеется только один — муж. Так вот, этот муж представляет для нас определенный интерес.

— В каком аспекте?

— Честно говоря, не знаю. Это идея Татьяны... — Шеров показал на портрет

---

* Действительно, дура! Никто не планировал убирать ее по завершению операции. Усыпив Яшу и подменив портфель, она должна была тихо сойти в Бологом, дождаться следующего поезда, доехать до Москвы, сдать портфель, а взамен получить загранпаспорт и путевку на Кубу. С пересадкой в Париже. В тамошнем аэропорту ей помогли бы затеряться в толпе, доставили бы по определенному адресу, снабдили легендой, видом на жительство — и приличным гонораром за проделанную работу. Все по-честному. *(Прим. Т. Захаржевской.)*

прекрасной всадницы. — Логичнее всего будет контакт по линии психиатрии. Сами понимаете, потеря близкого человека, стресс. Можно немного усилить... ну, вы понимаете... Предстанете перед ним профессором психиатрии... Запомните, нам нужны не столько факты его биографии, сколько реакции, оценки, самооценки — короче, исчерпывающий психологический портрет...

IV
(Ленинград, 1982)

— Проходите, пожалуйста, — любезно, словно старого доброго знакомого, пригласил врач. — Присаживайтесь, прошу вас.

Молодой человек, высокий и светловолосый, послушно уселся в указанное кресло возле черного полированного стола и, не отрывая взгляда от лица доктора, что-то тихо сказал.

— Извините великодушно, не расслышал...

— «Фаберже-брют», — чуть громче повторил молодой человек. — Галстук «Мсье Ги», натуральный шелк, серебряная булавка от «Медичи».

— А вы того, — врач непроизвольно дотронулся до массивной серебряной булавки на шелковом перламутровом галстуке, — знаете толк...

— Вы тоже.

Молодой человек не кривил душой. Врач, ухоженный красивый мужчина средних лет, с густой седеющей шевелюрой и аккуратной бородкой, выглядел прямо-таки лауреатом международного конкурса «Мистер Элегантность». От внимания молодого человека не укрылось и то, что собеседник его, прежде чем сесть, бережно подтянул безукоризненно отутюженные черные брюки. Да и кабинет, в котором происходил разговор, ни единой деталькой не ассоциировался с советским медицинским учреждением. Крытый зеленым сукном старинный письменный стол не опозорил бы и приемную какого-нибудь царского министра, импозантны были и книжные стеллажи, сплошь уставленные неведомыми фолиантами, и изразцовый камин с двумя симметричными вазами на полке, и пушистый, вишневого цвета ковер под ногами, и вытянутые арочные окна, выходящие в нежную весеннюю зелень...

— Ну-с, как самочувствие? На что жалуемся? — профессионально бодрым голосом осведомился врач.

— Самочувствие сообразно ситуации, а жаловаться мне не на что. Хотел бы выразить вам глубочайшую признательность и поскорее отправиться домой.

Чувствовалось, что он очень старается говорить неторопливо, спокойно, как и подобает человеку, находящемуся в здравом уме и доброй памяти.

— Увы, Нил Романович, удовлетворить вашу просьбу не могу, — вкрадчиво сказал врач.

— Но отчего же? — все так же медленно и четко выговорил молодой человек. — Видите ли, мне очень нужно. Срочно. Сами понимаете, организация похорон...

— Ах, Нил Романович, никакой срочности нет, уверяю вас. Мне доподлинно известно, что экспертиза займет еще некоторое время... Случай крайне нестандартный, определенные тесты потребуют трех-четырех дней, и не исключено, что возникнет надобность в повторном анализе. Так что неделя, как минимум, у нас есть, и я категорически рекомендую, чтобы это время вы провели здесь, под нашим присмотром.

— Не вижу необходимости. Я совершенно здоров. Так что, спасибо вам и...

— Совершенно, говорите, здоровы? А позвольте полюбопытствовать, что у вас с рукой? И откуда живописный синяк на лбу?

Молодой человек с тоской поглядел на свежий бинт вокруг запястья.

— Наверное, порезался, когда падал. И ударился. Понимаете, там... ну, в морге... такой воздух... Вот я и грохнулся в обморок. А здесь с вашей помощью пришел в себя...

— Да? У меня несколько иные сведения, свидетельствующие о некоторой, скажем так, неадекватности.

— Что конкретно вы подразумеваете под неадекватностью?

Чувствовалось, что молодой человек из последних сил сохраняет самообладание.

— Пожалуйста. В ходе опознания вы допускали весьма странные высказывания, а затем схватили со стола прозекторский нож, принялись размахивать им, никого к себе не подпуская, после чего сделали попытку вскрыть себе вены этим ножом. И грохнулись вы, если использовать вашу терминологию, не без помощи служителей, откуда и гематомка на челе... Не держите на них зла, Нил

Романович, и благодарите Бога, что порез вам обработали прямо на месте — кто знает, где этим ножичком ковыряли.

— Этого не было, — сказал Нил, глядя в пол.

— Свидетелей с полдюжины наберется... Так как, будем обследоваться? Не угодно ли подписать бумагу о вашем согласии?

— А если я не подпишу?

— В таком случае, ее подпишет кто-либо из ближайших родственников. В вашем случае — мама. Будем звонить Ольге Владимировне?

— Не будем... Вы можете мне гарантировать, что без меня?..

Врач испытующе посмотрел на Нила и твердо сказал.

— Могу.

— Давайте вашу бумагу. И еще одна просьба.

— Какая?

— Распорядитесь, чтобы мне вернули мою одежду. Мне крайне неудобно общаться с вами в этих... исподниках. Только, пожалуйста, не говорите, что это предписанная правилами униформа для... клиентов вашего заведения. Вы тоже не в белом халате...

Врач всплеснул руками и рассмеялся.

— Уели, Нил Романович, ах, уели!

— Браво, вы неплохо скаламбурили, — улыбнулся Нил. — Надеюсь в самое ближайшее время убедить вас, что я еще не окончательно ах...

Врач недоуменно взглянул на Нила, но тут же расхохотался вторично.

— Великолепно держитесь, Нил Романович. Не уверен, что смог бы так же, окажись я на вашем месте.

— А что, не исключаете такую вероятность?

— Психика людская, Нил Романович, предмет темный и, между нами говоря, подвластный систематической науке лишь постольку поскольку. В любой момент такое с нами может выкинуть!.. Вот вы, Нил Романович, прежде за собой суицидальные наклонности замечали?

— Так все же как насчет моей одежды, Евгений Николаевич? — сказал Нил, узнавший имя врача у строгой медсестры, которая сопровождала его в кабинет. — Серьезная беседа предполагает хотя бы видимость равенства сторон.

Врач хмыкнул и надавил невидимую кнопку. После короткого гудка зуммера, он громко произнес:

— Тамара Анатольевна, будьте добры, принесите сюда рубашку и брюки больного Баренцева.

Слегка поморщившись при слове «больной», Нил поспешно добавил:

— И пиджак.

— И пиджак... Благодарю вас.

— Вы спрашивали о суицидальных наклонностях? Никаких поползновений, а тем паче попыток повеситься, отравиться, броситься под поезд и прочее, я за собой не замечал, но...

— Продолжайте, прошу вас.

— Но сама идея бессрочного отпуска никогда не вызывала во мне того страха и отвращения, которые лукавая природа заложила в каждое здоровое животное.

— Себя, стало быть, вы к животным не причисляете?

— К здоровым — нет... Знаете, кто был моим любимым литературным героем в девять лет?

— Да уж надо полагать, не Карлсон... Только не говорите мне, что принц Гамлет. У меня этих Гамлетов побольше, чем Наполеонов было...

— Нет, конечно, не Гамлет. Ханно Будденброк.

— Это еще кто?

— Перечитайте Томаса Манна... Понимаете, молодость и здоровье — это ведь не только производные от календарного возраста и физического состояния организма. Здоровое молодое животное радуется, когда ему хорошо, и отчаянно борется, когда ему плохо. Говоря объективно, в моей жизни было очень немного по-настоящему плохого, стало быть, опять же объективно, мне почти всегда было хорошо — но я давно уже забыл, что такое настоящая радость. А сегодня утром, после звонка из прокуратуры, и потом, на опознании в морге, я вдруг почувствовал, что не хочу и не могу бороться... И если бы в тот момент сопровождавший меня следователь, так похожий на молодого Ильича, вдруг предъявил мне обвинение в убийстве, я с радостью подписал бы признание. Конечно, если бы он гарантировал мне скорый суд и такого палача, который не мажет с первого выстрела... Поверьте, Евгений Николаевич, я нисколько не кокетничаю.

— Но на метком выстреле все же настаиваете.

— Я не мазохист и не люблю боли.

— Полноте, юноша! Представьте себе на минуточку, что ваш молоденький следователь, по неопытности или даже по не-

добросовестности, поддался на вашу провокацию, залепил вами дырку в следствии и подвел под расстрельную статью. Дальнейшее нисколько не будет напоминать счастливые сборы в далекое путешествие, поверьте, я знаю, о чем говорю. Перед судом вы предстанете с разбитой рожей и порванной задницей, потому что ни надзиратели, ни урки фраеров-мокрушников не жалуют. А после приговора вас засунут в холодный каменный мешок и будут дважды в сутки пропихивать через решетку кусок заплесневелого хлеба, и сначала вы будете каждый день и час молить о смерти, потом привыкните, научитесь радоваться глоточку затхлой воды, солнечному лучику, случайно заглянувшему в вашу темницу, подружитесь с приблудным мышонком и начнете делиться с ним последними крошками. На газетных клочках, брошенных вам на подтирку, собственной кровью будете строчить ежедневные ходатайства о помиловании, да только дальше мусорного бака они не пойдут. А в тот день, когда вы окончательно поймете, что в этой жизни есть только одна-единственная истинная ценность, и эта ценность — сама жизнь, вас поведут якобы на помывку, но как только вы зайдете в душевую кабинку, в вентиля-

ционном окошке, как раз на уровне затылка, покажется дуло мелкокалиберного пистолета Марголина, но выстрела вы не услышите, не успеете. А потом труп вывезут в крытом фургончике и бросят в яму с известью. Впечатляет?

— Да вы поэт, ваше благородие, — отшутился Нил от сковавшей сердце ледяной жути.

— Уж ежели вы перешли на табель о рангах, сударь мой, извольте титуловать меня превосходительством. Выслужил-с, как-никак профессор. — Евгений Николаевич откинулся в кресле, извлек из кармана замшевого пиджака синюю пачку, протянул Нилу. — Угощайтесь, голландские. — Нил взял сигарету, повел ноздрями, отмечая непривычную изюмно-черносливовую отдушку, закурил от протянутой через стол пьезокристаллической зажигалки. — Хороши, заразы, а? Есть ради чего пожить маленько?

Профессор неспешно сложил губы в кружочек и выпустил идеальное колечко дыма.

— Конечно, это было минутное настроение, — сказал Нил, затянувшись. — Но видели бы вы, какое неописуемо счастливое лицо глянуло на меня, когда пьяненький служитель откинул просты-

ню. Я еще подумал, а так ли надо разыскивать и карать настоящего убийцу, если свершилось не злодейство, а может быть, благодеяние.

— Хорошо благодеяние!.. Слушайте, а не попросить ли Тамару Анатольевну сварить нам по чашке кофейку? У нее кофе божественный.

— Если можно, — сглотнув, сказал Нил. — Кофе я люблю...

— Ах нет! — взглянув на часы, воскликнул профессор. — Никак не могу, опаздываю, извините... Давайте-ка завтра, часиков, скажем, в четырнадцать ноль-ноль. А пока — анализы, лечебная физкультура, обед, отдых, здоровый сон. Я скажу Тамаре Анатольевне, что вам разрешены прогулки по территории. Надеюсь, не станете злоупотреблять доверием. А то тут намедни один умелец из хроников подкоп под стеной учинил, чтобы за водкой бегать...

— Не беспокойтесь, — заверил Нил. — Я за водкой не побегу.

— Ну-с, пока наша уважаемая Тамара Анатольевна кофейком озадачивается, давайте-ка пройдемся по анкетным данным, если вы не против. Кое-что, знаете ли, обращает на себя внимание.

Нил усмехнулся.

— Догадываюсь. Две графы. Имя и место рождения. Нилом звали деда по отцовской линии. Лично я ни с кем из его родни не знаком, но слышал, что все мужчины в роду Баренцевых — либо Нилы, либо Романы. А родился я точно в городе Гуаньчжоу, Китайская Народная Республика. Не из эмигрантов. Отец работал в Китае военным специалистом.

— Интересно. Что-нибудь про Китай помните?

— Очень смутно. Меня оттуда увезли, когда мне только пошел третий год.

— Это когда у нас с ними отношения окончательно испортились?

— Пораньше. Мы с матерью уехали, а отца отозвали оттуда только через несколько лет...

— Вот как?

— Ей надо было продолжить учебу.

V
(Гуаньчжоу, 1957)

Продолжение учебы было, конечно, не при чем — то, что мать по возвращении восстановилась на третьем курсе консерватории, которую бросила

после своего скоропалительного романтического брака, было сопутствующим обстоятельством, но никак не причиной отъезда. Равно как не были причиной и контры между супругами, и стремление обеспечить малышу нормальные условия и уход — к услугам семьи имелась вполне приличная по тем местам поликлиника, полагались даже бесплатные денщик и кухарка.

Суть же заключалась в том, что мать Нила и, соответственно, жена капитана Баренцева, Ольга Владимировна Баренцева, особа волевая и целеустремленная, положила себе за правило каждый день упражняться в вокале по три часа. Первое время, пока они жили на городской квартире, в добротном старом доме, отведенном для местных ганьбу* средней руки, особых проблем ее пение не вызывало. Зато потом, когда в гарнизоне завершили строительство жилого городка и в распоряжение советского инструктора капитана Баренцева был выделен аж целый коттедж, стали проявляться некоторые неудобства. Полнозвучное, мощное меццо-сопрано Ольги Владимировны даже при закрытых окнах сбивало с ноги

* Общее обозначение чиновников *(кит.)*.

солдат на плацу, перекрывая лающие команды китайских сержантов и старшин, не говоря уже о тихих, вкрадчивых голосах китайских замполитов. В присущей им окольной манере китайцы принялись при каждом удобном случае расхваливать капитану выдающиеся певческие данные его уважаемой супруги, и тут свою роковую роль сыграло принципиальное различие культур. Капитан Баренцев, до той поры относившийся к жениному рвению с плохо скрываемым раздражением, преисполнился гордости за ее успехи и даже намекнул китайцам, что сумел бы, пожалуй, уговорить жену периодически давать концерты в гарнизонном Доме политпросвещения и культуры. Он искренне хотел сделать приятное китайским коллегам и не без удовольствия смотрел, как их широкие лица расплываются в безбрежных улыбках.

— Осень холосо,— от имени всех сказал переводчик.— Мы будем осень сясливы слюсать товалися Оля Владимина на насей ссене.

Известия о предстоящем концерте подхлестнули и без того кипучую энергию Ольги. Вместо трех часов она начала репетировать по пять. Где-то откопала аккомпаниатора — неисповедимыми пу-

тями оказавшегося в этих краях старичка-румына, прямого как палка, с висячими моржовыми усами. Маэстро Думитреску был ко всему безучастен, терпелив, как мул, безотказен, как часы «Павел Буре», и к тому же немножко понимал по-русски. Для Ольги это был идеальный вариант. Репетиции нередко затягивались допоздна, и тогда многострадальный капитан с орущим малышом на руках уходил через дорогу, в штаб полка, где можно было выдрыхнуться на широком кожаном диване в приемной начальника.

Руководство китайской народной армии трепетно относилось к партийно-политической работе, и под Дом политпросвещения было выделено едва ли не лучшее здание в округе — центральный храм упраздненного пролетарской властью буддийского монастыря. Бритых монахов в красно-желтых ризах сменили бритые солдаты в хаки, вместо тханок на резных лакированных стенах прилепились красочные плакаты, призывающие единодушно следовать мудрым указаниям Великого Кормчего, давать отпор любому империалистическому агрессору, соблюдать правила личной гигиены, вырвать собачьи ноги последышам черного лиса Чан Кайши и нещадно истреб-

лять злонамеренных воробьев — главных вредителей полей. Но прямо напротив главного входа, на возвышении-алтаре, как и встарь, с рассеянной застывшей улыбкой сидел в позе лотоса монолитный каменный Будда, убрать которого, увы, можно было только вместе с храмом. Высотой Будда был метров пять, поэтому, для правильности идейных пропорций, по обе стороны от Божественного учителя старорежимного благочестия были на громадных полотнищах вывешены выписанные в свой натуральный десятиметровый рост великие близнецы-братья века нынешнего — Сталин и Мао. Широкие окна с разноцветными стеклами были когда-то специально расположены так, чтобы свет от них собирался в один пучок на лилейном пупке, выпирающем из центра необъятного Буддиного пуза.

Чуть впереди и слева от величественного изваяния стоял белый концертный рояль. Рояль, как выяснила накануне концерта явившаяся сюда для генеральной репетиции Ольга, был немилосердно расстроен, молоточки западали, некоторых струн не было вовсе. Как пояснил экстренно вызванный переводчик с несколько пикантным для русского уха

именем Фынь Хуа, рояль этот для игры не использовался, а поставлен был, во-первых, для красоты, а во-вторых, чтобы регулярно выступающие здесь лекторы-пропагандисты могли с удобством разместить на его обширной крышке различные наглядные пособия. В дом капитана Баренцева было срочно откомандировано отделение хозвзвода для доставки в Дом политпросвещения личного пианино уважаемой супруги капитана. Самой Ольге пришлось отправиться вместе с бойцами для руководства процессом.

Насколько Нил знал свою мамашу, в ночь перед концертом она спала как бревно, сознательно изнурив себя многочасовой генеральной репетицией и приняв вместо снотворного стакан теплого молока с медом и изрядной порцией коньяка. Может быть, такая привычка появилась у нее позже, когда концерты и спектакли стали делом обыденным, а тогда, совсем еще молоденькая и неопытная, она всю ночь ворочалась без сна, будто Наташа Ростова накануне ее похищения Анатолем Курагиным...

Зрители входили в зал повзводно, рассаживались по команде, сидели тихо,

не шевелясь. Мест всем не хватило, последние приносили длинные скамейки, расставляли их вдоль стен, в проходах. Офицерскому корпусу, членам семей и особо приглашенным гражданским лицам предлагалось по внешней боковой лестнице подняться на хоры, под самые окна, где стояли обитые шелком банкетки на причудливых золоченых ножках. Своего рода царская ложа. В первом ряду сидел неподвижный и напряженный капитан Баренцев, удерживая на коленях испуганно притихшего Нилушку.

Ровно в половине шестого гулко ударил гонг, вторя ему, отрывисто рявкнули сержанты. Зал разразился громовыми аплодисментами. Нилушка вздрогнул и тихонько заскулил. Звуки возносились под купол, вибрировали, отражаясь от стен, многократно умножаясь. Такой овации позавидовал бы любой признанный кумир. Акустика в храме была великолепная.

Первым на возвышение перед монументальными фигурами вождей — назовем его сценой — вышел Думитреску в черном, местами лоснящемся костюме, сухо поклонился, сел на табурет, откинул крышку пианино. Аплодисменты резко смолкли, и в наступившей звон-

кой тишине в белом парчовом хитоне, в пышном пудреном парике, сверкая блестками и неумело наложенным гримом, подслеповато щурясь, плавной артистической походкой вплыла Ольга. Зал замер окончательно. Тысячи дисциплинированных глоток с неимоверным трудом сдержали возглас изумления. Такое они, в большинстве своем малограмотные крестьянские парни, видели впервые.

Хитрая рефракция, придуманная мастерами древности, не позволяла Ольге видеть выражения лиц публики: радужный свет выхватывал из полумрака храма всякого, кто оказывался в центре сцены и тем самым застил Божественный пупок. Получался как бы свет рампы, к чему тоже следовало привыкать.

— Ария Розины! — зычно провозгласила Ольга и сама вздрогнула от неожиданного фортиссимо собственного голоса.

В зале что-то гавкнули — и цветные стекла дрогнули от громовых аплодисментов. Противно резануло по ушам. Нилушка зашелся в крике, и на сей раз его услышали все. Капитан поспешно прикрыл рот истошно вопящему мальцу ладонью и, наступая на ноги соседей,

вышел вон. Ольга досадливо свела брови, пытаясь испепелить взглядом малолетнего свинтуса, дерзнувшего разрушить величие момента. Однако пристало ли царственной особе омрачаться подобными мелочами? Ольга повелительно подняла руку. Мгновенно наступила гробовая тишина. Примадонна перевела дух, поправила съехавший набок парик, кивнула маэстро Думитреску...

В тот вечер она была в ударе. И в голосе. Начав, от волнения, несколько *vibrato u sotto voce*, она постепенно освоилась, уши приспособились к грохоту оваций, которыми сопровождался каждый номер, голос полился плавно, свободно, мощно. Скрипом и качанием резонировали старые деревянные перекрытия, дребезжали стекла, гулко вибрировали струны в утробе бездействующего белого рояля. На хорах стало плохо супруге председателя уездного исполкома. От напряжения лопнула веревочка — и одно из длинных полотнищ, испещренных желтыми иероглифами, красной змеей опустилось в зал, накрыв полряда зрителей. Полотнище тут же убрали, не прерывая концерта.

Она пела три с половиной часа и еще десять минут выходила на поклоны.

Грим весь стек и попортил парчовый хитон, волосы под париком были мокры, как в бане, ноги гудели от усталости — но Ольга была счастлива. Успех! Успех!! Успех!!!

Капитану пришлось срочно выписывать из Пекина второе пианино — первое, по замыслу Ольги, должно было раз и навсегда остаться на сцене Дома политпросвещения рядом с дискредитированным роялем. Думитреску дневал и ночевал у них. Специально для пианиста в детской поставили раскладушку, а Нилушка перекочевал вниз, в полутемную комнатку при кухне. Все заботы о малыше взяла на себя китайская кухарка. На ночь поила отварами, купала в них, делала точечный массаж. Беспокойный мальчик сделался толст, тих и сонлив, и начавшаяся было после храмового бенефиса аллергия на мамин вокал вроде бы прошла, однако решено было впредь не рисковать и на концерты ребенка не водить. Капитан все чаще ночевал на штабном диванчике, начал впервые в жизни страдать головными болями — и это он, который на частые супругины мигрени реагировал, бывало, с солдатской прямотой: «Ну чему там болеть? Там ведь кость», на что она отвечала: «Это у тебя

кость. А у меня резонаторы». В работе с подопечным личным составом капитан сделался сбивчивым и раздражительным.

Зато через три недели состоялся второй концерт Ольги Баренцевой, прошедший с не меньшим триумфом. Затем еще один. Она с увлечением работала над новой программой и подумывала уже об организации хора из жен военнослужащих, о гастролях, о конкурсе вокалистов...

Катастрофа разразилась неожиданно, как и свойственно катастрофе. После пятого сольного концерта Ольги капитана Баренцева вдруг вызвал на ковер старший военный советник, гвардии полковник Астапчук. Разводить азиатскую дипломатию полковник не стал:

— Значит, так, капитан. Сигналы поступают. Устойчивое снижение показателей боевой и политической подготовки. Полморсос* хромает. Рост травматизма, случаев халатности и обращений в медсанчасть. Среди китаез наблюдается брожение умов, недовольство... Верные люди сообщают, что в политуправление округа поступила из вашей части бумага. От замполита, кстати, Сунь Хуй-

* Политико-моральное состояние *(воен.)*.

чая, или как его там... Нехорошая бумага. О тайном внедрении в полк агентов мирового империализма с целью деморализации личного состава революционной армии. Под видом советских специалистов и членов их семей. Что скажешь, капитан?

— А что сказать, товарищ полковник? Сука он, Хунь-чань этот. Сколько водки моей выжрал, а теперь... Я ведь у них единственный советский специалист, так что получается...

— Получается, капитан, именно так и получается. А знаешь, почему получается?

Астапчук исподлобья, хмуро поглядел на Баренцева.

— Никак нет, товарищ полковник, — заставляя себя глядеть Астапчуку прямо в глаза, бодро ответил капитан. В душе же определенно шевельнулось: «Ольга!»

— Ты, Роман Нилович, бабе своей прикажи, чтобы выть прекращала, понимаешь!.. — Полковник смачно, витиевато выматерился. — Ухи вянут, оголовок трещит! Тут не только китаеза хлипкая, сибирский мужик — и тот взвоет.

— Но ведь публика, товарищ полковник... Каждый раз полон зал, а хлопают как... — пытался объясниться Баренцев.

— Полон зал, говоришь? А знаешь, как зал этот наполняют? У них, у сук, график специальный по взводам составлен, и каждый поход на концерт к трем очередным нарядам приравнивается, понял? У которых взыскание, те вне очереди, вместо чистки плаца и сортиров. Бойцы, говорят, со слезами идут, лучше, говорят, сортир, гауптвахта, дисбат... Вот так-то, капитан, всех достала твоя артистка, понял? В общем, пусть заткнется в тряпочку, а не хочет — пусть катит отсюда ко всем чертям собачьим. Двадцать четыре часа на размышление, а потом, если хоть одну нотку услышу, — тебе, капитан, неполное служебное, и прошу на Северные Курилы! Пущай перед морскими котиками колоратуры свои выводит, те стерпят. И на пенсию оттуда пойдешь ты капитаном, если, конечно, дотянешь... Приказ понятен?

— Так точно, товарищ полковник.

— Выполняйте...

Уже через неделю Ольга с Нилушкой были в Ленинграде, в родительской квартире на Моховой. Капитан Баренцев остался дослуживать в Гуаньчжоу, обучая китайских летчиков летать на наших «МИГах»...

VI
(Ленинград, 1982)

— Конечно, помнить этот период я не мог, но в памяти прочно засело ощущение великого безотчетного ужаса, когда на гладкой полусфере теплого шоколадного камня жирно залоснилась огромная, грубо размалеванная личина. В пространстве, созданном для тихого гудения благоговейных мантр, грянули сатанинские переливы бельканто... Остальное сложилось из обрывочных рассказов бабушки и отца, а недостающее было восполнено воображением...

— Ознакомился я с историей юного Будденброка, Нил Романович... Недурственно. — Профессор отхлебнул кофе и бережно поставил чашечку на стол. — Картинка, скажу я вам, вполне клиническая, хотя и нетипичная. У нас в стране, знаете ли, более распространены иные проявления вырождения. Куда менее... обаятельные. Не та преемственность, не та культура. Насколько же своеобразным должен быть жизненный опыт у советского девятилетнего мальчика, чтобы он избрал себе такого героя...

— Своеобразия хватало, — согласился Нил. — Правда, тогда еще я это не вполне понимал — не с чем было сравнивать.

— Вот об этом, пожалуй, и поговорим.

— О своеобразии или об отсутствии материала для сравнений?

— И о том, и о другом. Каким вы были ребенком, как воспринимали родителей, близких, мир?

— Далекое ретро? — Нил усмехнулся.

— Не такое уж далекое. Вам ведь двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Ну, чтобы вам не обидно было, пусть будет — среднее ретро.

VII
(Ленинград, 1960—1961)

К четырем годам Нилушка прекрасно понимал, что такое «папа». Папа — это была большая и тяжелая малахитовая рамка, стоящая на крышке бабушкиного «Шредера» рядом с белыми головками, одна из которых называлась Бетховен, а вторая — Чайковский. Из рамки выглядывал какой-то черно-белый дядя с аккуратно зачесанными редкими

волосами и длинными, подкрученными усами. Дядя смотрел сердито, Нилушка боялся его и не понимал, зачем в такой красивой папе живет Бармалей. Про Бармалея ему читала бабушка, маме было вечно некогда, она приходила поздно, мимоходом чмокала в щечку засыпающего Нилушку и тайком от бабушки — зубки были уже почищены! — совала ему конфетку в яркой шуршащей обертке.

— На работе дали? — спрашивал он сквозь дрему.

— На работе, — рассеянно соглашалась мама.

— Значит, ты хорошо работала, — резюмировал он и проваливался в сон.

В доме было много вещей, которые хотелось потрогать руками, много кисточек, которые так хотелось потрепать, — на бархатных красных портьерах, на скатерти, на абажурах, низко нависающих над столом в гостиной, над маминой кроватью в спальне, над роялем в комнате, где жили бабушка с бабуленькой. А еще там был сундук — тяжелый кованый сундук, покрытый ковром. Как-то, когда бабуленька лежала в больнице, а бабушка пошла ее навестить, взяв с него честное слово, что он будет вести себя хорошо и никуда не от-

лучаться от стопочки книжек-склады-шей — из них можно было строить домики, а можно было и просто разглядывать в них картинки, — он не утерпел, пробрался в бабушкину комнату, пыхтя, стащил с сундука ковер, поднатужился, поднял тяжелую крышку... Среди старых, пожелтевших нот и разных пыльных коробочек он отыскал совсем ветхий коричневый альбом с фотографиями. Незнакомые, странно одетые дяди и тети, дети в длинных платьицах с кружевными подолами, в маленьких мундирчиках... Больше всего было одного дяди — толстого, важного, со стеклышком в глазу, с узенькими белыми бакенбардами. На многих фотографиях дядя этот был в блестящей высокой шляпе и смешном пиджаке, коротком спереди и очень длинном сзади, так что получалось что-то вроде хвостика. Дядя стоял на сцене, как мама в опере, в руках у него были то тросточка, то зонтик, то небольшая грифельная доска, вроде той, что бабушка подарила ему на день рождения. К тому же в сундуке отыскался хрупкий и пожелтевший лист бумаги с портретом того же дяди и четкими большими буквами, среди которых он узнал самую большую — «В».

Бабушка застигла его за увлеченным разглядыванием, отчего-то ужасно рассердилась, поставила хнычущего Нилушку в угол на бесконечные полчаса, а за обедом оставила без сладкого. Несмотря на суровость наказания уже через день Нилушке снова захотелось поглядеть альбом, и, когда бабушка опять ушла в магазин, он снова был в ее комнате, у заветного сундука. Увы — на крышке висел новенький, сияющий дужкой замок.

Какое-то время В. являлся Нилушке по ночам, пугая и одновременно маня холодным взглядом, медленными, отточенными жестами крупных белых рук. Потом перестал... Спрашивать про этого таинственного господина у мамы он не захотел, а у бабуленьки, вскоре возвратившейся из больницы, было и вовсе бесполезно — в ответ на любое обращение она только чмокала серыми губами и монотонно гудела себе под нос. О том же, чтобы спросить у бабушки, не могло быть и речи — моментально шагом марш в ненавистный угол, куда он регулярно попадал и за меньшие провинности.

Бабушка, неулыбчивая строгая дама с мощными рубенсовскими формами, была скора на расправу, а телячьих нежностей не терпела. Ее поцелуи достава-

лись ему строго один раз в год — на Пасху, а все его попытки как-то приласкаться к ней натыкались на стойкое, презрительное неприятие.

— Ах, какие ревности! — приговаривала она, стряхивая его с колен, словно досадные крошки, или отталкивая от себя.— Сопли подотри, ишь ты, выпердыш.

Кормила, правда, на убой и зорко следила, чтобы Нилушка был чист и ухожен. Впрочем, Нилушкой или внучком она называла его исключительно в присутствии посторонних — как правило, таких же холеных пожилых дам с седыми стрижками, иногда являвшихся в сопровождении лысых, потертых мужей. Перед приходом гостей она обряжала внука в короткие штанишки вишневого вельвета, того же материала жилетку, кукольную блузочку со взбитыми рукавами, на шею повязывала пышный бант в горошек. Непременной частью любого вечера было его выступление.

По бабушкиной команде он взбирался на заранее выдвинутый из-за стола стульчик и высоким, ломким голосом выводил:

— Bon soir, Madame la lune...*

---

* Добрый вечер, госпожа Луна *(фр.)*.

Или:

— Aluette, gentille aluette...*

Или:

— Que sera, sera...**

И только мокрая подушка «в тиши ночей, в тиши ночей» знала, скольких мук стоили эти мгновения славы, скольких шлепков, скольких часов, проведенных на коленях в темном углу, скольких обидных, несправедливых эпитетов в свой адрес. Бабушка никогда не повышала на него голоса, не употребляла нехороших слов, которыми щеголяли дворовые мальчишки, но всегда находила какие-то свои, удивительно больные, едкие. Когда снисходила до банального «сволочь» — значит, либо устала, либо в чрезвычайно добром расположении... Гости же ничего этого не знали, воодушевленно хлопали в ладоши, целовали, сажали к себе на коленки, нахваливали его и бабушку, пичкали пирожными, давали глотнуть сладкого винца...

Несколько раз Нилушка порывался обновить репертуар, ведь бабушкиным гостям наверняка понравились бы песенки, которые распевают во дворе большие

---

* Жаворонок, милый жаворонок *(фр.)*.

** Что будет, то будет *(фр.)*.

мальчики, — и по-русски, и слова такие интересные... Бабушка, бабушка, ты только послушай. «Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеш... Или вот: Падла буду, не забуду этот паровоз... — пел Нилушка. И еще: Как из гардеропа высунулась жо...»

Бабушка поджимала губы, отвешивала любимому внуку душевный подзатыльник и, не давая проплакаться, тащила к роялю:

— Sur le pont d'Avignon...*

Бабушкин запас познаний во французском языке исчерпывался десятком песенок наподобие «Авиньонского моста», и когда Нилушке исполнилось четыре года, к ним три раза в неделю стала приходить бабушкина подруга Шарлота Гавриловна, хромая, горбатая старуха, похожая на бабу-ягу. Она приносила с собой в старом сафьяновом портфельчике допотопные, рассыпающиеся учебники с непонятными словами и картинками, которые было интересно рассматривать, потому что на них изображалось то, чего в реальной жизни не было и быть не могло... «Каждое утро эти кавалергарды занимаются выездкой в этом

---

* На мосту Авиньон *(фр.)*.

манеже... Я покупаю бланманже в кондитерской Фруассара. Qui cri, qui lit, qui frappe à la porte?..»*

Занятия с Шарлотой Гавриловной были нудными, тягучими, как сопля, но по причиняемым страданиям не шли ни в какое сравнение с бабушкиными уроками музыки!.. Пребольно доставалось линейкой по пальцам, если он неправильно ставил руку, по ушам, когда брал не ту ноту. А куда больней линейки били слова... Тогда и пошли мечтания. Забившись в уголок, Нилушка мечтал не о сладостях — они никогда не переводились в доме, и мама каждый день приносила что-нибудь из оперы, — не о новой игрушке — все, что могли предложить тогда ленинградские игрушечные магазины, кучей валялось в углу возле его кроватки. Он мечтал, что когда-нибудь забредет в их края добрый разбойник Робин Гуд, защитник слабых и угнетенных, и поразит бабушку звенящей стрелой из своего тугого лука. И никогда больше не нужно будет садиться к ненавистному роялю, зато целый день гонять с мальчишками во дворе...

---

* Кто плачет, кто читает, кто стучится в дверь? *(фр.)*

Ах, этот двор, такой близкий — и такой далекий! Когда бабуленька была еще в силе, бабушка отправляла их прогуляться вдвоем, спускалась вместе с ними по лестнице, поддерживая бабуленьку за локоть, строго наказывая внуку со двора ни ногой. Потом бабуленька мирно дремала на лавочке, а Нилушка был предоставлен сам себе — играл в песочек, бегал в прятки и догонялки. Как-то, увлекшись, ребятишки гурьбой усвистали на второй двор и на третий, Нилушка увязался за ними — и, как на грех, наткнулся на возвращающуюся из магазина бабушку... Двадцать минут на коленях в углу, лишение прогулок на неделю, а потом и того хуже — бабушка спускалась во двор вместе с ним и с бабуленькой и длинным полотенцем привязывала его к ножке скамейки!

Искать защиты у мамы было бесполезно — ее и дома-то не бывает, а если она и бывает, то либо с бабушкой музицирует, либо спит допоздна. Случалось, Нилушка заползал к ней в теплую постельку, прижимался, всхлипывал:

— Мама, а бабушка опять...

Мама сонно улыбалась, рассеяно гладила по головенке.

— Ну ничего, ничего... В выходные съездим на Елагин остров. Там карусели, чертово колесо, комната смеха... Хочешь?

— Хочу...

Но выходные проходили, а съездить все не получалось... Наконец собрались. Мама долго пудрилась, надела красивое зеленое платье в больших алых розах, Нилушку обрядили в ненавистный вельветовый костюмчик и цветные гольфы... Получилось плохо — первым делом мама повела его в комнату смеха.

— Смотри, Нилушка, какие уроды! Ха-ха-ха.

Вместо мамы он увидел в кривом зеркале огромного дракона с крошечной головкой и необъятным зеленым пузом с кровавым пятном на месте пупка. Рядом с драконом, там, где должен был бы находиться сам Нилушка, кривлялся страшный рахит с тоненькими изломанными ручками. В голове что-то угрожающе защелкало, Нилушка упал лицом в грязный дощатый пол и зашелся в рыданиях... Больше на Елагин не ездили.

Вскоре после неудачного похода на острова в доме началась какая-то непонятная суета. Мама с бабушкой, переодевшись в ковбойки и тренировочные штаны, носились по квартире с ведрами

воды, протирали тряпками настежь открытые окна, водили по паркету полотерными щетками, попеременно бегали на кухню, где в кастрюлях что-то булькало, пенилось и вкусно пахло, то и дело шпыняли Нилушку:

— Ну, что ты вертишься под ногами? Пошел бы, что ли, погулял...

— Как?! — не веря своим ушам, спрашивал Нилушка. — Сам?

— Но ты же знаешь, что бабуленька теперь не выходит...

Во двор он выбежал окрыленный, но очень скоро весь восторг улетучился. Было скучно, глухие старухи на лавочке да девчонки прыгают возле песочницы через скакалочку, визжат от восторга. Нилушка решил было подойти, напроситься в прыгалки, но получилось бы несолидно, он же теперь большой, сам гуляет. Да и боязно, если честно сказать — девчонок трое, а он один... Противные они все-таки, девчонки. Все задаваки и воображули. И устроены не как нормальные дети — Борька Семичев под большим секретом рассказал, будто писают они неправильно, не из писек, а вообще из ничего! Парадоксы жизни, как сказала бы бабушка...

Нилушка совсем уж собрался возвращаться домой, еще немного повертеться

у мамы с бабушкой под ногами, но тут во двор вышел как раз тот самый Борька.

— Привет, Жиртрест! — снисходительно процедил он, подойдя к песочнице. — Без бабки сёдни? Ну ва-аще!.. Пацанов не видел?

— Не-а, — ответил Нилушка, мужественно проглотив обиду.

— А у меня что есть! — неожиданно похвастался Борька и показал блестящий беленький зуб.

— Ух ты! Где взял? — завистливо осведомился Нилушка.

— Сам выпал. Отсюда вот, — гордо сообщил Борька и, широко раскрыв рот, продемонстрировал дырку на верхней десне.

Нилушка с уважением поглядел Борьке в рот.

— Насмотрелся? И у тебя, когда большой станешь, тоже зубы выпадать начнут. А потом новые вырастут. Коренные называются. А это молочные.

— Знаешь что? — неожиданно для самого себя выпалил Нилушка. — Давай меняться, а?

— А что дашь? — оживился Борька.

— Ну, у меня, у меня...

Нилушка залез в глубокий карман пальтишка, но нащупал там только две

шоколадных конфеты «Тузик», которые бабушка сунула ему перед выходом. «Тузика» было жалко, такой сладкий «Тузик»... С другой стороны, зуб...

— Ну, что телепаешься?

Борька смотрел уже с откровенным презрением.

— Вот, — решился наконец Нилушка. — «Тузик»...

— Покажь, что еще за тузик?

Мена состоялась. Борька целиком засунул конфету в рот, и тут же из третьей парадной вразвалочку вышел Валерка-второклассник. Гордым взглядом окинул девчонок и подвалил к мальчишкам.

— Че жуешь? — спросил он, свысока глядя на Борьку.

— Жиртрест конфетку дал! Ниче, вкусная...

— Еще есть? — обратился Валерка к Нилушке.

Нил с тяжелым вздохом достал вторую, последнюю, и протянул Валерке.

— Только я не Жиртрест, — тихо сказал он. — Меня Нилом звать.

Валерка широко зевнул, показывая, что воспринял эти новости без интереса.

— Вот что, мелюзга, — великодушно предложил он, дожевав конфету. — Айда к сараям поджигу делать...

Поджига получилась мировецкая, чуть край сарая не подпалили. Потом бегали от дворника, потом подобрали на третьем дворе кусок алюминиевой проволоки, вышли на улицу Жуковского, подложили проволоку на рельс. Проехал трамвай, расплющил проволоку колесом, вышла сабля. Валерка на правах старшего забрал ее себе, взмахнул — сабля тут же сложилась в гармошку. Валерка пожал плечами, зашвырнул дефективную саблю за забор и предложил полазать по подвалам...

Во дворе его поджидала бабушка, и выражение ее лица не сулило ничего хорошего.

— И где ты так изгваздался? — холодно поинтересовалась она.

— Бабушка, я... — Он лихорадочно искал оправдания. — Я «Тузика» на зуб выменял...

— Бегом домой,— продолжала бабушка.— Его отец ждет, а он...

Отец... Похоже на «холодец». Так вот что с утра варилось в большой кастрюле...

— Мам, а мне Борька свой зуб!.. — крикнул он, врываясь в гостиную. Должен же хоть кто-то понять и разделить его радость! Но новость свою он так и не докричал, затих, упершись взглядом в чужое, накрашенное мамино лицо.

Она была не одна. За общим столом сидела бабуленька, обливаясь протертым супчиком, а навстречу ему надвигался чужой дядя в желтой рубашке. Высокий, почти с маму ростом, худой, но с круглым выпирающим животом, как у того страшного дракона в зеркале. Будто мячик проглотил. Или непослушного мальчика.

— Ну здравствуй, сыночек, — тихо и страшно проговорил дядя, неумолимо приближаясь.

Нилушка метнул затравленный взгляд на лицо незнакомца. Редкие, аккуратно расчесанные волосы. Тараканьи усы. Да это же!..

— Да это же папа, Нилушка, что ты? — сладко пропела мама.

— Бармалей! — прошелестел мальчик побелевшими губами, ища защиты, обежал застывшую, словно изваяние, мать и вцепился в ее длинную юбку.

Обман, подмена! В папе, такой гладкой и красивой, проснулся Бармалей, вылез из папы и теперь выдает себя за нее! Мама, мама, как же ты не заметила?!

Мама выгнула руку, взяла мальчика за плечо и потянула, выталкивая его от себя, вперед, ближе к Бармалею.

— Что ж ты боишься, глупенький? — изгибались ее кроваво-красные губы. — Папочку не узнал?

Оскалив зубы, Бармалей медленно нагнулся, выставив вперед длинные, корявые руки.

Нилушка вырвался, устремился к дверям. На пороге, прислонясь к косяку, стояла бабушка. Она ловко подхватила малыша, прижала к себе.

— Бабушка, бабушка, бабушка... — залепетал Нилушка ей в ухо.

То ли ему послышалось, то ли бабушка действительно проговорила, словно тихо выплюнула, совсем уж непонятное слово: «Отцоид!»

Нилушка скоро осознал и примирился с тем фактом, что «папа» — это вовсе не малахитовая рамка на бабушкином рояле, а «отец» никакой не холодец, что эти два слова на самом деле означают одно и то же, а именно того чужого дядю, который вдруг появился в их доме, ел и пил за их столом, спал вместе с мамой в спальне, а по утрам долго булькал и гоготал в ванной, где появилось множество новых, а потому интересных вещей — бритвенный станок, который Нилушке строго-настрого запретили трогать, тюбик с густым белым кремом (очень не-

вкусный, куда противней зубной пасты!), вечно мокрая волосатая кисточка, круглая бутылочка с пипкой посередине и большой резиновой грушей сбоку. Если на эту грушу надавить — то как фыкнет! Как-то Нилушка, играя, фыкнул струйкой одеколона прямо в глаз. Его еле-еле успокоили, глаз промыли, а бутылочку спрятали в ванный шкафчик, куда ему было не дотянуться.

Теперь Нилушка спал в гостиной на раскладушке, и это тоже было интересно, потому что за окном качался фонарь, и по ночам в комнате оживали тени от разных предметов, убегали и преследовали друг друга, и Нилушка, затаив дыхание, подолгу наблюдал за этой игрой в догонялки.

Он знал, что зовут дядю-папу майор Баренцев, что мама называет его Роммель, а бабушка — Роман Нилович, хотя за глаза, в разговоре с мамой, величает не иначе как «бурбоном» и «готтентотом», и что работает он далеко, в Китае, летчиком. Тогда еще это слово, волшебно-манящее для миллионов мальчишек, для Нилушки ничего не значило, летчик так летчик.

Помимо гигиенических принадлежностей майор Баренцев привез с собой

еще много всяких штук. Блестящие желтые и белые медали в плоских красных коробочках. Настоящий летный гермошлем, который был Нилушке безнадежно велик, а потому вскоре перекочевал до лучших времен на антресоли. Ярко раскрашенные глиняные маски, изображающие всяких богов и чудовищ — в них Нилушке поиграть не дали, а тут же прибили на стенку над диваном. Длинный и тупой кинжал в украшенных кисточками красно-золотых ножнах, а при нем — две пластмассовые палочки с бронзовыми наконечниками. Майор Баренцев пояснил, что это не пластмасса, а настоящая слоновая кость, и что такими палочками китайцы, оказывается, едят. Еще палочки, похожие на коричневые бенгальские огни, только если их поджечь, они не брызжут искрами, а начинают сильно и приторно вонять. Длинные картинки на лакированных палках, за которые картинки полагалось подвешивать. На картинках были горы, водопады, птицы, деревья в цвету, желтолицые люди в широких пестрых халатах и угловатые черные закорючки.

Нилушке безумно нравилось копаться во всех этих вещах, но, к сожалению, это можно было только в присутствии

майора Баренцева, а в его присутствии Нилушке становилось не по себе. Конечно, того ужаса, который он испытал при первой встрече, уже не было, но образ Бармалея еще не до конца померк в сознании, и в одной комнате с отцом у Нилушки начинали предательски дрожать коленки, голос переставал его слушаться, а любые желания вытеснялись одним-единственным — оказаться как можно дальше отсюда. Но чтобы не рассердить майора, Нилушка послушно тыкал пальчиком в первую попавшуюся вещицу и умирающим голосом спрашивал:

— Можно... папа?

— Конечно, можно... сынок, — с несколько натужной сердечностью отвечал отец. — Это сандаловые четки... в общем, такие бусы специальные...

Чувствовалось, что присутствие сына его тоже тяготило. Майор расстался с Нилушкой, когда тот был живым щекастым пупсом, умевшем лишь пачкаться да орать в самое неподходящее время, и теперь тоже никак не мог свыкнуться с тем, что этот незнакомый мальчишка, толстый, бледный, с темными кругами под глазами — и есть тот самый пупс, его родной сын, и с этим обстоятельством надо что-то делать. Впрочем, Ни-

лушка этого понять не мог, да и сам майор — тоже вряд ли...

Мальчик послушно брал в руки четки, перебирал несколько бусинок, тихо клал на место.

— Еще что-нибудь показать? — с готовностью спрашивал майор.

Нилушка понуро кивал головой и разглядывал предложенное, толком не видя и не слыша старательных разъяснений отца. Когда мама, а чаще бабушка за каким-нибудь делом выкликали его, он пулей вылетал из комнаты, и даже пытки у рояля были ему в радость.

Ночью, выйдя в туалет, он услышал обрывок разговора, который вели на кухне взрослые. Солировал майор:

— ...повышенная солнечная активность, и врачи настоятельно рекомендуют родителям детей с ослабленным здоровьем этим летом воздержаться от их вывоза на Черноморское побережье. Прекрасные места для детского отдыха есть и в средней полосе России, на Карельском перешейке и в Прибалтике... Это я, дорогие женщины, к тому, что не худо бы еще раз все взвесить. Сами же говорите — ребенок перенес бронхит...

До сознания Нилушки дошло только слово «черноморское», и тут же защеми-

ло в груди. Еще зимой мама обещала свозить на Черное море, и так аппетитно про это море рассказывала.

— Вам не стоило утруждать себя чтением, Роман Нилович, — отвечал четкий, ледяной голос бабушки. — Ваша мысль предельно ясна и без газетных слов. Я прекрасно понимаю, что вдвоем с Ольгой отдыхать вам будет куда вольготнее и спокойнее. Не стану возражать. При таком подходе всем будет только лучше, если мальчик отправится в деревню с Аглаей Антоновной и со мной. И в первую очередь ему самому.

— Но, Александра Павловна, я вовсе не это имел в виду...

— Ах, мама, но тебе же будет трудно управляться и с Нилом, и с бабушкой. К тому же я обещала Нилушке...

Ольгу прервал громкий рев из туалета:

— Не хочу на море, не хочу на море, хочу в Толмачево! С бабушкой! И с бабуленькой!

Майор не сдержал вздох облегчения.

Когда Нилушку привезли из деревни, отец был уже в Китае. На следующее лето мама сама летала к нему и привезла себе, сыну и бабушке много красивой одежды.

VIII
(Ленинград, 1982)

— Насколько я понимаю, вы в этот период получаетесь как бы безотцовщиной при живом отце. За такое короткое время ни вы не успели принять и полюбить его, ни он вас, вы встретились и расстались совсем чужими людьми, а ваши домашние это положение ничем, можно сказать, не облегчили.

— Там все друг другу чужие.

— Три поколения, три женщины, холодные, как Парки... — пробормотал Евгений Николаевич. — Клото, Лахесис, Атропос...

— Что вы сказали?

— Так, ничего... Бабушка ваша мне понятна и объяснима. А вот мать...

— Я не хочу никого судить да и не имею права. Ольга Владимировна — выдающаяся, почти великая певица, талант, полностью раскрытый и реализованный, — без намека на иронию сказал Нил. — Она живет только оперой, а все, что не есть опера, для нее существует лишь фоном, где-то там, на самой периферии сознания.

— В том числе и единственный сын?

— В том числе и единственный сын, — подтвердил Нил. — Только винить ее в этом — все равно, что пенять на луну за то, что не греет. Теперь-то я понял, а прежде сильно обижался... Пожалуй, единственное, в чем ее можно упрекнуть — что она вовремя не осмыслила свой жизненный вектор и допустила мое появление на свет...

IX
(Ленинград, 1963)

Минуло два года. Мамина слава крепла, ей присвоили звание заслуженной артистки, а потом вызвали в Москву и наградили медалью. Сразу по возвращении они с бабушкой затеяли большую перестановку, поскольку теперь маме нужна была отдельная комната для отдыха и занятий. Для начала Нилушку выселили из его с мамой спальни, куда тут же запустили мастеров, обивших стены специальными звукоизолирующими панелями и поставившими новую дверь, обтянутую чем-то толстым и мягким. Его кровать выкинули на помойку, заменив ее новым раскладным диваном, а диван, вместе с его

столиком и ящиком с игрушками, затолкали в угол гостиной.

Но и этот угол не стал для него тихим прибежищем — вскоре в гостиную перекочевал бабушкин рояль, и сюда с утра до позднего вечера стали ходить ученики. Учеников у бабушки заметно прибавилось, и хотя она вдвое увеличила плату за обучение, попасть к ней могли далеко не все желающие — еще бы, брать уроки у матери самой Баренцевой! Бабушка уже не могла позволить себе проводить занятия в своей комнате, где теперь безвылазно находилась бабуленька, вконец одряхлевшая и утратившая последние признаки презентабельности и транспортабельности. Ни приласкать правнука, когда он, изгнанный из других комнат, забредал в ее старческую обитель, ни сказать ему что-нибудь хорошее она не могла, если вообще когда-нибудь умела. С другой стороны, была уже не в состоянии шипеть и шпынять — и на том спасибо. Даже детский сад, куда его вскорости определили, чтобы зря не болтался под ногами, казался, по сравнению, мил и приятен, и домой возвращаться было ой как тяжко.

Но зимой садик закрыли на ремонт, а детей перевели в другой, в четырех трамвайных остановках. Нилушку решили ту-

да не водить — далеко, к тому же мальчику осталось всего полгода до школы. Теперь, в оставшееся от платных учеников время, бабушка занималась с ним не только музыкой, но и арифметикой, чистописанием, на ручонках, непривычных еще к перу, не сходили чернильные кляксы и синяки от злой бабушкиной линейки. Шарлота Гавриловна со своими ветхими учебниками стала приходить и днем.

— Nil! — все чаще шипела она. — Cesse-la! Tiens en place!*

Он ненавидел французский язык, ненавидел Шарлоту, ненавидел бабушку. «Она же такая старая! — думал он, забившись в уголок. — Ей пятьдесят восемь лет! Ну почему она все никак не умрет?!»

Мама то пропадала в своей опере, то целыми днями лежала на тахте в звуконепроницаемой комнате, то вовсе исчезала на несколько недель. Это называлось «гастроли». Оттуда она всякий раз привозила сыну что-нибудь интересное — яркие, красивые игрушки, большие книжки с множеством цветных картинок и непонятным текстом, пушистые свитера и нарядные костюмчики, неви-

* Прекрати! Не вертись! *(фр.)*

данные сласти — белый, как молоко, шоколад, плоские, почти прозрачные конфетки, которые так и таяли во рту, сочную жевательную резинку. Нилушка радовался подаркам и мечтал, чтобы мама уезжала почаще. И еще — чтобы самому поскорее вырасти и тоже поехать на гастроли, где делают столько всего замечательного..

Один раз мама взяла его с собой в оперу. Они долго ехали на трамвае, и это было интересно. Вышли у громадного красивого дома, но пошли не туда, где широкие ступеньки и много высоких стеклянных дверей, и большие-большие афиши с обеих сторон (на одной Нилушка, влекомый за руку озабоченной, опаздывающей мамой, успел с гордостью прочесть «з. а. РСФСР О. С. Баренцева»), а свернули за угол и нырнули в узкую, коричневую дверь с надписью «Служебный вход». За дверью на стуле сидела старая тетенька в берете и ловко перебирала спицами. Тетенька пробежала по ним взглядом, кивнула равнодушно и продолжила вязание, никак не прореагировав на тихое «здравствуйте», которое выдавил из себя воспитанный мальчик Нилушка.

— Вовсе не обязательно здороваться со всеми подряд, — на быстром ходу по-

учала мама, проволакивая его по высокому, но узкому коридору. — Народу здесь...

Действительно, народу было порядочно, и самого разного. Вот навстречу им вылетела целая стайка девчонок в белых балетных платьицах, едва ли старше Нилушки, пискливо переговариваясь, пролетела мимо. Вот из-за поворота выскочили два дядьки в серых замызганных халатах, едва не зацепив Нилушку длиннющей стремянкой. Вот они сами пронеслись мимо еще одного дяденьки, маленького, толстого и лысого — он стоял, выставив вперед руку, и сосредоточенно выводил высоким, козлиным голосом:

— Ля-а-а-а-а! А-а-а-а-а!.. Оля, в местком загляни-и-и!

— Ладно, Прокопий, потом... — пропела в ответ мама, не замедляя шаг.

Они без стука влетели в какую-то дверь и оказались в маленькой, прокуренной комнатке. Тут же отразились в двух зеркалах, возвышающихся над туалетными столиками — точно такой же стоял у бабушки в комнате, только на нем лежали ноты и стояла большая ваза с сухими цветами, а на этих громоздились всякие флакончики, коробочки, пуховки. Одно из придвинутых к столикам кресел было пусто, в другом сидела толстая старая да-

ма в бордовом бархатном платье, расшитом по подолу фруктами, и в высокой прическе, кудрявой и совсем белой. Дама курила папиросу и в зеркало смотрела на них карими коровьими глазами.

— Гаечка!

Мама подтолкнула Нилушку в сторону, сама же стремительно приблизилась к старой даме, наклонила к ней лицо. Та выставила толстое обнаженное плечо, и мама приложилась к плечу губами. Толстая дама в ответ чмокнула губами, словно целовала воздух.

— А то перепачкаю, — объяснила она густым басом и повела глазами в сторону Нилушки. — Твой?

— Мой, — подтвердила мама.

— Хорошенький. А почему не здоровается?

Мама обернулась, посмотрела с укоризной.

— Да, Нилушка, что же ты, поздоровайся с тетей Гаей.

Он густо покраснел — что спрашивает, сама же учила не здороваться с кем попало?! — и чуть слышно пробубнил:

— Здравствуйте...

— Гаечка, милая, умоляю, побудь с ним минуточку. Я только к главному и обратно...

— Мне сейчас на сцену, — пробасила толстая Гаечка.

— Да я буквально на секундочку... А ты смотри, веди себя.

Мама клюнула Нилушку губами в щечку и выпорхнула за дверь.

Тетя Гаечка, чуть улыбаясь, смотрела на набычившегося Нилушку, думая, должно быть, какой такой вопрос следует задать этому маленькому дикарю.

— И как же?.. — начала она, но тут в дверь постучали, и скрипучий голос внятно произнес:

— Гаянэ Хачатуровна, ваш выход.

Толстуха вздохнула, притушила папиросу и поднялась, одергивая налипшее платье.

— Ну вот, — сказала она, приосанилась и вышла, оставив Нилушку в полном одиночестве.

Он посидел немного, потом, набравшись смелости, подошел к маминому столику, понюхал из флакончика, открыл коробочку с яркой металлической крышкой, тут же измазал руку в каком-то жирном креме. Пока искал, чем вытереться, случайно дунул в пудреницу. Отскочил, от греха подальше, тут же задел спиной манекен с тяжелым и жестким позолоченным платьем, чуть не уро-

нил. На цыпочках вернулся к столику и сел в кресло, теперь уже опасаясь трогать что-либо.

Мама все не шла. Здесь было мучительно душно и скучно. Нилушка терпел, сколько мог, потом не выдержал, встал и вышел в коридор. Там было пусто. Вдали играла музыка. Идя на звук, он свернул за угол, потом за другой, незаметно для себя прошел в широкую, настежь открытую дверь...

Он оказался в длинном, узком помещении, сплошь уставленном одинаковыми шкафчиками. Одни были открыты и пусты, другие закрыты. Под некоторыми шкафчиками стояла обувь — туфельки, шлепанцы, белые балетные тапочки. Совсем как в детсадовской раздевалке...

В отдалении что-то скрипнуло, неожиданно пробежал сквознячок. Нилушка вздрогнул и замер.

В противоположном конце помещения показалась тоненькая, гибкая фигурка, обернутая в голубую простыню. Грациозно перебирая босыми ножками, фигурка приблизилась и остановилась вполоборота к мальчику возле одного из шкафчиков. Нилушка с замиранием сердца смотрел на точеный девичий профиль, на гривку мокрых волос, откинутых с чистого высокого

лба. Никогда еще он не видел создания, столь прекрасного.

Смуглая тонкая рука приоткрыла створку, достала что-то. Пугливо, словно серна, озираясь большими влажными глазами, девушка невесомо подошла к другому шкафчику, склонилась, высыпала в стоящие под ним тапочки какой-то белый порошок, выпрямилась и спрятала в складках простыни спичечный коробок.

— Будешь знать! — торжествующе прошептали нежные губы, раскрылись пошире, между ними показался розовый язычок.

Она развернулась и гордо удалилась в том же направлении, откуда пришла, так и не заметив вмазавшегося в стенку Нилушки. А его пробрала сладкая дрожь, лицо горело... Он долго смотрел ей вслед, пока не сумел усилием воли отогнать наваждение.

— Балерина! — пробормотал он со всей возможной презрительностью. В их доме это было слово ругательное.

Но неземной образ не желал уходить в небытие, насмехаясь над его натужным презрением...

Выйдя из раздевалки, он еще немного поблуждал по коридорам, пока не нарвался на злую взъерошенную тетку,

удивительно похожую на Нонну Сергеевну, самую несимпатичную воспитательницу в их садике.

— Это еще что такое?! — окрысилась тетка, едва завидев его. — Что еще за хождения? Тебе где надо быть?

— Не знаю, — честно и озадаченно признался Нилушка.

Тетка всплеснула руками.

— Он не знает! Не знает он! Через пять минут на сцену, все эльфы давным-давно готовы, переоделись, а он один все не знает... В левую кулису! Бегом!

— К-куда? — переспросил совсем растерявшийся Нилушка.

Тетка в изнеможении махнула куда-то рукой и убежала. Нилушка же побрел в указанную сторону. Скоро коридор перешел в лестницу, ведущую наверх, а та закончилась чем-то вроде балкона. Слева от Нилушки сбегала вниз крутая и узкая винтовая лестница, впереди виднелся длинный деревянный мостик, перекинутый через темную бездну. Дальний край мостика терялся во мраке. Нилушка подумал и выбрал винтовую лестницу. Осторожно, держась за стену, спустился по ней, и тут же зацепил ногой какую-то толстую веревку. Совсем рядом с ним с грохотом обрушилось что-то большое и

плоское, подняв при этом такую густую пыль, что стало вообще ничего не видно. Нилушка оглушительно чихнул.

Похоже, оба этих громких звука остались никем не услышанными. Ободренный этим, Нилушка отдышался и осторожно, почти ощупью двинулся дальше. Музыка делалась все громче и громче. Он обогнул большой темный холст — и совершенно неожиданно оказался в густой толчее. Всюду сновали люди разных возрастов, полов и размеров, в театральных и обыкновенных костюмах, живо жестикулировали, переругивались шепотом, шпыняли и толкали его. Он попятился, пытаясь сойти с торной дорожки, и уткнулся в колено, принадлежащее очень большому дяде. Дядя стоял совершенно спокойно, похоже, единственный из всех никуда не спешил. У него было круглое, доброе лицо.

— Ты, малец, чей такой? — приветливо спросил дядя.

— Зэ-а РСФСР Баренцевой О-Эс, — ответил Нилушка.

Этот дядя ни малейшего страха у него не вызывал.

— Ишь ты! — с уважением протянул дядя. — А кем быть хочешь, когда вырастешь?

— Пожарником! — убежденно ответил Нилушка.

Большому дяде этот ответ понравился чрезвычайно.

— Наш человек! — умиленно сказал он и протянул большую крепкую ладонь, которую Нилушка смог обхватить только двумя ладошками одновременно. — А я дядя Вася. Поглядеть хочешь?

— Что поглядеть? — не понял Нилушка.

— Ну, сцену. Представление.

— Ага.

— Пошли. Только там тихо надо.

И они на цыпочках вышли в кулисы, где специально для дяди Васи было поставлено кресло с прямой спинкой. Отсюда была видна почти вся сцена — только не как из зала, а сбоку. На сцене пели и плясали, а в противоположной кулисе, не обращая никакого внимания на окружающую суету, стоял человек в наушниках и меланхолично жевал длинный бутерброд. Нилушка забрался на колени к дяде Васе и стал смотреть на человека с бутербродом.

Мама разыскала его лишь после окончания дневного спектакля, крепко отругала, досталось и дяде Васе. Всю дорогу до дома она сердито молчала. И боль-

ше сына с собой в театр не брала. Он и не напрашивался. Там все играют музыку и поют — этого добра ему и дома хватает!

Если раньше ему строжайше запрещали выходить во двор без присмотра взрослых, то теперь, наоборот, норовили выставить при каждом удобном случае.

— Что сидишь сиднем?! — прикрикивала бабушка. — Иди-ка погуляй.

Но особого желания не возникало.

Чистенькая добротная одежка, толстые щеки, кругленький животик, а главное, занятия музыкой и французским, мягко говоря, не прибавляли ему популярности среди дворовых мальчишек. Играть его принимали нехотя, в войнушку убивали первым, обзывались:

— Парле-франсе пирамидон!

— Зато у меня папа летчик! — наливаясь краской гнева, кричал он.

— И где он, твой летчик? — ехидно спрашивал Валерка, главный предводитель, уже щеголявший в пионерском галстуке. — Видали мы таких летчиков! Летал-летал, на мамку приземлился, Пирамидона сделал и дальше полетел!

Даже гермошлем, который он, нарушив бабушкин запрет, потихоньку вы-

тащил с антресолей и на собственной голове вынес во двор, вызвал у мальчишек лишь очередную порцию дразнилок:

— Жиро-мясо-комбинат, шпиг-сарделька-лимонад! В самолет заберешься, он под тобой сразу развалится!

Особенно старался Валерка — ревниво блюл свое исключительное право называться родственником героя: его старший брат учудил по пьянке что-то очень героическое и загремел в тюрьму. И то сказать — брата Валеркиного знают и видели все, а вот Нилова папу — никто. Будто он сам его придумал.

Бросаться с кулаками на обидчиков Нилушка не смел — все они были старше и крупнее его. А с малышней возиться и самому не очень-то хотелось. Поэтому во двор он старался выходить как можно реже, постоянно находя себе какое-нибудь убедительное для бабушки занятие дома.

Самыми же счастливыми часами его жизни стали те, когда мамы не было дома, а бабушка была слишком занята, чтобы надзирать за ним. Тогда он тихонько пробирался в мамину комнату, к незапертому комоду, где хранились оставленные отцом вещи, раскрывал

ящики. Все китайские диковины давно уже были многократно пересмотрены, перещупаны, перенюханы, частично перепорчены и жгучего интереса больше не вызывали. Зато отцовские значки, фотографии, курсантская пилотка, первые лейтенантские погоны... Как жаль, что блестящие ордена и медали в красивых коробочках отец увез с собой! Зато оставил толстую, тяжеленную книгу в красном переплете, под названием «Аэродинамика самолета». Сама книга состояла из непонятных слов, чертежей и цифр, но на задних страницах были в цвете нарисованы всевозможные самолеты — наши, немецкие, американские. Высунув язык, Нилушка старательно перерисовывал «Яки», «мессершмитты» и «дугласы» в специальную тетрадочку в косую линейку. Нередко нарисованные самолеты становились частью сложной композиции — воздушного боя, бомбардировки. Технику рисунка бабушка и мама хвалили, содержание — нет. Женщины!

Конечно, Нилушка лазал не только по ящикам комода, но и по книжным полкам. Сначала открыл для себя Шекспира — в доме был только том с историческими драмами, — произведшего на

него неизгладимое впечатление. Страсти, коварство, властолюбие, кровь!

Померкни, день! Оденься в траур, небо!
Кометы, вестницы судьбы народов,
Бичуйте неприязненные звезды,
Что Генриха кончине обрекли!
Он слишком славен был,
чтоб долго править... —

декламировал он нараспев остолбеневшим мальчишкам во дворе, и тут же, воспользовавшись их замешательством, предлагал разделиться на Ланкастеров и Йорков и начать войну Алой и Белой розы. Они смотрели на него, как на полного придурка, но дразниться уже побаивались — психованный, поди знай, что может выкинуть... А он не останавливался на достигнутом, открывал для себя большой географический атлас, «Библиотеку приключений».

Теперь он окончательно понял, кем хочет быть. Только полярным летчиком. Как Саня Григорьев. До чего же здорово, что и фамилия у него самая подходящая для полярного летчика. Баренцев — как студеное море!

Избрав героя, надо во всем повторить его путь. Начать, как начинал он. В данном случае — бежать из дома.

Воспользовавшись отсутствием бабушки, он быстренько затолкал в рюкзачок старый драный свитер и варежки на случай зимы, полбуханки хлеба и большое румяное яблоко, книгу «Два капитана», карманный фонарик с севшей батарейкой, отцовский компас и три коробка спичек — а то какой же он путешественник без фонарика, компаса и спичек?

Все благоприятствовало его начинанию. Сырая, промозглая погода, простоявшая весь март и начало апреля, в одночасье рассосалась. Выглянуло солнышко, теплый ветер разогнал последние облака и приоткрыл небо — голубое, бездонное. Нилушка отвык от такого неба и, выйдя во двор, залюбовался им, подняв голову.

— Мой папа летает по тебе, — сказал он. — А я когда-нибудь полечу еще выше, прямо в космос. Как Гагарин и Титов.

В полярные летчики больше не хотелось, хотелось сразу в космонавты. Нилушка даже забыл, зачем, собственно, вышел, пробродил немного по двору, то и дело обращая к небу блаженную улыбку, съел яблоко да и поднялся домой. А вечером пришла телеграмма, что отец уже в пути и будет через три дня.

X
(Ленинград, 1982)

— Ждали?

— Как манны небесной. Понимаете, во мне тогда проклюнулось нормальное мальчишеское естество — библиотека приключений, самолетики, побег из дома. И это было так созвучно образу отца...

— Что же вы замолчали, Нил Романович? Неприятно говорить на эту тему?

— Скорее, неловко. Неужели вам интересно второй день кряду выслушивать мои... мемуары? Не жалко тратить время на такие пустяки?

— Это не пустяки, и это *мое* время. И моя работа. Мне за нее жалованье платят... Так что отец? Оправдал ваши ожидания?

XI
(Ленинград, 1963)

Нилушка напросился ехать вместе с мамой в аэропорт, ночью долго ворочался с боку на бок, заснул только под утро, но немедленно, бодро вскочил, едва лишь мама подошла к нему и ласково тронула за плечо — мол, пора.

Мамин сослуживец, баритон Даваев, заехал за ними на своей зеленой «Победе», и они тронулись через утренний, солнечный город. Нилушка ерзал на заднем сиденье, вертел головой, разглядывая незнакомые дома и улицы.

Рейс немного задерживался, и мама с Даваевым сели в кресла в полупустом зале ожидания, а Нилушка тут же прилепился носом к большому витринному стеклу, выходящему прямо на летное поле, поедал глазами выстроившиеся в рядок большие серые самолеты, смотрел на людей, сновавших по полю. С особым вниманием он вглядывался в тех, на ком была надета синяя форма. Это, конечно же, летчики, и надо не пропустить среди них папу...

— Пойдем, Нилушка, — неожиданно произнесла позади него мама. — Наш самолет объявили.

Они двинулись к дальним воротам, из которых вскоре стали выходить веселые загорелые люди с шальными глазами. Другие, стоявшие у ворот, подбегали к прилетевшим, обнимали, целовали, дарили цветы. Нилушка, еще толком не разглядев, животом почувствовал, что вон тот дяденька, лысый, усатый, в мятом сером пиджачке, совсем непохожий

на свои фотографии, еще только приближающийся к воротам — это и есть...

— Мама! — заверещал он на весь зал. — Мама! Папа!

Все обернулись и с улыбками посмотрели на него.

— Тише, не ори так... Да где, где ты увидел папу?

— Да вон там же!

И первым повис на шее вмиг остолбеневшего, глупо улыбающегося майора Баренцева.

— Вымахал-то... — частично обретя дар речи, пробормотал майор. — Совсем мужик стал.

— Папа, папа, папа, — лепетал Нилушка, тычась носом в выбритую до синевы щеку, а в голове кружила одна, но очень радостная мысль: «Я — мужик!».

Такая самооценка крепла и развивалась в нем те два бесконечно счастливых, но таких коротких месяца, когда отец был рядом. Он бегал за отцом, словно хвостик за собакой, — на базар, в парикмахерскую, до ларька с газетами или папиросами, всегда норовил, проходя по двору, взять его за руку, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что это — *его* папа, и очень тяжело переживал, что отец все время ходил в гражданском и

внешним видом своим никак не подтверждал свою принадлежность к героической профессии военного летчика.

В первый же вечер, с муками дождавшись наконец, когда встанет отец, прилегший отдохнуть с дороги, Нилушка показал ему свои тетрадочки с картинами воздушных боев, сам встал рядом, комментировал, без обиды выслушивал профессиональные замечания, касающиеся технических погрешностей, тут же кидался исправлять рисунок. Потом обоим это надоело, и они принялись шутейно бороться. Несколько раз отец перекувыркивал в воздухе визжащего от восторга Нилушку и швырял на широкую мамину кровать, потом поддался и шлепнулся сам, якобы от ловкой Ниловой подсечки.

— А с мускулами, брат у тебя того... имеются, как говорится, недоработки. — Отец двумя пальцами обхватил пухлую мальчишескую ручонку повыше локтя. — Кисель, а не мускулы... Вот смотри. — Баренцев-старший согнул руку и позволил сынишке потрогать взбугрившийся под коричневой кожей бицепс. — Ну ничего, это мы исправим.

Наутро они пошли на Литейный в спортивный магазин и купили Нилушке экспандер и пару самых маленьких, по-

лукилограммовых гантелей. Себе отец выбрал большие, сборные, на пятнадцать килограммов.

— Надо, понимаешь, форму держать, — объяснил он сыну.

После этого они каждое утро делали основательную, до пота, зарядку, сопровождаемую спартанскими водными процедурами, в течение которых Нилушка беспрерывно верещал, а бабушка, проходя мимо ванной, недовольно хмурилась.

Потом побывали в магазине «Юный техник» на Садовой, где накупили такую кучу заготовок для авиамоделей, что домой пришлось возвращаться на такси.

Под руководством отца Нилушка, высунув от старания язык, вырезал, клеил, прилаживал к тонким деревянным планочкам проволочные нервюры, аккуратно, чтобы без морщин, обтягивал каркас крыльев тонкой папиросной бумагой... Первый планер пошли испытывать в Михайловский сад всей семьей, только бабушка отказалась. Как было радостно, когда легкая, белоснежная модель, сделанная собственными руками, взмыла в небо и не спеша поплыла над лужайкой, над скамейками, где все сидящие дружно, как по команде, подняли головы и посмотрели вверх, над кронами деревьев. И как горь-

ко, когда внезапный порыв ветра подхватил его гордую птицу и безжалостно швырнул на середину Мойки, и достать ее оттуда не было никакой возможности.

Мама гладила плачущего Нилушку по головке, но он никак не мог остановиться. Отец долго глядел на это, а потом тихо сказал:

— Мужчины не плачут.

Слезы мгновенно высохли, только по инерции пару раз всхлипнулось.

Зато потом были новые планеры, и самолетики на резиновом моторчике, и маленькие, но точные копии настоящих боевых машин, сделанные из картона по чертежам журнала «Моделяж». Они приступили к работе над серьезной радиоуправляемой моделью «По-2», но дело заглохло из-за отсутствия в магазинах необходимых деталей.

При отце бабушка не так свирепствовала с музыкой, и занятия как-то сами собой свелись к минимуму. Уроки же французского отец попросту отменил волевым решением:

— Франция? Да одна наша Таманская дивизия всю эту Францию за три дня возьмет! А вот с янкесами придется повозиться. Нет уж, пусть-ка парень изучает язык потенциального противника!

И сам не поленился сходить в школу с углубленным изучением английского, что возле метро «Чернышевская». В результате этого похода Нилушку, предварительно и очень благосклонно проэкзаменовав, в школу записали, хотя по микрорайону он не подходил...

Как-то днем они вдвоем сели на трамвай и доехали до стадиона Кирова. Вообще-то собирались на футбол, которого отец не видел все семь «китайских» лет, а Нилушка — и вовсе никогда, если, конечно, не считать дворовой разновидности. В газете прочитали, что «Зенит» принимает сегодня «Кайрат» из Алма-Аты. Выехали заранее, чтобы не давиться в переполненном трамвае и погулять перед матчем по парку. Нилушка, понятное дело, имел в виду и всякие аттракционы.

Сезон только-только начался, и некоторые из аттракционов еще не работали, в том числе и знаменитые американские горки, на которые мальчик возлагал особые надежды. На парашютной вышке заело лебедку, между небом и землей из-под опавшего парашюта болтались чьи-то ноги в пижамных штанах и слышалась громкая брань. Возле механизма толкались служители, а наверх никого не пускали.

— А ты с такой вышки прыгал? — спросил Нилушка отца.

— С такой? — Отец задрал голову, прикинул.— Нет, с такой не прыгал. У нас в училище пониже была. С нее и прыгали.

— А-а... — протянул Нилушка с явным разочарованием.

— Только без парашюта, — добавил отец.

— Так разобьешься.

— А мы в воду, на растянутый брезент, на сено. Летчик, он должен быть ко всему готовым...

Зато, к неописуемому счастью взгрустнувшего было Нилушки, на полную катушку работала «мертвая петля», а народу около нее было совсем мало. «Дрейфят», — не без злорадства подумал он и потащил отца занимать очередь. Они забрались в гондолу, крепко-накрепко пристегнулись ремнями и понеслись, сначала медленно, раскачиваясь вверх-вниз, взад-вперед, как лодка, оседлавшая штормовую волну, потом все быстрей, быстрей и выше. Сердце то уходило в пятки, то поднималось к самому горлу. Когда гондола сделала полный круг, и Нилушка оказался на мгновение висящим вниз головой на умопомрачительной высоте, он едва не зашелся пронзительным девчоночьим

визгом, но сдержался и только ухнул утробно. Визжать было стыдно — хорош тот летчик, который визжит, исполняя фигуры высшего пилотажа! Он даже нашел в себе силы самостоятельно выбраться из гондолы, когда та остановилась, и, пошатываясь, спуститься с помоста, но когда он почувствовал под ногами твердую землю, его вдруг так качнуло, что он упал на непросохшую дорожку.

— Мотает? — спросил отец, помогая подняться.

— Да есть маленько, — по-взрослому ответил он. — Ничего, сейчас оклемаюсь.

Отец усмехнулся, и они пошли к тиру. По дороге Нилушка и вправду оклемался. Зайдя в открытый павильончик тира, первым делом схватился за винтовку, прикованную к барьеру металлической цепочкой. Винтовка оказалась неожиданно тяжелой и длинной.

— Погоди, — сказал отец и по-хозяйски бросил помятому служителю: — Мишень. Стрелки есть? — Служитель кивнул. — Три штуки. Оперение белое.

— Только три? — разочарованно протянул Нилушка.

— Погоди, — повторил отец. — Всякое новое оружие сначала надо пристрелять.

Он подкинул винтовку на ладони, со щелчком разломил надвое, вставил стрелку — длинную пульку с белым пучком перьев на конце, — обеими руками облокотился о барьер, тщательно прицелился... Белый хвостик появился точно в центре черного кружка мишени, но отец остался чем-то недоволен — поставил винтовку перед собой, потрогал черный винтик, расположенный над стволом, прицелился снова... Три белых пятнышка на мишени слились в одно.

— Годится, — сказал отец.

Он поставил Нилушке под ноги низенькую табуретку, показал, как ставить руки, как держать винтовку. Оказалось, что если Нилушка упрет приклад в плечо, то ему будет не дотянуться до спускового крючка, так что пришлось положить край приклада на плечо.

— Это ничего, — утешил отец и встал сзади, направляя движения сына. — Главное, правильно прицелиться и правильно спустить курок. Оружие — это естественное продолжение мужской руки, запомни, а ствол — это как указательный палец. Куда покажешь этим пальцем, туда и полетит пуля. Теперь смотри: вот эта пипочка на самом конце называется мушка. Ловим ее в прорезь... вот так... и все вмес-

те направляем... На медленном выдохе, палец ведем плавно, не дергая... Стой, куда это целишь?

— Буржую в брюхо.

Нилушка показал на толстопузого жестяного капиталиста, обнимающего атомную бомбу. И капиталист, и бомба были облезлыми и пятнистыми от множества прямых попаданий.

— Не так, — сказал отец. — В пневматическом тире, если хочешь попасть, надо целиться не в саму фигуру, а вот в тот кружочек на железке, сбоку от цели.

Кружочек возле буржуя оказался очень маленький, и Нилушка выбрал другой, самый большой, даже не посмотрев, к чему он присоединен. Сосредоточился, поймал мушку в прорезь, навел, медленно выдохнул...

Дзынь! Это раскололся надвое зеленый металлический арбуз, показав красное нутро.

— Папа, я попал, попал, слышишь?!

На большее его не хватило. Промазав дважды, он со вздохом протянул винтовку отцу.

— Все.

— И правильно. На первый раз хватит. Мне тряхнуть стариной, что ли? Еще десять пулек.

Он взял винтовку совсем не так, как учил Нилушку, а на одну вытянутую руку, как держат пистолет, выпрямился, расставил пошире ноги. Выстрел — и на пол упала большая звезда из фольги, второй — упала другая. Только на третьем выстреле Нилушка сообразил, что отец стреляет не по самим звездам — это было бы слишком легко, они большие, — а по почти невидимым ниточкам, за которые эти звезды прицеплены. Остальные посетители прекратили стрельбу и наблюдали, затаив дыхание. Восемью выстрелами отец сбил все восемь звезд, а две оставшиеся пульки высыпал в ладошку восторженно глядящему на него конопатому мальчишке постарше Нилушки года на три.

Эффектно вывернув ладонь, отец кинул на блюдечко перед опешившим служителем скомканную пятерку.

— Сдачи не надо!

— Это мой папа, он летчик! — гордо оповестил Нилушка, подчеркивая и собственную причастность к такому сиятельному триумфу.

— Ну дает авиация! — пробасил коренастый седой дядечка с двумя рядами орденских планок на синем пиджаке. — Такие стрельбы грех не отметить. Как насчет по пиву, авиация? Я угощаю.

— А что, Нил Романыч, мы вроде заслужили, верно?

— Факт! — важно констатировал Нилушка.

Мужчины дружно рассмеялись.

— Только ведь долго... — Отец показал в сторону ларька, к которому тянулась длиннющая очередь из одиноких мужчин.

Народу в парке заметно поприбавилось. Большинство двигалось в направлении стадиона.

— Я вот что думаю, авиация... — начал орденоносный дядечка, заметно приосанился, протянул отцу крепкую корявую руку. — Главстаршина Будивельников Роман Петрович, минный тральщик эр-полтыщи-второй, Балтийский флот, ныне старший бухгалтер-экономист.

— Майор авиации Баренцев, тоже Роман, — представился отец, пожимая руку главстаршины.

— Тем более, раз Роман, тезка... Тут неподалеку новый шалман открыли, «Восток». Говорят, красиво там и кормят неплохо. Заодно пивко двойной наркомовской отполируем.

— Я ж с мальцом...

— А мальцу мы ситро возьмем. И мороженое.

Идея Нилушке понравилась, и он принялся теребить отца за рукав.

— Пап, пойдем, а?

— А футбол пропустим?

— Да ну его, этот футбол!

— И верно, ну его,— неожиданно согласился Роман Петрович.— За «Зенит» болеть — только нервы портить. Все равно ведь продуют, помяни мое слово, продуют. А стиляга этот, Бурчалкин хваленый, ни разу в ворота не попадет, чистые верняки мазать будет. Расстройство одно.

— Ну если расстройство...

В зале «Востока» было пусто, прохладно. Взрослые, усевшись, развернули меню, Будивельников угостился отцовским «Казбеком», а тот — «беломором» главстаршины.

— Четыре пива, два бутерброда, водочки сто пятьдесят, ситро и мороженое для мальчика,— распорядился Будивельников.

Официант, записав заказ, отошел было, но среагировал на поднятую руку отца.

— Сюда же добавить три черных икры с лимоном, три шашлыка, бутылку коньяку армянского, пирожное и фрукты для мальчика, — четко продиктовал отец и откинулся на стуле.

Будивельников крякнул, официант же почтительно наклонил голову, выпрямился и отрапортовал:

— Сей минут!

Перепробовав всего, Нилушка почувствовал, что объелся, и затосковал. Взрослые совсем перестали замечать его, углубившись в свои, взрослые разговоры. Он помаялся, в десятый раз оглядел зал, побродил по нему, заглянул в туалет, вернулся, попросился погулять. Не прерывая разговора, отец вытащил из кармана рубль, протянул ему.

— Зачем?

— На карусели покатаешься... А командир ему на это что?..

Но карусель уже закрыли. Нилушка одиноко послонялся вокруг ресторана, понял, что опять хочет есть, вернулся. Его снова не заметили. Большие сидели с пунцово-красными лицами, разговаривали громко, охрипшими голосами. «Заболели», — с тоской подумал Нилушка. Зимой мама как-то пришла из оперы такая же красная и хриплая, бабушка тут же уложила ее в постель, поставила градусник и горчичники, а доктор прописал маме микстуру и бюллетень. Потом звонили из театра, и бабушка долго ругалась с ними по телефону...

— Тут, браток, как на войне, — говорил между тем Будивельников. — Нештатная ситуация требует нештатного решения. Я, конечно, не сторонник силовой стратегии в семейных вопросах, но...

Он многозначительно замолчал, мутными глазами глядя на отца.

— Да какая силовая стратегия! — Отец в сердцах хлопнул кулаком по столу. Дзынькнули бокалы. С соседнего столика на них выразительно посмотрели. — Говорю тебе, она ж певица, знаменитая певица, солистка, артистка заслуженная! Ольга Баренцева, что ли не слыхал?

— Погоди, погоди, Баренцева, говоришь? Которая из Мариинки? Как же, как же... То-то мне фамилия твоя знакомая показалась. А оно вот как, оказывается. Ну тогда, брат, совсем другой коленкор выходит... Парень-то ты вроде простой, и как же это тебя угораздило, бедолагу?

— Затмение стр-растей... — Отец както странно всхрапнул, залпом выпил высокий стакан с чем-то желтым и тут же налил второй. — Меня перед Китаем сюда на «Выстрел» командировали, на курсы переподготовки то есть, ну и задружились мы тут с одним... А у него подруга. Культурная подруга, с запросами. И вытащила она нас как-то на концерт. Ока-

залось — классическая музыка. Скукота, одним словом... Я уж уходить собирался по-тихому, а тут со сцены объявляют — Ольга Грушина, студентка консерватории. И выплывает такая, такая!.. Понимаешь, потрясло меня тогда, что большая она, как танк, а при этом ладная, гладкая, будто кто специально все шовчики отрихтовал, ход бархатный, не трясет, не дребезжит. А уж как запела!.. Я вообще, когда громко поют, не люблю, голоса сразу противные становятся, слушать тошно. А тут, понимаешь, красиво... Красиво, понимаешь ты?! Я, как допела она, ушла, из зала сам не свой выскочил, в фойе у грузина какого-то букет роз перекупил — и за кулисы... Примите, говорю, от страстного вашего обожателя... Она розы приняла, молчит, улыбается, я тоже стою как баран, слова вымолвить не могу. Хорошо тут Володька мой с подругой подрулили, замечательно, говорят, а не отметить ли такое приятное событие в хорошем месте?.. Потом такси, «Астория», шампанское, танцы до упаду, снова такси, танцы, шампанское... В общем, просыпаюсь утром, башка трещит, в глазах рябит, а вокруг меня комната большая, незнакомая, окна на реку, а посередине — кровать, а на кровати той —

она. Спит, разметалась вся и губами причмокивает, как маленькая... И вся кровать... В общем, девочка она оказалась, нецелованная... Я как был, в трусах одних семейных, перед кроватью той на колени — бух! Она глазки открыла, щурится, не понимает ничего. Возьми, говорю, руку, сердце мое, душу мою возьми. Тут-то сразу поняла... Такие вот дела... Эх, Рома, давай-ка выпьем!

— Выпьем, Рома! — громогласно согласился Будивельников, а проходящий официант остановился и удивленно сказал:

— Рома, товарищи, не держим. Может, еще коньячку желаете?

— Папа,— вставил, воспользовавшись паузой, Нилушка.— Папа, пошли домой.

— О, и малец тут! — обрадовался Будивельников.— Эй, лимонада и мороженого для мальчика!

— Я есть хочу! — со слезой в голосе сказал Нилушка.

— И покушать чего-нибудь. Котлетку там или что. Котлетку будешь?

Нилушка кивнул, поджав губу.

Будивельников расплескал по стаканам остатки коньяка, долил доверху шампанским, они чокнулись, выпили, и отец продолжил:

— В раздумьях я, Рома, в тяжелых раздумьях на перепутье жизненных дорог... С одной стороны, предлагается должность. Отдельная авиадивизия, начальник полетов. Хорошая должность, полковничья, все путем. И место благодатное, не север дикий, не Бекпак-дала какая-нибудь. Но далековато, Западная Украина. С другой же стороны, наклевывается одна конторская работенка в здешнем округе...

— Бескрылая! — Главстаршина в отставке энергично тряхнул головой. — Ты ж летун, Рома, тебе ли за столом конторским корпеть?

— Да и покорпел бы, ничего... Я, Рома, не то, чтобы отлетался, но на небо смотрю уже прохладным взором, в моем-то возрасте можно бы немного и земельку потоптать...

— Так за чем же дело стало? Не теряйся, приземляйся в канцелярию. И к семье наконец прибьешься, и покой обретешь.

— Да, покой... — Отец наклонился к самому уху Будивельникова и что-то горячо зашептал. Глаза отставного моряка подернулись какой-то дымкой, взгляд застыл.

— Что? — хрипло переспросил он.

— Душа мерзнет... — выдохнул отец, и это было так страшно, что у Нилушки перехватило дыхание.

Трамваи уже развезли толпу болельщиков и за оставшимися не спешили. У людей на остановке Будивельников узнал результат, полностью совпавший с его прогнозами, — «Зенит» продул два—ноль, Бурчалкин дважды смазал с пяти метров. Тихий, немного протрезвевший отец, опустился на корточки перед Нилушкой и проникновенно сказал:

— Ты, это... маме не надо рассказывать, что мы в ресторане были. Если спросит, скажешь — футбол смотрели, наши ноль—два проиграли, Бурчалкин промахнулся...

Сонный, уставший Нилушка только кивал.

А через десять дней отец уехал на Украину, к новому месту службы. Один.

Нилушка не плакал, сидел тихонько в уголке, надутый, кислый, безучастный. Ничего не хотел делать — мусор выносил после третьего напоминания, музицировал только по принуждению и из рук вон плохо, книжек не читал, во двор не выходил.

— Надо что-то делать! — сказала бабушка и в середине июня отвезла его в Усть-

Нарву. Там было море и много ребятишек, и очень скоро боль улеглась, забылась...

XII
(Ленинград, 1982)

— Устали, Нил Романович? Или прискучила наша беседа?

— Что вы, Евгений Николаевич! Уставать мне не с чего, а кроме бесед... Я благодарен вам за возможность выговориться. Только...

— Да, да, продолжайте.

— И во время наших бесед, и в промежутках, выполняя ваши рекомендации, я постоянно реконструирую свое прошлое. Но чем яснее оно выстраивается в сознании, тем понятнее становится, что никакой точки опоры для грядущей «нормальной жизни» в нем нет и быть не может.

— Почему вы так решили?

— Потому что едва обозначалось движение к норме, моментально шел сбой...

— Применительно к людям, норма — понятие широкое. Человека под единый жесткий стандарт не подгонишь.

— Ах, когда бы вашими словами руководствовались те, кто планирует нашу жизнь...

XIII
(Ленинград, 1963—1964)

Вернулся он окрепший, загорелый, активно включился в гонку по магазинам — перед первым сентября столько всего надо было купить! Школьную форму, ботиночки и физкультурные тапочки, тетрадки, кисточки. А сколько появилось новых, загадочных пока вещей — синие и красные счетные палочки, чернильница-непроливайка и набор перьев, острых и длинных, перочистка из пестрых толстых лоскутков, деревянный пенал, прописи, новые разноцветные учебники... В ночь на первое сентября он долго не мог заснуть, но встал раньше всех, настойчиво будил маму с бабушкой, боялся опоздать.

После торжественной линейки в школьном дворе первоклашек развели по классам, «А» и «Б» соответственно. Нилушка еще в июне знал, что его приняли в класс «А», мама тогда сказала, что это хорошо, что в «А» всегда набирают самых талантливых и умных. Нилушка внимательно вглядывался в лица одноклассников, но ничего особенно умного и талантливого не заметил. Дети как дети. Все девчонки с косичками, в белых фар-

тучках, мальчишки — в одинаковых серых костюмчиках. Все намытые, причесанные, чувствуется, что волнуются.

Пришла учительница, небольшая, полная, тоже вся в сером, лицо круглое, простоватое (в очередях таких никогда не называют «дама» или «девушка», а только «гражданка»). Поправила пышный бюст, поглядела строго, постучала длинной палочкой по столу и сказала:

— Здравствуйте, дети, садитесь, я ваш классный руководитель. Зовут меня Лариса Степановна, и вы будете помнить меня всю жизнь, как помнит свою первую учительницу Наталью Петровну наш любимый Никита Сергеевич Хрущев. Здесь, в этом красивом желтом доме вы выучите буквы и цифры, прочитаете и напишете свои первые слова, решите свои первые задачи, наизусть расскажете свое первое стихотворение, узнаете, что такое глобус и контурная карта...

— Я знаю, что такое глобус! — крикнул с задней парты какой-то мальчишка.

Все обернулись. Мальчишка был веснушчатый и лопоухий.

Лариса Степановна поморщилась.

— Запомните, дети, если вы хочете что-нибудь спросить или сказать, нужно не вскакивать и не орать, как это чучело

гороховое... — она показала на смутившегося мальчишку, — а тихонечко поднять руку и ждать, когда вас вызовут, а когда вызовут нужно встать, сложить руки по швам и четко, членораздельно задать свой вопрос или ответить на мой. Поняли? И ты понял, горе мое? — обратилась она к конопатому мальчишке.

— Да, — чуть слышно пролепетал тот.

— Громче! — строго потребовала учительница.

— Да! — выкрикнул мальчишка.

— Имя, фамилия?

— Поповский Игорь!

— Не кричи, Поповский Игорь, глухих здесь нет. Что ты хотел сказать, Поповский Игорь?

— Что я знаю про глобус. У брата на столе...

— Достаточно. Нет, не садись, постой пока... Что, ребята, хотел показать нам своим непристойным выкриком Поповский Игорь? Он хотел показать нам, что он умнее всех — я, дескать, знаю, что такое глобус, а вы, дураки, не знаете. Так вот, зарубите себе на носу, что дураков у нас нет. Умных тоже. Между собой вы все равны, равны абсолютно, и только оценки, которые буду ставить *я,* покажут, кто из вас действительно умный,

а кто наоборот... Понятно? Садись, Поповский от слова «попа»...

Некоторые первоклассники гаденько захихикали. Оттопыренные уши Поповского засветились красным. Нилушке отчего-то стало стыдно.

— Через десять лет — самые счастливые десять лет вашей жизни — вы покинете стены нашей прекрасной школы культурными, образованными, политически грамотными, а главное — порядочными людьми. А ну-ка, поднимите руки те, кто знает, что такое порядочный человек. Смелее, смелее!

Лариса Степановна грозно оглядела притихший класс. Дети сидели, опустив взгляд в заляпанные чернилами парты. На Нилушкиной парте было, кроме того, криво нацарапано слово из трех букв, и слово это не было словом «мир».

— Молчите? Не знаете? Так вот я вам объясню. Порядочный человек — это который порядки соблюдает. Поняли? Ну ничего, скоро поймете.

Второго сентября Нилушка получил свою первую отметку — двойку по арифметике. Ее он схлопотал за то, что нечаянно столкнул со стола коробку со счетными палочками и громко их рассыпал. Через неделю он приволок вторую двой-

ку, на сей раз по русскому — читал букварь бегло, а не по складам, как положено первокласснику и как велела Лариса Степановна.

— Но я не умею по складам, — пробовал оправдаться он.

— Что значит «не умею»? Учись, Баренцев, учись, терпение и труд все перетрут. Чтоб к понедельнику читал как положено! Здесь тебе не тут, понимаешь! Не можешь — научим, не хочешь — заставим!

Он и учился — вместо привычных слов и предложений выводил ровненькие, с нажимом палочки и крючочки, причем вместо запрещенной в первом классе авторучки пользовался неудобной вставочкой, с которой чернила вечно стекали в тетрадь, вместо Шекспира и «Трех мушкетеров» читал про Машу, которая ела кашу, вместо логических задачек из «Науки и жизни», к которым приохотил его отец, складывал в столбик три и два...

— А тебе, Баренцев, что, неинтересно? Ах, написал? Ну-ка, ну-ка... Нацарапал, как курица лапой. Где ты видел такое «жэ»? У себя в жэ, не иначе... Выйди из класса и без родителей не возвращайся!

На лацкане ее строгого, но справедливого серого пиджака гордо поблес-

кивал значок «Заслуженный учитель РСФСР»...

Были, конечно, еще и переменки, веселые и шумные, коридорный футбол со старым тапком вместо мячика, после школы — кружки́. На бокс, куда Нил тайком от домашних пришел записываться в январе, его не приняли — слишком мал, — зато охотно взяли на спортивную гимнастику. Еще, разумеется, он ходил в секцию авиамоделизма. Эти увлечения были развитием линии, заложенной отцом, и в тот год для Нила они были куда важнее и интереснее, чем школа, чем сведенные к минимуму (три раза в неделю по полтора часа) музыкальные занятия с бабушкой. Каждое утро он по собственному почину делал зарядку, обливался, тоненько повизгивая под холодной струей, досуха растирался шершавым полотенцем. Мама давно смирилась с этими самоистязаниями, а бабушка, похоже, молчаливо одобряла — пусть закаляется, меньше болеть будет. И действительно, за весь первый класс Нил не болел ни разу.

Далеко не всегда нагрузки были в радость — и уставал, и так хотелось понежиться еще немного в теплой постели, и в слякоть неохота было выходить из дому

с неудобной сумкой и тащиться на гимнастику. Но Нил заставлял себя, тренировал силу воли. Поддерживало и грело его радостно-тревожное ожидание Большого Приключения, которое ждет его летом. Уже с осени в письмах от отца, выдержки из которых мама иногда зачитывала ему, зазвучали нотки, облекшиеся потом в конкретное предложение. Обстоятельства службы, писал майор, складываются таким образом, что в ближайший год ему едва ли удастся вырваться в Ленинград, хотя бы ненадолго. С другой стороны, местность, где расположено его формирование (блюдя секретность, отец не считал возможным в письме, отправленном обычной, а не фельдъегерской почтой, давать более точные обозначения), отличается горно-лесным ландшафтом, обилием природных водоемов и воздухом повышенной свежести, что в совокупности образует отличные условия для отдыха и поправления здоровья. Жилищный вопрос также решен вполне положительно, так что если Оленька, Нил и Александра Павловна смогут и пожелают провести лето в Карпатах, то места хватит всем.

Мама принять предложение мужа не могла — у нее намечалось ответственное летнее турне, и отпуск пришлось передви-

нуть на конец сентября — начало октября. Бабушка категорически заявила, что ноги ее не будет ни в каком таком «формировании» и уж тем более под одной крышей с зятем. Что же касается Нила, то здесь сказать «хотел» значит ничего не сказать. Целое лето! В горах! С папой! Рядом с самолетами и летчиками! Золотая молния желания поразила его в самое сердце, и когда бабушка заявила, что все это, может быть, и хорошо, только абсолютно нереально — не одного же его, мальчишку семилетнего, отправлять в такую даль? — и предложила ограничиться дачей в Толмачево, он закатил форменную истерику, едва ли не первую в жизни. От неожиданности бабушка настолько растерялась, что даже не наказала его. Только пробубнила, в качестве успокоительного, чтобы зря-то не надеялся.

Однако он надеялся. Вдруг получится убедить маму, что он уже большой и сильный и может самостоятельно доехать куда угодно, хоть на край света? Чтобы самому укрепиться в этом убеждении, вместо горячего завтрака за шестнадцать копеек он брал в школьной столовке холодный, за одиннадцать, а сэкономленные деньги тратил не на мороженое, как другие, а на метро. Нырял

туда после уроков и катил до самой дальней станции, воображая при этом, будто едет через всю страну в настоящем, всамделишном поезде. Бродил по незнакомым районам, приучая себя не бояться неизвестности, катался на трамваях, стараясь запомнить маршрут и обратную дорогу. Не заблудился ни разу, всегда попадал домой, а дома врал, что задержался в школе на продленке.

Он был готов к путешествию в одиночку и знал, что когда доберется наконец до отца, тот обрадуется, что у него такой взрослый, самостоятельный сын. А самому Нилу не стыдно будет показать отцу и окрепшие бицепсы, и собственноручно вырезанный пропеллер для будущей кордовой модели, и табель за третью четверть без единой троечки. Он ждал чуда — и чудо свершилось!

Когда мама за ужином объявила ему, что летом он не просто поедет к папе, но и полетит туда на самолете, он не сразу поверил, что это взаправду, потом спросил:

— У тебя, что ли, турне отменили?

Мама покачала головой.

— Значит, бабушка согласилась?

— Вот еще! — Бабушка презрительно фыркнула. — Что я там не видала? Солдафонских рож?

— Тогда как?

Нил опустил руки и растерянно забегал глазами — то на маму посмотрит, то на бабушку. Бабушка нахмурилась, а мама посмотрела с улыбкой.

— А если сам? — лукаво спросила она. — Ты ж большой уже. Билет мы тебе купим, сядешь в самолет, вылезешь, оттуда до части, отец пишет, на автобусе часа три всего. Утром здесь — к обеду там.

Он завизжал от восторга и кинулся целовать мать. Бабушка демонстративно отвернулась.

— Неужели не сдрейфишь? — усмехаясь, спросила мама.

— Да чтоб меня морские черти разорвали! — выкрикнул он прочитанную в какой-то пиратской книге клятву. — Сама ж сказала — я большой уже.

— Большой, да дурной, — не преминула вставить бабушка.

Действительность, как водится, оказалась немного поплоше ожиданий. Мама, оказывается, только проверяла его — хотела узнать, как он воспримет, что сопровождать его в такую даль будет не она и не бабушка, а неведомая тетя Света, жена одного из офицеров из папиной дивизии. Боялась, видите ли, что он расплачется от страха, как последняя дев-

чонка. Решила сначала попугать его, а потом успокоить этой самой тетей Светой. Да нужна ему очень эта тетя Света — как рыбе зонтик! Сядет рядом и будет шипеть — не балуйся с ремнями, не бегай по проходу, не приставай к стюардессе, иди вымой руки, — заставит сначала съесть жесткую «аэрофлотовскую» курицу и только потом разрешит высосать земляничный джем из красивого тюбика. Короче, испортит все удовольствие от первого в жизни полета. Да, он никогда еще не летал на самолете, но прекрасно знал, как там все устроено — и по рассказам мамы, налетавшей, наверное, миллион километров, и по нескольким коротким, но весомым репликам отца, относившегося к гражданской авиации как к неизбежному злу.

Он уже ненавидел тетю Свету и мечтал о том, чтобы она в самый последний момент сломала ногу, заболела, умерла, тогда бы ему удалось все-таки полететь одному. Впрочем, он тут же спохватывался — ведь если вдруг так случится, то тогда и он останется дома. Ни мама, ни бабушка одного его не отпустят.

В аэропорт его провожала мама. Сидела спереди, рядом с шофером, и, развернувшись к Нилу, все повторяла и по-

вторяла надоевшие ему наставления — чистить зубы, мыть руки, а на ночь — еще и ноги, на речку ходить только со взрослыми, сразу в воду не лезть, а немного остыть в тенечке, к отцу, если он занят, не приставать, высылать хотя бы по письму в неделю, не забывать читать книжки и обязательно по часу в день играть на рояле — отец писал, что у них в клубе есть замечательный салонный рояль, который почти всегда свободен. Нил слушал ее и недоумевал — ведь никогда прежде мама не лезла к нему с советами. Волнуется, наверное, переживает. Сам-то он не переживал нисколько, только смотрел из окошка во все глаза, узнавал знакомые улицы и здания — ведь готовясь к путешествию, он тайком добирался и сюда, на Московский, а как-то доехал на трамвае до самого конца проспекта и города — площади со смешным названием Средняя Рогатка. Кстати, ее и проехали и помчались по широкому пригородному шоссе. Здесь он проезжал год назад, когда встречали отца.

В большом и людном зале аэропорта Нил тут же помчался искать тот особенный газированный автомат, с кнопочками, на которых нарисованы картинки разных фруктов, и, нажимая на эти кно-

почки, можно выбрать сироп. В прошлом году он тут четыре стакана выпил. Но автомата нигде не было, а потом мама своим неповторимым голосом окликнула его через весь зал, и тогда все посмотрели в ее сторону, и некоторые определенно узнали... Она усадила его в кресло и велела никуда не отлучаться и караулить вещи, а она посмотрит, куда это запропастилась тетя Света.

Караулить вещи было скучно, и Нил от нечего делать принялся переставлять согласные на лозунге, висящем как раз напротив него над воротами: «Телайте масолетами Аэфорлота... Тетайле мамоселами Аэлофтора...»

— Привет!

Он моргнул от неожиданности, оторвал взгляд от лозунга. Перед ним стояла большая девчонка в бежевом сарафане, круглолицая, с курносым веснушчатым носом и смешными белобрысыми хвостиками над ушами.

— Ну...

Нил не любил больших девчонок. Одна такая на переменке походя съездила его портфелем, да так, что он кубарем скатился по лестнице. Другая, дежурная, надрала за уши, когда он пытался проскочить мимо нее без сменной обуви.

А еще две поймали Иванова из второго «Б» и защипали до кровавых синяков — так потом Иванову же и попало, оказывается, он за ними в физкультурной раздевалке подсматривал. Подумаешь!

— А ты и есть Нил?

— Допустим...

— А я тетя Света.

От неожиданности Нил опешил.

— Тоже мне тетя! Ты б еще сказала «бабушка»... Тетя Света, она знаешь кто? Она жена папиного офицера, лейтенанта Федоровского, поняла?

— И никакой он не папин! — неожиданно вспыхнула девчонка. — Твой папа Федоровскому не командир!

— Очень даже командир! — в свою очередь возмутился Нил. — Федоровский лейтенант, а папа — майор. Скажешь, лейтенант главнее майора?

— Майор главнее, — признала девчонка. — Только все равно не командир.

Нил сокрушенно вздохнул. Объяснять девчонке очевидные вещи — только зря время тратить.

— Светочка, вот вы где! — Мамин голос не расслышать невозможно. И не узнать тоже. — Я ищу вас, ищу...

— Ой, Ольга Владимировна! — взвизгнула Света (и вправду, выходит, Света) и

бросилась обнимать подошедшую маму. Нил с удивлением увидел, что она всего на полголовы ниже мамы, которой и папа-то по плечо. — Понимаете, я все собиралась, собиралась, и все в последний момент, а главное-то и забыла — билеты, паспорт, хорошо в метро спохватилась... — Она перевела дух и вновь затараторила: — Пришлось с полдороги вернуться, а сумочка, слава Богу, на столе, я скорей обратно, с чемоданом и вообще... Пришлось такси брать, я так боялась, так боялась, что опоздаю... Посадку еще не объявляли?

— Нет пока. Тебе повезло, вылет немного задержали... Нил, ты, я вижу, уже познакомился со Светланой Васильевной?

— Угу, — буркнул Нил и отвернулся. Он досадовал на самого себя — принял взрослую тетю за девчонку, и теперь та пожалуется маме, что он грубо с ней разговаривал.

— Познакомился, — подтвердила Светлана. — Отличный парень, мы славно поболтали.

Она весело подмигнула Нилу, и на душе у того полегчало.

— Он немного дичится при незнакомых, но вообще-то мальчик воспитанный и не капризный, — продолжала мама, — никаких хлопот с ним в дороге не будет...

«Начинается регистрация билетов на рейс...» — громыхнуло откуда-то на весь зал.

Мама подхватила Нила и чемодан и поспешила к стойке...

XIV
(Самолет — Западная Украина, 1964)

Прошли первые захватывающие минуты, когда самолет выруливал на взлетную полосу, потом, взревев моторами, промчался по ней, в считанные секунды набрал головокружительную скорость и наконец оторвался от земли и *полетел*, оставляя все дальше внизу дома, деревья, дороги и машины — в мгновение ока все сделалось крохотным, игрушечным,— и гудело в ушах от стремительного набора высоты. Еще некоторое время Нил жил впечатлением этих незабываемых минут, а потом заскучал, неохотно признаваясь себе, что полет начинает его разочаровывать. В обыкновенном автобусе и то интереснее: картинки за окном все время меняются, не успевая надоесть, не то, что это бесконечное небо, подстеленное облаками, а главное — чувствуешь

движение. То тряхнет, то подбросит, то качнет вперед при торможении. А здесь сидишь, как дома на стуле, и только по гулу моторов понимаешь, что вообще куда-то движешься. Хорошо бы, конечно, рассмотреть самолет во всех подробностях, но с места много не насмотришь.

Нил заерзал в кресле, отстегнул ремни, опасливо покосился на свою белобрысую попутчицу. Та сидела, уткнувшись в журнал. Нил накренился, повернул голову и прочитал название: «Мода-64». Оно конечно, чего же еще?! Как это он не подумал, выбирая место у иллюминатора, что каждый раз придется перебираться через ее длинные ноги? Обратиться же к ней он не решался, потому что никак не мог определить для себя, как же теперь называть ее: «Света» вроде неудобно, а «тетя Света», тем более «Светлана Васильевна» — язык не поворачивается. Он откашлялся и, к полному собственному изумлению, произнес:

— Permetez-moi, Madame, s'il vous plaît...*

— Ого, это ты, что ли, по-французски шпрехаешь? — с недоуменным восхищением спросила Света.

---

* Позвольте, пожалуйста, мадам *(фр.)*.

— Не шпрехаю, а парлякаю, — солидно поправил он. — Шпрехают по-немецки.

— А ты и по-немецки можешь? — восхищенно поинтересовалась она.

— По-немецки нет, а по инглишу скоро заспикаю. У нас он во втором классе начнется.

— А у нас в школе дойч был. Только училки каждый год менялись — кто в декрет уйдет, кто на пенсию. Так что я даже «их бин дубин» не помню. А в техникуме только английский.

— А ты в каком техникуме? — заинтересованно спросил Нил, даже не заметив, что обратился на «ты». — В авиационном?

— Не-а, в библиотечном... Петушка будешь?

— Какого петушка?

— На палочке, леденцового. У меня красный, желтый и зеленый. Выбирай любого.

Нил вздохнул.

— Мне бабушка не разрешает. Говорит, от леденцов зубы портятся.

— А она разве увидит? Бабушка-то внизу осталась, а мы вон где, высоко-высоко.

— Десять тысяч метров над уровнем моря, — соглашаясь, уточнил он и махнул рукой: — Давай зеленого!

Потом она обыграла его в «города», а он ее — в «морской бой», три раза подряд. Начал было расчерчивать поле для четвертого, но тут стали разносить обед.

Вместо ожидаемой жесткой курицы с несъедобным рисом были крошечные копченые сосиски — таких Нил никогда еще не видел — и жареная картошка с помидорами. Сосиски ему очень понравились, и Света отдала ему свою порцию, а он отдал ей булочку с икрой, а за это получил ее земляничный джем. Джем был, правда, не в космонавтских тюбиках, а в маленьких круглых баночках, но все равно вкусно. Потом она задремала, а он смотрел на нее и думал, что когда вырастет, то женится только на ней. Правда, у нее уже есть муж, лейтенант Федоровский, но это ничего, он же летчик, как раз к тому времени разобьется, и Света будет свободна...

Возле самого трапа их встречал зеленый армейский «газик». Что встречают именно их, Нил понял сразу — едва выйдя из двери самолета, Света тут же закричала: «Артемка!» — и отчаянно замахала руками. А в ответ ей начал махать огромным букетом роз стоящий возле машины высокий и худой военный. Света рванулась, увлекая за собой Нила, он ткнулся

лбом в чью-то тугую ляжку, потом мимо лица снизу вверх пронесся резиновый каблук, и все завертелось...

Он сидел на нижней ступеньке трапа, растерянно потирая ушибленное колено. Перед ним на светлом бетоне поля корчилась и тихо повизгивала Света. Кто-то громко, надсадно кричал:

— Врача!

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться, — нарушил Нил затянувшееся молчание в узком больничном коридоре. — А вы чему командир?

— Я? — Лейтенант Федоровский глубоко вздохнул. — Я, брат, всему командир... в каком-то смысле. Диспетчер, король эфира. Без моей команды ни одна машина ни взлететь, ни сесть не может.

— А сами на самолетах не летаете?

— Нет...

— Это хорошо! — убежденно сказал Нил.

Лейтенант посмотрел с удивлением. Глаза у него были большие, зеленые, а брови — густые, белые и изогнутые.

— Чего ж хорошего?

— Если не летаете — значит, не разобьетесь.

Теперь Нилу совсем не хотелось, чтобы лейтенант разбился, даже через много лет. И Светка тоже зря ногу сломала...

— Федоровский! — кликнула строгая медсестра, и лейтенант помчался на ее зов.

Вернулся он нескоро.

— На рентген повезли. Сказали, до завтра забирать нельзя. Будем ждать. В часть надо бы позвонить...

— Мама говорила — туда рейсовый автобус ходит... — несмело начал Нил.

— А справишься? Один-то?..

Автобус ехал по красивой неширокой дороге, мощенной булыжником. Дорога резко петляла, огибая горы и ущелья, то взмывала к самым вершинам, то уходила вниз. По склонам лепились чистенькие беленькие деревеньки, утопающие в зелени. Проехали и несколько городков с красивыми домами в два-три этажа, сложенными из ровного розово-коричневого камня. Кое-где Нил, усаженный на откидное кресло рядом с водителем, успевал разглядеть надписи, не очень понятные, и поэтому вызывающие любопытство. На одном домике было написано «Перукарня», на другом — «Готель Траянда», на третьем — «Взуття», на четвертом — «Геть кацапів з Украіни!». Нилу

очень хотелось спросить, что все эти надписи значат, но шофер крутил баранку с таким сосредоточенным видом, что отвлекать его было страшновато.

Часика через два лихой и немного тряской езды скатились с очередной горки и поехали по внезапно начавшемуся асфальту вдоль длиннющего бетонного забора. По зеленым воротам с красной звездой Нил догадался, что это и есть воинская часть, но автобус к воротам не свернул, а покатил дальше и остановился только на перекрестке около зеленой будки с полосатым шлагбаумом.

— Тебе сюда, хлопец, — сказал шофер, и двери с механическим стоном распахнулись.

Нил вышел, поправил рюкзачок. Из будки показался солдат в расстегнутой гимнастерке. «Младший сержант», — по полоскам на погонах определил Нил.

— Тебе чего? — зевнув, спросил младший сержант.

— Не чего, а кого, — строго поправил Нил, глядя на открытую загорелую шею постового. — Начальника полетов майора Баренцева.

— А-а. — Младший сержант машинально застегнул пуговицу. — Это, как

войдешь, третье строение слева. Второй этаж, левая квартира...

В сгущающихся сумерках Нил прошел по асфальтовой дорожке и сквозь редкие деревья увидел одинаковые трехэтажные серые домики и на одном из них разобрал вывеску «Военторг». Ощущение иноземности кончилось.

У третьего дома слева он остановился. Двери раскрылись, и навстречу ему вышла красивая полная женщина, черноволосая и белолицая.

— Никак Нил? — певучим, ниже, чем у мамы, голосом произнесла она. — А остальные где же?

— Света с трапа упала, ногу сломала, — бодро сообщил Нил. — Федоровский при ней остался, в больнице, а я своим ходом. А где... майор Баренцев?

Он хотел сказать «папа», но вовремя сообразил, что это прозвучит вовсе несолидно.

— У Романа Ниловича большой день сегодня, — ответила женщина. — Генерал из Москвы прилетел, приказ привез. Об очередном звании...

— Подполковника дали? — по-взрослому отреагировал Нил.

Женщина усмехнулась.

— Вы в дом-то проходите. И чемоданчик давайте донесу, не тяжелый...

Нил не успел выхватить чемодан из ее крепких рук и только потрусил следом.

— Роман Нилович предупредил, что сегодня сыночек приезжает, — говорила женщина, плавно ступая по бетонной лестнице. — Сейчас помоетесь с дороги, поужинаем и ляжете отдыхать...

— Не, я папу дождусь, — пробубнил он, поднимаясь следом.

— Он поздно будет. Увидит, что вы не спите, и рассердится. Вы лучше утром с ним поздороваетесь, только не сразу. Он сначала сердитый будет.

Последние слова женщина произнесла так грустно, что Нилу стало жалко ее, он безропотно вошел за ней в небольшую прихожую, из которой вело несколько дверей.

— Вам сюда, — сказала она. — Я вас в кабинете Романа Ниловича устроила. Вы чемодан распакуйте, достаньте чистое, а я пока ванную налажу.

Ванная отличалась от той, что у них дома, только отсутствием титана — горячая вода попадала в кран прямо из трубы, все равно, что холодная. Нил слышал, что в новых домах теперь так делают, но сам видел впервые, это ему понравилось,

и он принялся с увлечением баловаться с кранами, фыркая то от слишком горячей, то от слишком холодной воды. Новизна впечатлений набрала, видимо, критическую массу и вытеснила обиду. Он не удержался от вопля восторга, когда вышел из ванной и увидел на кухне, в самом центре накрытого стола, громадный арбуз, поблескивающий спелой, темно-красной внутренностью. Красивая женщина с улыбкой отрезала здоровенный ломоть и положила перед ним, ни слова не сказав о том, что сначала надо бы отведать более серьезных блюд, — и сразу же стала ближе и роднее.

— А вас как зовут? — спросил он с набитым ртом.

— Мария Станиславовна.

— А папе вы кто?

— Я?.. Да пожалуй что и экономка, — ответила она после некоторого раздумья.

— А экономка — это кто?

— Вроде домработницы, только главнее.

— А что вот это белое, в желе?

— Это заливной амур. Рыбка такая. Доешьте свой арбуз и отведайте. И салат из красненьких.

— Красненькие? Это помидоры?

— Они. А потом горячее будет и чай с пирогами.

— А арбуза еще дадут?

— Обязательно. Если поместится.

Но уже и горячее — запеченные в сметане колбаски со смешным названием «купаты», — несмотря на всю вкусность, в живот залезало с большим трудом, так что пришлось отказаться и от чая, и от арбуза. Сразу потянуло в сон...

Проснулся он на расстеленном диванчике в отцовском кабинете — в одних трусиках, укутанный легким летним одеялом. За окнами было совсем-совсем темно, только из прихожей сквозь застекленную дверь лился электрический свет.

«Как же я оказался здесь? Хорошо бы, если сам пришел. А если заснул прямо за столом, и Мария Станиславовна принесла меня сюда на руках, как маленького, раздела и баиньки уложила? Неудобно... Хорошая она все-таки, Мария Станиславовна, папина экономичка. И на маму похожа, такая же большая и сильная...»

Низкий женский голос тихо и протяжно пел за стеной:

Гой да та на гори та жнецы жнуть.
Гой да та на гори та жнецы жнуть...

«И поет красиво...» — успел подумать Нил, и тут совсем некрасиво и немузыкально, зато громко грянули мужские голоса:

А по-пид горою
Ге-эй, долиною
Казаки идуть,
Казаки идуть...

«Это ж папа... Папа!» Но тут снова запела Мария Станиславовна, и Нил замер, прислушиваясь:

Гой да по-переду Сагайдачный
А по-заду Дорошенько
Ведуть вийско, вийско запорижско
Хорошенько...

«Какой странный язык, но все понятно. Только вот „запарижско“... Наверное, из-за Парижа. Забрались туда, за Наполеоном гоняясь, а теперь вот возвращаются».

Когда эти же слова подхватили, безбожно фальшивя, мужские голоса, Нил стряхнул с себя оцепенение, нащупал в темноте рубашку и штаны, оделся и вышел из комнаты.

Голоса доносились с кухни. Нил зашел туда и тихонько встал у самых дверей. Его не заметили: Мария Станиславовна сидела к нему спиной, а двое муж-

чин — один толстый, лысый, с красным круглым лицом, а другой, наоборот, худой, чернокудрый, с лицом желтым и длинным, как лошадиная морда, — самозабвенно орали, закатив глаза. До Нила не сразу дошло, что тот первый, толстый и красный — это его отец. Он подождал, пока допоют куплет, и тихим, дрожащим голосом сказал:

— Здравствуй, папа.

— О-о-о, сынуля! — загрохотал толстый и тяжко встал, едва не опрокинув стул. Огляделся тяжелым взглядом, сообразил, что к сыну никак не протиснуться, и снова сел. — А ну-ка, через под стол проюркни, шагом марш! Мариечка, еще прибор и стаканчик для дорогого гостя. Это же сынок ко мне приехал, знаешь?

— Догадалась уже, Роман Нилович, — без тени насмешки сказала Мария Станиславовна и встала подать прибор для Нила.

Тем временем сам Нил прополз под столом и взобрался уже на папино колено.

— Вот, Петр Николаевич, рекомендую, мой пузан, — сказал отец длиннолицему военному (проползая под столом Нил разглядел у того на брюках генеральский лампас) и обратился к сыну: — Ну что, чудо, много двоек-то в году нахватал?

Нил, чьи губы уже тянулись к багровой, складчатой щеке отца, замер. Пузан? Ведь писал же он отцу, что за год шесть килограммов согнал, и теперь единственный в классе подтягивается на турнике, забирается без ног по канату, на силомере выжимает больше любого третьеклассника, бегал за младшие классы в районной эстафете, прыгает через коня с кувырком, садится на продольный и поперечный шпагаты. И про отметки тоже писал — что год закончил без троек, с твердой пятеркой по чтению (во второй четверти разрешили читать бегло, и тут уж Нил своего не упустил). Пять с плюсом по физкультуре, а по пению экзальтированная (мамино слово!) музычка прямо в табель вкатила шестерку. Даже по чистописанию Лариса Степановна четверку за год нарисовала, сказав при этом: «Вот видишь, Баренцев, можешь, когда захочешь». А большей похвалы от нее ни один мальчишка не слыхал!

— Ни одной... — чуть слышно пробормотал он.

— Слышишь, Петр Николаевич, ни одной! И по поведению небось пятерка?

Нил кивнул.

— И не дерешься, стекол не бьешь, уроков не прогуливаешь, взрослым не

грубишь, рогатку в кармане не носишь?

Нил помотал головой.

— Вот оно, бабское воспитание! — с неожиданной злостью сказал отец. — Прям не мужика растят, а барышню кисельную! Музыка трень-брень, пинанины всякие, парле-франсе, ах, будьте любезны, только после вас... А потом удивляемся, откуда в армии такой солдат пошел — либо чурки «моя твоя не понимай», либо такие вот маменькины сыночки... А ну, ешь давай!

Отец плюхнул перед ним глубокую тарелку, с горкой наполненную всевозможной снедью — салат, грибы, сыр, мясо, колбаса, заливной амур, соленый огурец, а сверху длинный шматок сала.

— Не хочу...

Нил еле сдерживал слезы. Бабское воспитание! А вертолет на резиновом ходу, который выставлялся во Дворце пионеров и получил диплом? Неужели отец вообще ничего не помнит?!

— А ты через не хочу! Разговорчики, понимаешь! Зажрались на тортиках да на конфеточках, понимаешь! Мне в твои годы принесет мать с фермы требухи или простокваши горшок — уже праздник!

Хлебушку простому радовались бывало. Верно, Петр Николаевич?

Длиннолицый генерал молча кивнул. Нил подцепил вилкой лоскут колбасы и положил в рот.

— Во-во, давай, понимаешь, наворачивай... Попей вот...

Он налил в стакан из длинной темной бутылки что-то густое, красное.

— Ой, не надо бы, Роман Нилович, — подала голос Мария Станиславовна.

Отец злобно посмотрел на нее, а генерал откашлялся и мягко, вкрадчиво произнес:

— А вот тут, милая и уважаемая Мария Станиславовна, позвольте вам возразить. Лучше в порядочной взрослой компании, за семейным, так сказать, столом, чем со всякой шпаной под забором... Вот, помнится, у бати моего... — Он выразительно посмотрел наверх. Отец немедленно сделал значительное лицо и посмотрел туда же. — На даче в зимнем саду бильярд стоял, так, бывало, весь наш генералитет соберется и давай катать. Первый приз — бутылка коньяку марочного, второй — бутылка «Столичной», третий — «маленькая», причем все полагалось выпивать, не сходя с места. Не выпил — не мужик! Я тоже участвовал, бы-

вало, так наберусь, что прямо под стол и свалюсь, и меня прямо на руках в спальню относили. А ведь еще в школу не ходил, да-с... И что же — вырос, и оснований в чем-либо собой стыдиться не нахожу никаких. Никаких решительно!

Отец энергично закивал, а Нил тем временем глотнул из стакана, и ему понравилось. Сладенько, пахнет виноградным соком и немного щиплет на языке. Он залпом допил стакан и потянулся за вторым.

— Это по-нашему! — расхохотался отец. — Только закусывать не забывай.

Нилу стало тепло и весело. Обида вновь отступила, откуда-то прорезался аппетит, и он принялся поглощать пищу, причавкивая от удовольствия.

— Мы еще тут из тебя мужика сделаем! — провозгласил отец. — Домой приедешь — мама с тещей обалдеют! В смысле, с бабушкой... Бывай здоров!

Он налил всем чего-то прозрачного, чокнулся только с генералом, выпил до дна и крякнул. Нил попробовал, тут же закашлялся, выплюнул.

— Горькая горячая гадость!

— Ой, да это ж я тебе водки по ошибке плеснул. Ну извини старика, вот тебе, на, запей.

Он придвинул Нилов стакан себе, а Нилу налил вина в свой, пустой.

— Ну-с, за присутствующих здесь дам!

— Роман Нилыч, горячишься, дорогой, — скривив рот, проговорил генерал. — Мы еще предыдущий тост не допили, а ты уже новый гонишь. Да еще какой! За дам надлежит полную, стоя и до дна.

Он долил вина в стакан Марии Станиславовны и в свой, а отцу наплескал до краев водки. Потом легко встал, держа стакан на отлете. Следом за ним поспешно и неуклюже вскочил отец. Поднялся и Нил. Его слегка кружило, ноги держали не очень хорошо, и это было смешно.

— Вот теперь — пожалуйста. Итак, пьем здоровье присутствующих здесь прекрасных дам!

Генерал лихо осушил стакан, ловким кошачьим движением приблизился к Марии Станиславовне, взяв за пальцы чуть приподнял ее белую, полную руку, поднес к губам и поцеловал.

— Волшебница! — с чувством прошептал он.

Мария Станиславовна зарумянилась — то ли от смущения, то ли от удовольствия. Отец шумно хрустнул огурцом.

— А теперь предлагаю небольшой антракт, — провозгласил генерал, усажи-

ваясь. — Желающие могут перекурить и оправиться.

Отец громко, натужно захохотал — чему, Нил так и не понял, — извлек серебряный портсигар, протянул генералу.

— Нет-нет, благодарю, дорогой, «Казбек» не курю, у меня свои...

Петр Николаевич принялся несколько картинно, как показалось Нилу, охлопывать себя по карманам, глядя при этом на Марию Станиславовну.

— Надо же, вот незадача... — бормотал он. — Не иначе как в номере оставил... Ну да, точно, на кровати... Представляете, Мария Станиславовна, оставил у себя в номере блок хороших сигарет... Я, разумеется, сходил бы, но там, знаете ли, товарищи офицеры, вопросы всякие, задержаться опасаюсь... А мне бы еще с Роман Нилычем парой слов перекинуться... по службе...

— Так вам принести, что ли? Давайте я схожу. Тут и недалеко совсем. Заодно проветрюсь. А вы пока поговорите... по службе.

— Да что вы, дорогая Мария Станиславовна, да зачем же, это так обременительно... Вот ключик. Прямо на кровати лежит, вы увидите. И заодно там в

холодильничке шампанского бутылочка... «Новый Свет»... Вы уж прихватите.

— Уж прихвачу...

Мария Станиславовна поднялась.

— Мож-жно я с вами... — заплетающимся языком произнес Нил, попробовал встать со стула, упал, глупо захихикал и, встав на четвереньки, вновь взобрался на стул.

— Молодому больше не наливаем, — с отеческой улыбкой проговорил генерал. — Так мы ждем, милая Мария Станиславовна. Ждем-с.

Когда стукнула входная дверь, генерал по-хозяйски раскрыл отцовский портсигар, достал папиросу, закурил, шумно потянулся. Отец смотрел на него молча и тупо.

— Такие дела, товарищ подполковник... — Генерал с наслаждением затянулся. — Ты наливай пока, наливай, отметим в сугубом, так сказать, кругу... Ух-х... Ты грибочком-то закуси, грибочком... Да-а, на заслуженное, так сказать, плечо спикировала звездочка, на заслуженное. Бог даст, не последняя... И я не просто так, абы что сказать — есть, понимаешь, в управлении такое мнение... Комдив-то ваш, батька, он, конечно, слов нет, офицер опытный, фронтовик,

дело свое туго знает. Но ведь всему на свете срок положен, а у него и сердчишко пошаливает, и до пенсии полтора годочка всего. А участок тут, не мне тебе объяснять, ответственный, западная граница, и случись что — мы первые... Воздушный щит родины... Нам на такой участок нужен командир особенный. Молодой — но и опытный. Инициативный — но и ответственный. Много полетавший, повидавший, покомандовавший — но и чтобы хозяйство знал как свои пять пальцев...

Для наглядности генерал выставил вперед растопыренную ладонь с поджатым большим пальцем. Получилось четыре. Нил хихикнул, но никто на него внимания не обратил.

— И такой человек у нас есть. — Генерал сделал многозначительную паузу. — Но возникает с этим человеком одна загвоздочка...

Отец слушал, затаив дыхание. На лысине, красной как арбуз, проступили капельки пота. Нил тоже навострил уши.

— Морально, скажем, бытового плана загвоздочка, — продолжал, не торопясь, генерал. — То, что данный товарищ, имея законную супругу, проживает с этой самой супругой не только раздель-

но, но и в разных городах — это, конечно, только данного товарища и его супруги личное дело. А вот то, что данный товарищ, будучи официально расписан с одной женщиной, фактически открыто проживает с другой женщиной, с которой не расписан, — это уже, как ни крути, с формальной точки зрения аморалка. А у нас в кадровых комиссиях, ох и формалисты же! Я, конечно, не кадровик и не политработник, и по служебной линии данный вопрос меня не касается нисколько, но коль скоро этот подполковник — мой друг еще с курсантской скамьи, то я считаю своим дружеским долгом предупредить и предостеречь...

— Так ведь и... что ж теперь?..

— Нет, по-мужски я тебя, Роман, конечно, понимаю, даже очень понимаю, но как старший офицер... Ты, Роман, поставь себя на мое место. Укажи я в отчете на это обстоятельство — тебе по шапке, и тогда уж не о дивизии думать, а о местечке на «гражданке». Если не укажу, а оно потом всплывет на переаттестации — тогда уж по шапке мне, куда, мол, глядел, товарищ старший инспектор ВВС? Ну, я-то, положим, отверчусь как-нибудь, а тебя-то все равно пинком под задницу... Сейчас им только

повод дай — слыхал небось, что Хрущ очередное сокращение готовит? За двенадцать месяцев на полтораста тысяч кадровых офицеров разнарядочка...

Отец дрожащей рукой прикурил папиросу от папиросы. Жилы, вздувшиеся на шее, казалось, вот-вот лопнут.

— Имеется у меня, правда, одна мыслишка, как напасть такую объехать на вороных. — Генерал прищурился, отчего лицо его стало похожим на старый, желтый, кривой огурец. — Но тут, брат, нужно полное твое согласие и чтобы без обид. Иди-ка сюда...

Он что-то зашептал отцу на ухо. На красном, нетрезвом лице подполковника Баренцева сначала отразилась интенсивная работа мысли, потом лицо это жутко, почти до черноты, побагровело. Баренцев уперся локтями в стол и стал судорожно, как выброшенная на берег рыба, заглатывать воздух.

— Это что же... что же получается... — несвязно бормотал он. — Петька, да мы же с тобой... а теперь оно вот как... Тебе ж это все хихоньки, а у меня серьезно...

— Как знаешь. — Генерал встал, расправил плечи, немного повращал, разминая суставы. — Я пока на балкончике покурю, а ты подумай. — Он поглядел

на часы. — На принятие решения имеешь семь минут.

Нил сидел не шелохнувшись. Он почти ничего из слов генерала не понял, но почувствовал повисшее в воздухе тяжкое напряжение, и меньше всего ему хотелось, чтобы на него сейчас обратили внимание.

Но отцу было не до него. Он сидел, обхватив голову руками, потом вдруг встрепенулся и пробормотал:

— А гори все синим пламенем!

Хлебнул водки прямо из горлышка, резко встал и с шумом выдвинул ящик буфета. Оттуда он достал черную матерчатую сумку и принялся шуровать по полкам, закидывая в сумку то бутылку, то банку с болгарскими перцами, то пачку печенья, потом извлек кастрюлю с крышкой и смел в нее оставшиеся на столе салаты, накидав сверху ломтиков колбасы и сала. Потом остановился, блуждая по кухне безумным взглядом. Взгляд упал на съежившегося на стуле Нила.

— А, сынок, — глухо, безжизненно проговорил отец. — Пойдем, родной, погуляем...

Нил послушно встал и пошел к двери.

— В гости пойдем, слышишь! — гудел за спиной отец. — В гости нас звали. Ждут очень...

Шли недолго — впереди отец, размахивая авоськой, что-то бормоча под нос, следом Нил. Улица освещалась мощными фонарями, так что, несмотря на южную ночную темень, идти было светло. Потом, правда, свернули в закоулок между домами, вышли на небольшой пустырь, за которым высвечивались контуры длинного одноэтажного строения. Отец широкими шагами пересек пустырь и постучал в освещенное окно. Окно раскрылось, из него высунулась растрепанная женская голова.

— Норка, принимай гостей! — гаркнул отец.

Женщина замахала руками, потом прищурила глаза, вгляделась и взвизгнула:

— Ой, да никак вы, товарищ майор!

— Подполковник!

— Батюшки! С повышением вас! А я уж спать собралась...

— Одна?

— Чего одна?

— Ну, спать-то.

Женщина хихикнула.

— Скажете тоже... Погодьте, сейчас открою.

Отец взял Нила за плечо и повернул в ту сторону, где через минуту отворилась скрипучая дверь. На крыльцо вышла женщина в длинной ночной рубашке,

поверх которой был накинут домашний стеганый халат, и показала рукой — проходите, мол. Они поднялись по шатким ступенькам и оказались в узком темном коридоре. Прямо напротив входа висел голубой деревенский умывальник с жестяной раковиной. Под ней стояло помятое ведро, рядом — большие резиновые сапоги. Сбоку с длинного гвоздя свисал толстый черный ватник. Тусклая лампочка выхватывала из мрака большие прорехи в штукатурке, в которых проглядывали кирпичи и черные провода. Дощатый пол скрипел и прогибался под ногами.

В комнате, куда они вошли вслед за хозяйкой, главенствующее место занимал диван — красный, широкий, с громадными валиками и подушками. Над диваном висел тканый коврик с изображением пруда и лебедей, на коврике пристроилась гитара с голубым бантиком на грифе. Перед диваном стоял накрытый коричневой скатертью стол и два непарных стула. Часть комнаты была отгорожена светлым шкафом. В углу красовалась круглая железная печка, покрашенная краской-серебрянкой.

Хозяйка кинулась было убирать постель, разостланную на диване, но отец остановил ее:

— И так сойдет.

Он стал доставать из сумки бутылки, пакеты, кастрюлю и ставить на стол, а хозяйка — посуду из шкафа. И только покончив с этим делом, она обернулась и увидела Нила, который тихо-тихо стоял на пороге и смотрел на происходящее, потирая сонные глаза.

— Ой, ма-альчик! — воскликнула она с таким удивлением, будто впервые в жизни увидела живого мальчика. — Это ваш, товарищ май... подполковник?

— Мой, мой, — неприязненно ответил отец. — Таскаю вот за собой, как корова ботало... Ну что встал как столб? Если жрать не хочешь, марш спать!.. Слышь, Норка, изобрази ему там, за шкафчиком...

Нил еле-еле дотащился до брошенного на пол полосатого матраца и провалился в темноту...

Он плыл на корабле — на старинной галере. Стоял на высокой корме, высматривал зорким глазом, не мелькнет ли преследующее их неприятельское судно, не покажется ли на пустынных, низких берегах облако белой пыли — предвестник появления конницы, — ощущая, как ходуном ходит палуба под ногами, как скрипят уключины, как ритмично поста-

нывают, налегая на весла, прикованные к банкам гребцы: «О хейя-хейя вот. О хейя-хейя все...»

Река течет мощно, гладко и спокойно. Она отдыхает. Вдали слышен резкий, назойливый крик павиана. Ему вторит другой крик, полный страдания и боли. Хрипло и отчаянно кричит женщина. «К берегу! — командует он. — Дикий павиан похитил женщину и терзает ее. Мы должны спасти бедняжку!» — «Но капитан, — слышит он голос, — а что если это хитрые уловки врага?» — «Противник за спиной у нас, а женщина кричит вон там, впереди. Даже самый быстрый отряд не сумел бы попасть туда, незамеченный нами». — «Но, капитан, у каждого из нас есть враги и пострашнее фараона». Женский крик повторяется, теперь он ближе и страшней...

Нил резко открыл глаза. Кричала Норка, но крик мгновенно смолк, перейдя в протяжный стон, и он услышал ритмичное сопение отца. Дощатый пол скрипел и качался. Наверное, бедная Норка в чем-нибудь провинилась, и отец, злой и пьяный, делает с ней что-то страшное. Нил хотел вылезти из своего закутка и заступиться за Норку, но побоялся, что отец сделает то же самое и с ним, и остался ле-

жать, проклиная собственную трусость и бессилие.

Потом все стихло, только чиркнула спичка и хрипло дышал отец. Потом раздался мощный храп. Вскоре к этому храпу присоединился второй, потоньше и с присвистом. Потом первый храп прекратился, и голос отца произнес:

— Повернись-ка на бочок, лапушка, спать мешаешь.

В ответ послышался сонный смех. Значит, там, по ту сторону шкафа, все хорошо. Наверное, этот ужас ему только приснился...

Он проснулся разбитый, с больной головой и отлежанными ребрами, в комнате было душно, накурено, несвежо. За шкафом возились, постукивали посудой об стол, шлепали ногами. Кряхтя, как старик, Нил выбрался из закутка и остановился, зажмурившись от пробивающегося в немытое окно солнечного света.

— Ну, проснулся, архаровец?

За столом сидел отец в одних трусах, правда, очень длинных. Перед ним стояли тарелка с хлебом и нарезанным луком, стакан и бутылка. Вид у отца был хмурый, помятый, неприветливый, под глазами набухли противные черные меш-

ки. Норка лежала на диване и смотрела в потрескавшийся потолок.

Перехватив устремленный на нее взгляд Нила, отец нехорошо усмехнулся и сказал:

— Смотри-смотри, сынок. Привыкай. Теперь это твоя мамка будет.

Норка отреагировала идиотским овечьим смехом. Нил застыл, разинув рот, совсем ничего не понимая. Какая еще мамка, зачем, почему?.. Отец же заржал совсем уже неприлично, широко и некрасиво разевая рот.

— Иди-иди,— просипел он, устав гоготать.— Поцелуй мамочку!

Нил весь сжался, напружинился и бросился из комнаты прочь. Дверь сама рванулась ему навстречу. Он ударился лбом и отлетел назад, неловко шлепнувшись на бедро. А на пороге комнаты появилась Мария Станиславовна с большим чемоданом в руках. Она поставила чемодан на проходе, села на него и проговорила устало:

— Уезжаю я. К сестре в Чернигов. Попрощаться вот зашла. Ключи принесла...

Она подкинула на ладони связку ключей и неожиданно с силой запустила ею в отца. Он в последний момент подставил ладонь, и ключи, звякнув, упали

в тарелку с луком. Отец побагровел и начал, опираясь руками в стол, медленно подниматься. Мария встала с чемодана и смело шагнула ему навстречу. Выражение ее лица было самым решительным.

— Ты... это... не балуй, — невразумительно пробормотал он и сел.

Мария Станиславовна остановилась.

— Не то мне, Роман Нилович, обидно, что вы давеча к парчушке этой... — она показала подбородком на заметно струхнувшую Норку, — приблудили. Мужики — они все кобели известные, чего уж тут... А вот что вы меня под генерала этого столичного подстелили, будто я половичок какой, — этого я вам, не обессудьте, простить не могу, другую себе для дел таких подыщите... — Губы ее раздвинулись в невеселой улыбке. — Добро б хоть смог чего, начальничек-то ваш, хорош только сказки сказывать, котина холощеный...

Норка неожиданно зашлась дурным смехом, засучила ногами под одеялом. Отец, разъяренный, обрел наконец, на ком отыграться, развернулся к ней вместе со стулом и наотмашь ударил по лицу. Норка вскрикнула и с головой накрылась одеялом.

— И кто ж вы такой выходите после этого, Роман Нилович? — тихо, с нескрываемым презрением, спросила Мария Станиславовна.

И тут подал голос доселе незамеченный Нил.

— Козел в портупее! — звонко и бесстрашно выкрикнул он невесть где подслушанную характеристику.

Мария Станиславовна от смеха согнулась пополам. Норка под одеялом завизжала. Отец взревел и схватил со стола вилку.

— Убью, гаденыш!!!

Нил юркнул в щелку между чемоданом и дверным косяком и босой побежал по коридору. За его спиной что-то упало — грузно, с матерным ревом, — но он не обернулся. Выскочил, хлопнув дверью, на незнакомый в утреннем свете пустырь и рванул куда глаза глядят...

Всю следующую неделю он жил в офицерском общежитии, спал на раскладушке в комнате Федоровских, днем сидел у раскрытого окна возле Светиной кровати, читал ей книжки или просто разговаривал, а когда с работы приходил Артем и на руках выносил жену в сад, выходил с ними. Иногда играл с местными ребятишками. Те, наученные, види-

мо, родителями, обращались с ним бережно, как с фарфоровой куклой. Отца он за это время видел два раза — мельком. При встрече оба отворачивались.

«Вот бы кому разбиться!» — с ненавистью думал Нил...

Это случилось через четыре года, тогда из Забайкалья пришла официальная телеграмма, извещавшая, что подполковник авиации Баренцев Роман Нилович трагически погиб при исполнении служебных обязанностей. Мать была на гастролях в Венгрии, так что на похороны и разбираться с имуществом покойного вылетела бабушка. Вернувшись, она рассказывала странные вещи — будто бы, по словам очевидцев, самолет, на котором он отправился в свой последний полет, ни с того ни с сего пошел на снижение и снижался до самого соприкосновения с землей, после чего немедленно взорвался. Никаких видимых неисправностей комиссия, работавшая на месте катастрофы, по останкам машины не установила. В полку поговаривали, что в тот день подполковник был мрачен и сосредоточен.

Из небогатого оставшегося имущества бабушка взяла только фотографию мамы, которую обнаружила на его столе. Оформлять пенсию на Нила она не стала...

XV
(Ленинград, 1982)

— И вы до сих пор возлагаете на себя часть вины за смерть отца?

— Вины?! Знаете, когда ваша путеводная звезда при ближайшем рассмотрении оказывается перегретым примусом, который брызжет вам в физиономию раскаленным вонючим керосином, возникающее чувство трудно назвать чувством вины... Теперь я даже рад, что развенчание кумира произошло в такой грубой, водевильной форме. А то вырастил бы из себя гориллу по образу и подобию...

— Сама горячность, с которой вы это говорите, Нил Романович, свидетельствует, что в глубине души ваша оценка не столь однозначна.

— Может быть... Мое нынешнее «я» тоже, знаете ли, дает мало оснований для ликования...

— Вернулась ваша матушка, Нил Романович. Я встречался с ней. Просила передать вам свое сочувствие и все такое...

— И все такое... — насмешливым эхом отозвался Нил.

— Очень порывалась навестить вас, но я рекомендовал пока воздержаться...

— Она не настаивала,— утвердительным тоном произнес Нил.

— Не настаивала, — подтвердил Евгений Николаевич. — Но передала вам этот сувенир, который, надеюсь, немного развлечет вас.

Он протянул Нилу прозрачную коробочку, в которой находилось нечто, уложенное в черный шелковый мешочек.

— Трубка,— сказал Нил, развязав розовые тесемки. — Настоящая тосканская трубка...

— И к ней баночка «Брукфильда».

— Вы позволите?..

Нил откупорил жестяную баночку, похожую на те, в которых продают монпансье, и принялся набивать трубку.

— Запах умопомрачительный, — заметил профессор.— Похоже, вы и в этом знаете толк.

— Знал... Странно... У нас ведь все началось с трубки... Он очень любил трубку...

— Отец? — озадаченно спросил Евгений Николаевич.

— Отец? Какой отец? При чем тут отец?

— А, я, кажется, понимаю, о ком вы... Следователь говорил мне, что среди вещей... ну тех, в вагоне... нашли курительную трубку.

— Это его...

XVI
(Ленинград, 1973)

Стенд с объявлениями, выставленный в вестибюле, осаждала плотная толпа, и он решил не толкаться, переждать немного. Вышел в факультетский дворик, заложил в рот сигарету, окинул окрестности ленивым взглядом — и замер, остолбенев...

Она несла себя гордо, легко, почти не касаясь земли. Она была вся движение, полет. Ее замшевый пиджачок был распахнут, ветер играл ее клетчатым шейным платком, медными кудрями, плиссированным подолом клетчатой, в тон платку, юбочки. «Остановись, посмотри!» — неслышно, с сердечным замиранием, взмолился он.

Она остановилась. Посмотрела. Подошла. У него непроизвольно раскрылся рот.

— Что ли нравлюсь? — с веселой улыбкой спросила она.

От ее голоса закружилась голова.

— Очень, — выдохнул он.

— Ты тоже ничего.

Он посмотрел на нее недоверчиво и чуть обиженно. Закончив девятый класс колобком, в десятый он пришел Апол-

лоном — крепко и в нужном направлении ударил запоздалый гормональный сдвиг, — но одноклассники воспринимали его инерционно, да и сам он никак не мог обвыкнуться в своем новом, стройно-долговязом естестве, глядя на себя и на мир глазами толстого мальчика, привычного отнюдь не к комплиментам.

— С пяти шагов на иностранца похож, — продолжила девушка.

— А с трех? — Он наконец подхватил ее шутливый тон.

— Нет, слава Богу. Не люблю иностранцев, в смысле — буржуев. Картонные они какие-то, как ненастоящие. Огоньку не найдется?

— Да-да, пожалуйста...

Он торопливо вынул из кармана плоскую зажигалку, оставленную в их некурящем доме кем-то из гостей и недавно им утилизированную.

— И фитиль у тебя классный, — подхватила рыжая девушка. — «Мальборо» хочешь?

— Ага...

Он затянулся предложенной сигаретой, слегка закашлялся.

— Тебе трубка пойдет, — сказала девушка. — Будешь такой Сергей Есенин.

Или молодой Хемингуэй... Студент или абитура?

— Я?.. Поступаю.

— Я тоже. Ты на какое отделение?

— Не решил еще. — Почему-то ему не хотелось говорить этой сногсшибательной девчонке, что поступает он вообще не на филологический, а на социальную психологию, а сюда завернул только затем, чтобы узнать, когда и где консультация по сочинению. — А ты?

— Я на английское.

— Там же конкурс сумасшедший! Или ты с медалью?

— Я похожа на медалистку?

По ее лукавой усмешке он понял, как она относится к этой части человечества. Не относится.

— А не боишься?

— Я ничего не боюсь, — сказала девушка, и ее тон показывал, что она не врет. — Ладно, викинг, до встречи на экзаменах. Удачи тебе.

Она ловко пульнула окурок в урну, стоящую метрах в семи, и, естественно, попала.

— И тебе удачи... — проговорил он ей вслед, тут же почувствовав, что ей это пожелание, в общем-то, совсем не

нужно, что вся удача и так всегда при ней.

Он, как завороженный, смотрел ей в спину, пока она не скрылась в подворотне, потом вздохнул и пошел в противоположную сторону, на факультет.

У доски объявлений народу было поменьше, он протиснулся вперед, списал место и время консультации, а потом задержался у большого листа с данными о прошлогоднем конкурсе и баллам. Английское отделение — 13,8 человек на место, проходной балл — 20. Четыре пятерки. Нереально. Взгляд его скользнул вниз, не задерживаясь на нежеланных румынских, финно-угорских, болгарских... Спецотделение (преподавание русского языка как иностранного) — 2,7 человек на место, проходной балл — 16,5. Собеседование сегодня в аудитории 97...

Собственно, что такое социальная психология по сравнению с возможностью учиться рядом с такими девчонками?..*

---

* Почтенный автор убедительно описал его переживания при нашем знакомстве. А мои? У меня ведь тоже ноги подкосились, голова закружилась так, что испугалась — сейчас упаду. И сразу же мысль: отчего бы не упасть, если только в его объятия... Не забывайте, что мне тоже было семнадцать лет... *(Прим. Т. Захаржевской.)*

XVII
(Ленинград, 1973)

После успешного собеседования окрыленный Нил помчался в табачную лавку и приобрел себе за рубль двадцать нечто, внешне напоминающее трубку, и у него еще хватило на пачку загадочного вещества «Нептун. Тютюн за лулу», — продавщица сказала ему, что это болгарский трубочный табак.

На следующий день он приперся на консультацию при трубке, в перерыве достал ее, зажег с четвертой попытки, неглубоко затянулся, скрывая слезы, набегающие на глаза от едкого соснового дыма, напрочь заглушающего дым табачный, поглядывая по сторонам покрасневшими глазами — не покажется ли *она.* Но она не показалась, зато подошел невероятно плечистый молодой человек, чернокудрый и усатый, ростом выше среднего, хотя пониже самого Нила, в двубортном пиджаке модного фасона «милитэр». Молодой человек некоторое время приглядывался к нему, а потом посоветовал, выпуская при этом ароматные колечки из собственной трубки:

— Вы, батенька, это полено на дрова пустили бы, что ли... А если так уж тянет

трубочкой побаловаться, то не лучше бы настоящей обзавестись?

— И рад бы, сударь мой, да где ее взять, настоящую-то? — подстраиваясь под манерно-ироническую речь симпатичного незнакомца, проговорил Нил.

— А в Москве, батенька, в одноименной гостинице. Там «явовские»-то трубочки по пять целковых всего. Говнецо, конечно, трубочки, не чета моим английским, но все же трубочки, а не ваша бутафория... Кстати, попробовать не угодно ли?

Молодой человек достал из портфеля продолговатый кожаный мешочек, а из него — темную прямую трубку, точное подобие той, которую курил сам. Трубка была уже набита, и, как понял Нил по одуряюще сладкому запаху, набита чем-то круто фирменным.

— Какой табак! — восхищенно сказал он.

— «Клан», сударь мой,— ласково щурясь, проговорил усатый. — «Клан» домашней выделки. Хотите, научу? Берется стограммовая пачка табака «Золотое руно» по два двадцать и высыпается в большую банку. Туда же добавляются две пачки «Трубки мира» по девяносто коп. Смесь тщательно перемешивается взбал-

тыванием, после чего в банку наливается столовая ложка ликера «Южный» и столовая ложка хорошего коньяку. За неимением французского подойдет «Двин» или «Праздничный». Сверху кладем свежесрезанную яблочную кожурку, лучше зеленую, и герметично закрываем крышкой. Дней через десять смесь вызревает окончательно. Готовый продукт можно отличить от классического голландского «Клана» только по консистенции и последующему обилию дегтя. Некоторые ингредиенты, конечно, специфичны, но один раз разориться стоит, уверяю вас...

Незнакомец терпеливо объяснил Нилу, как правильно прикуривать и раскуривать трубку, и со снисходительной улыбкой смотрел на его первые, неумелые затяжки. Затем пояснил, что курение трубки требует некоторого навыка, и заявил, что, пожалуй, согласился бы уступить Нилу одну из своих трубочек за символическую цену в пятьдесят рублей.

— Пятьдесят! — изумленно выдохнул Нил.

— В табачной лавке на Бейкер-стрит самый дешевый «Данхил» стоит двести-триста фунтов стерлингов, — мягко заметил молодой человек. — Признаюсь, мне эта пара досталась уже подержан-

ной, зато великолепно обкуренной, что только увеличивает ценность хорошей трубки. Я же передаю ее вам в еще более ценном состоянии — исключительно из уважения к собрату по благородному увлечению... Может, вы сомневаетесь, что это «Данхил»?

— Ну что вы... — начал оправдываться Нил, но собеседник не желал слушать его оправданий.

— Вот смотрите, здесь клеймо, товарный знак, подтверждающий подлинность.

Он ткнул пальцем в желтое металлическое кольцо на разъеме. Нил посмотрел туда и действительно увидел чуть затертое клеймо «DANHIL».

— Убедились? Ну что, берете?

Нил замялся. С одной стороны, такая колоссальная сумма, которой у него попросту нет и не было никогда. С другой стороны... Он живо представил себе, как через какую-нибудь пару недель, уже студентом (собственная небезмозглость, плюс труды репетиторов, плюс невероятно благожелательное отношение, проявленное к нему во время вчерашнего собеседования самим Александром Федоровичем, говорят, самым главным на спецотделении, плюс звоночек из ди-

рекции театра в ректорат — все это не оставляло у него сомнений в благоприятном исходе), выйдет на площадку перед большим коридором и гордо продемонстрирует всяким там «беломорщикам» и «столичницам» свою великолепную трубку в деле. «Явовская?» — обязательно спросит кто-нибудь, мнящий себя знатоком. «Не совсем, — снисходительно-небрежно ответит Нил. — „Данхил“. Вот, извольте убедиться, клеймо...»

А во-вторых, сделав покупку, он сохранит доброе расположение этого симпатичнейшего парня. Возможно, даже подружится...

— Я сейчас не при деньгах... — глядя на собеседника жалкими глазами, начал он.

— Это не беда, — с мужественной улыбкой ответил тот. — Я готов подождать до послезавтра. В десять ноль-ноль у нас консультация по истории. Там и встретимся. Я принесу трубку, а вы — деньги. Договорились?

— Договорились, — пролепетал Нил.

— Замечательно. — Взрослый молодой человек протянул руку. — Васютинский. Виктор Васютинский. Будущий юрист.

— Нил Баренцев, будущий филолог, — доложил Нил и заметил, что в гла-

зах собеседника промелькнул какой-то дополнительный интерес.

Рукопожатие Васютинского было крепким, мужским. После такого рукопожатия нарушить договоренность мог бы, наверное, только самый последний подлец...

Домой он возвращался пешком и все думал, как бы раздобыть денег по-быстрому. И, кажется, придумал. Попробовать, во всяком случае, можно...

Бабушки дома не было, и это вполне отвечало его планам. Не снимая ботинок, он быстро прошел в самую дальнюю комнату. У окна, в кресле, развернутом в глубь комнаты, неподвижно сидела укутанная пледом бабуленька и остановившимися тусклыми глазами смотрела на него.

— Привет, мумия, — бросил он, направляясь к книжному стеллажу.

У него и в мыслях не было обидеть старуху, она давно уже ни черта не слышит, и как ни назови, ей все едино.

Постояв немного у полок, он пробормотал: «Нет, так не пойдет!», подошел к бабуленьке и развернул кресло к стене. Лучше пусть не видит.

В их семействе читателем был он один. Эта страсть, ослабшая было в год между

отъездом отца на Украину и его собственным роковым путешествием, по возвращении вспыхнула с новой силой и более не ослабевала. Ни моделизм, ни спорт ей более не мешали — Нил забросил их и скоро вновь стал толстым, бледным, апатичным и болезненным, каковым и оставался все школьные годы, кроме последнего, когда вдруг со страшной силой прорезались новые интересы — рок-музыка, танцы, курево, и немного — девочки, карты, вино... Но читать он любил попрежнему. Он единолично пользовался неплохой домашней библиотекой, собранной за многие десятилетия и постоянно пополняемой за счет подписных изданий и разных книжных дефицитов, с доставанием которых у матери — не последнего человека в отечественной культуре — проблем не возникало.

Мать не читала ничего, кроме партитур и хвалебных статей о самой себе. Бабушку изредка можно было видеть с одним и тем же толстым томом зануднейших музыкально-театральных мемуаров. Про бабуленьку нечего было и говорить.

Однако именно в комнате у старушек хранилась самая загадочная часть семейной библиотеки — несколько десятков древних, никогда не раскрываемых кни-

жек, по большей части на немецком языке. Немецкие книги были почти все напечатаны готическим шрифтом, так что названия и содержание их было Нилу неведомо, за исключением одной, самой толстой и богато иллюстрированной в цвете. История военного костюма германских княжеств семнадцатого—девятнадцатого веков. Когда он был маленький, то даже не знал, что в их доме есть такая интересная книга, обнаружил ее только классе в седьмом, снимал иногда, рассматривал, показывал приятелям. Потом надоело, и этот фолиант вернулся сюда, в компанию земляков. Некоторые книги были на русском, с ятями, ерами, фетами, и-десятеричными, толстые и патологически скучные. Их-то Нил и перебирал задумчиво, вдыхая многолетнюю пыль. Наконец отобрал одну — большую, в красном кожаном переплете с золотыми буквами: «ЭДУАРДЪ ГАРТМАНЪ. ФИЛОСОФІЯ БЕЗСОЗНАТЕЛЬНАГО» — перелистал. Страницы разрезаны только до шестнадцатой. Спустил на пол, начал попросторней расставлять соседние, чтобы не так зияло отсутствие, потом подумал и на всякий случай присовокупил к отобранной еще одну — небольшую, невзрачную, серенькую, с большими, блед-

но пропечатанными немецкими буковками на толстых желтых страницах.

Нил поставил на место последний фолиант, подравнял ряд, отошел, поглядел — вроде, все в точности, как было. Сунул обе книги под мышку, понес к дверям... И обжегся об отраженный в зеркале взгляд бабуленьки, в котором блеснули ему несказанная боль, недоумение, обида. Вот черт, развернул старуху к стене, а ведь не сообразил, что во всю ту стену — зеркало, и она все видела...

Уже на лестнице он столкнулся с бабушкой, тяжело поднимавшейся по ступенькам.

— Привет, ба!

Она только кивнула и обозначила улыбку. Говорить было трудно.

— Ну, я побежал...

— Куда? — чуть слышно прошелестела бабушка.

— Лекция...

Он показал на портфель, как бы в подтверждение. Бабушка еще раз кивнула.

В букинистическом на Литейном бородатый и очкастый продавец подтолкнул красную книгу обратно к Нилу, даже не заглянув в нее.

— Идеалистов не берем, — отрезал он. — Следующий!

— Погодите, у меня еще есть, посмотрите, пожалуйста... — в полном отчаянии взмолился Нил.

Продавец брезгливо раскрыл серенькую книжонку, протянутую Нилом, взглянул на титульный лист, перевернул страницу, вторую...

— Сейчас, я сейчас, извините... — проговорил он изменившимся голосом.

Вырулил из-за прилавка, пронесся мимо кассы, расталкивая народ, и исчез вместе с Ниловой книжкой за дверью с надписью «Посторонним вход воспрещен». Вышел он оттуда вдвоем с другим дядькой, лысым и плотным, одетым в черный рабочий халат.

— Эй вы! — рявкнул лысый, показывая на Нила волосатым пальцем. — Подойдите-ка сюда!

«Бежать!» — вспыхнуло в мозгу, но ноги сами понесли его к пугающей двери, перетащили через порог. Он очутился в тесном, обшарпанном помещении, до потолка заставленном книгами.

— Паспорт! — пролаял человек в халате, и Нил покорно протянул ему свою не успевшую затрепаться книжицу в коричневом чехле.

Сердце совсем ушло в пятки. Вот сейчас лысый дядька посмотрит адрес,

позвонит в справочное, установит по адресу номер телефона и сообщит бабушке, что ее внучок разворовывает семейную библиотеку...

— Больше каталоговой цены не поставлю, — сердито пробурчал человек в халате. — Здесь вам не частная лавочка!

Нил обреченно кивнул.

— В кассу! — рявкнул лысый, протягивая ему паспорт и еще какую-то торопливо и неразборчиво заполненную бумажку. Нил поспешно отвернулся, запихивая паспорт в сумку. — Если есть еще эльзевиры — приносите!

Нил удивленно посмотрел на лысого. Тот вдруг вжал голову в плечи, бочком протиснулся к нему и совсем другим голосом, тихим и вкрадчивым, произнес:

— Гартмана покажите... У меня жена, знаете ли... интересуется... — Он с минуту разглядывал красную книгу, потом сдавленно прошептал: — Сто рублей.

— Сколько? — спросил Нил, не веря своим ушам.

— Ах, тише, тише,— зашипел лысый, делая страшные глаза. — Ну, сто двадцать, но это крайняя цена...

И торопливо отслюнил двенадцать красненьких червонцев.

— Спрячьте, спрячьте... — торопливо прошептал он и неожиданно громко крикнул: — А с эльзевиром в кассу! В кассу!

Нил, пожимая плечами, вернулся в зал, подошел к кассе и положил бумажку на блюдечко перед кассиршей.

— Вот... — Он вздохнул.

Кассирша ему эту бумажку вернула.

— Сумма прописью, число и подпись! — отрезала она.

— Что?

— Здесь, здесь и здесь! — Она быстро поставила галочки в трех местах.

Нил отошел к подоконнику, достал из портфеля ручку, посмотрел в отмеченное галочкой место — и не поверил своим глазам. Ему причиталось триста шестьдесят рублей...

«Спокойно, спокойно! — внушал он себе, идя по Литейному. — Я взрослый, разумный человек, и никакое богатство не вскружит мне голову... Еще через квартал — сберкасса. Восемьдесят рублей я оставлю себе, а четыреста положу на книжку. Бабушка говорила, есть такой срочный вклад, по нему через год выдают три процента годовых. Это будет... это будет двенадцать рублей! Ни за что ни про что — целых двенадцать рублей!..»

Но он струхнул идти в сберкассу — а вдруг еще спросят, откуда у него такие деньги, заставят принести справку от родителей? Вместо этого он отправился в кафе-мороженое, лихо заказал двести граммов ассорти с двойным сиропом и сто пятьдесят граммов сладкого шампанского — не столько потому, что так уж хотелось вина, сколько из желания этим отважным жестом как-то компенсировать в собственных глазах трусость, проявленную у дверей сберкассы. Толстая буфетчица в кокошнике окинула Нила оценивающим взглядом, неодобрительно хмыкнула, но заказанное налила. От сладкого и шипучего вина немного закружилась голова, стало легко, и сегодняшний проступок показался Нилу совершенно пустячным. «Безсознательнаго» все равно никто не осилил и не осилит никогда, а вторая книжонка и вовсе такая серенькая, невзрачная, никому не нужная... Если подумать, то вообще чудо, что ее до сих пор не выкинули на помойку, не сдали в макулатуру. Зато теперь сослужила добрую службу. Теперь у него есть огромные деньги, которые надо как можно скорее спрятать как можно глубже в письменный стол. А завтра... завтра он станет владельцем роскошной трубочки фирмы «Данхил»...

Бабушка стояла на кухне и молча смотрела в окно. Нил подошел сзади и слегка приобнял ее.

— Ба, как у нас насчет покушать, а?

— Тише...

Она повернула к нему лицо. Он удивленно заморгал, впервые увидев слезы на этом морщинистом лице.

— Ты что, бабушка?

— Бабуленька умерла...

В придачу к трубке он получил от Васютинского кожаный мешочек для нее и — за отдельную плату — набор ёршиков для чистки. Эту трубку он носил на каждую консультацию, на каждый экзамен. Обратил на себя внимание многих, но рыжая красавица, ради которой, собственно, все и затевалось, так ему и не встретилась. Может быть, передумала поступать или — что казалось совсем невероятным — завалила экзамены...

XVIII
(Ленинград, 1982)

— Вот ведь как бывает, — задумчиво проговорил профессор. — Ведь эта мимолетная девушка, практически, сотворила из вас филолога и трубочника,

предопределила, можно сказать, все последующие переплетения судеб, приведшие, в числе прочего, и к нынешнему нашему разговору, а мы даже имени ее не знаем...

— Отчего же? — Нил улыбнулся. — Она, конечно, тоже поступила, и потом мы несколько лет встречались чуть не каждый день.

— Вот как? — ответно улыбнулся Евгений Николаевич.

— О да! Ее звали Таня Захаржевская...

В руках профессора что-то громко хрустнуло, он с отвращением отбросил от себя переломанную пополам шариковую ручку.

— Сплошной брак производят! — сердито сказал он.

Нил смотрел на него молча и внимательно.

— Вот что, Нил Романович, — прежним благодушным тоном сказал профессор. — Давайте-ка мы закажем нашей любезной Тамаре Анатольевне по чашечке кофейку и поговорим, для разнообразия, о вашей нынешней работе. А то что мы все о прошлом, да о прошлом... Вы ведь, если не ошибаюсь, в Политехническом служите?

XIX
(Москва, 1982)

— Впечатления?

— Непростой парнишка. Старается внушить себе и другим, что он гораздо слабее и уязвимее, чем есть на самом деле. Ложная самооценка на основе рационализации детских комплексов... Извините, вошел в образ... Он прекрасно помнит Татьяну Всеволодовну, отзывается о ней с глубоким уважением и считает, что она сыграла в его жизни очень большую роль.

— Вот как? — Вадим Ахметович Шеров подлил чая себе и подполковнику Ковалеву, поднялся, с чашкой в руках подошел к окну, поглядел на вереницу огней в вечернем саду. — И что из этого следует?

— Уточним. Он мне верит и, похоже, ничего не утаивает. У нас есть еще три дня...

— У нас их нет. Я получил информацию, что его разрабатывают ваши коллеги. *Чужие.*

— В связи с нашим делом?

— Пока не могу сказать. Помешать им мы не можем, остается временно уступить инициативу, отойти в тень и

пронаблюдать за их действиями. А там посмотрим... Во всяком случае, в Ленинград вам пока возвращаться не стоит...

XX
(Ленинград, 1982)

Нил лежал поверх покрывала и разглядывал трещины на потолке. До ужина еще полчаса, а потом, глядишь, можно и на боковую. Если получится. Можно, конечно, попросить укольчик на ночь, но лучше не стоит. От бессонницы не умирают...

Он повернул голову на скрип открываемой двери и увидел Тамару Анатольевну и незнакомого врача в белом халате.

— Ну, как вы? — спросил, улыбаясь, врач.

— Ничего, спасибо. Скучновато, а так — ничего.

— Это хорошо, что ничего. Анализы у вас в норме. Выглядите молодцом. Не вижу оснований, не вижу... Давайте-ка завтра на выписку.

— Но профессор сказал — еще три дня.

— Профессор? — переспросил врач. — Ах да, профессор... Профессор неожиданно уехал в командировку, просил передать, что по возращении будет консультировать вас амбулаторно. Так что сразу после завтрака прошу в канцелярию... Недельку еще дома на больничном посидите, отдохнете. Месячный курс тазепама, режим, питание — я все напишу... Не беспокойтесь, ничего страшного в бюллетень ваш не нарисуем. Посттравматический шок, а хотите — вегетативный невроз. Что хотите.

— Спасибо.

— Ну, отдыхайте...

Лежать сил не было. Он встал, набил трубку, распахнул окно в теплую светлую ночь...

Глава вторая

НОЧЬ БЕЗ МИЛОСЕРДИЯ

I
(Ленинград — Житково, 1973)

Таню он вновь увидел только первого сентября, после организационного собрания, где, как и ожидалось, новоиспеченным студентам было объявлено, что этот этап своей жизни они начнут с месячной трудовой повинности в совхозах Ленинградской области. Было упомянуто три названия, ни одно из которых Нилу ничего не говорило.

— Привет, — сказал он, вырастая на ее пути в коридоре. — Тоже поступила? Поздравляю. А я теперь трубку...

Он принялся лихорадочно рыться в портфеле, намереваясь продемонстрировать приобретенный с ее подачи джентльменский атрибут.

— Рада за тебя.

Она не остановилась, но чуть замедлила шаг, и ему ничего не оставалось, как двинуться следом.

— А ты в какой колхоз записываться будешь? — спросил он, заглядывая ей через плечо.

Она повернулась и посмотрела на него с искренним недоумением.

— Я — в колхоз? Зачем?

— Но ведь надо...

— Мне не надо! — отрезала она и свернула направо, оставив его посреди узкого коридора.

Он вздохнул, поглядел ей вслед и поплелся в сторону партбюро, возле которого толпился народ — там записывали в сельхозотряды.

Наверное, Нил долго простоял бы в тесном предбаннике, пропуская вперед всех желающих и нежелающих, но тут как раз его окликнули по фамилии. Он оглянулся.

— Ба, Васютинский, какими судьбами?

Ему было приятно видеть знакомое лицо, особенно после обескураживающего разговора с Таней.

— У меня свидание кое с кем... Как вы, Баренцев, рассказывайте. Надо полагать, студент? Поздравляю!

— Взаимно, не так ли?

— Да, благодарю... Сейчас что поделываете?

— Да вот, в колхоз записываюсь. Посылают.

— Представьте, меня тоже. Ваш факультет куда направляют?

— Репино, Шушары и еще какое-то Житково...

— Житково? Да что вы говорите! И мы тоже будем в Житково... Записывайтесь, записывайтесь непременно туда. Места замечательные, Вуокса, рыбалка потрясающая, леса... Я служил неподалеку, знаю. У меня там масса знакомых. — Он выдержал паузу, весело подмигнул Нилу. — В том числе и бабского полу. Послушайте моего совета, Баренцев. Не пожалеете...

Но жалеть Нил начал уже через день, прибыв к половине восьмого утра на Финляндский вокзал и вглядевшись в лица тех, с кем ему предстояло прожить ближайший месяц. Сомнений не было — он оказался в *спецгруппе*!

Как всякий советский человек, Нил вырос в окружении слов, начинающихся с многозначительной и многозначной приставки «спец», придающей словам, к которым она приставлена, самые разные, подчас полярно противоположные, смысловые оттенки. Так, школа в которой учился Нил, числилась спецшколой,

потому что там углубленно изучали английский язык. Еще были спецшколы математические, художественные. Но учебные заведения для умственно отсталых, дебилов и олигофренов, тоже назывались «спецшколами», как и школы для глухонемых, слепых, обездвиженных. А еще, малолетних хулиганов и воришек тоже направляли в «спецшколы» — нечто среднее между закрытым интернатом и колонией.

Закончив спецшколу, Нил поступил на спецотделение (преподавание русского языка как иностранного). А еще имелся спецфакультет (повышения квалификации), спецкафедра, где все проходили спецподготовку (то бишь военная кафедра и военная подготовка). И, в довершение всего, спецгруппа, куда зачисляли по спецнабору — то есть, по заявкам из отделов народного образования разных областей. Предполагалось, что через пять лет Ленинградский университет возвратит областям молодых специалистов высочайшей квалификации. На деле получалось несколько иначе. Неизвестно, по каким критериям подбирались студенты в эти спецгруппы, только в массе своей это был народ серый, малограмотный, плохо подготовленный и почти не обу-

чаемый. Из десяти человек курс заканчивал один — причем именно тот, который вполне попал бы на факультет и своими силами, без всякого спецнабора.

Все это Нил узнал намного позже, пока же он просто смотрел в окружающие физиономии и не находил в них ничего для себя утешительного. Не радовало и то, что подавляющее большинство группы относилось к женскому полу — взгляду остановиться абсолютно не на чем. Корова на корове. И между ними — несколько плюгавых, прыщавых пигалиц. А ведь столько симпатичных девчонок поступало — в какие, интересно, места их отправили?.. И двое парней, что стоят чуть поодаль от группы, вполне под стать остальным. Один квадратный, на коротких кривых ножках, черты лица крупные, неприятные. Второй — коротышка, метр с шапкой, лобик и носик микроскопические, угодливо заглядывает первому в рот, подхихикивает. А первый излагает, налегая на «о»:

— А я чо? А я ничо! Чо хочу, то и ворочу! У меня деды половиной Сибири володели!

«Влип! — с тоской подумал Нил. — Действительно, спецотряд! Нечего сказать, удружил мне этот Васютинский!»

Подошла электричка. Дали команду «по вагонам!», и Нил понуро поплелся следом за всеми.

Ехали долго. Полтора часа на электричке, потом столько же на двухвагонном «подкидыше». Всю дорогу Нил, нахохлившись, сидел у окошка, особняком, ни с кем не общался, только мрачно посматривал на остальных. Чем дольше он смотрел, тем больше все лица сливались в одно — широкое, как Днепр (редкая птица долетит до середины!), тупо апатичное, с крошечными поросячьими глазками и низким скошенным лбом, на котором без всяких букв отчетливо прочитывалось — быдло! Единственное, пожалуй, исключение, составлял высокий, гибкий, с кошачьей пластикой молодой человек в модных больших очках. С этим Нил и не прочь был бы пообщаться, но тот, как приклеенный, всю дорогу сидел рядом с руководителем группы, Игорем Донатовичем Абзалиловым, и оживленно с ним беседовал.

Сгрузили их на мрачном полустанке посреди чистого поля. Все разбрелись по полусгнившему дощатому перрону, а Нил спустился по лесенке и лег прямо на сырую траву. Он злился на Васютинского и очень жалел себя.

— Эй, эй, товарищ студент, как вас, Марков! — окликнул сверху Игорь Донатович.

— Баренцев, — индифферентно поправил Нил.

— Баренцев... Немедленно поднимитесь, Баренцев! Трава сырая, вы простудитесь.

Нил покорно поднялся, думая про себя: «Тоже мне, эрзац-мамаша! Ну и простужусь, ну и хорошо, быстрей дома буду... В самом деле, вот бы заболеть бы...»

Минут через десять к платформе на всех парах подкатил заляпанный грязью грузовичок, с визгом затормозил, и из кабины шустро выпрыгнул не кто иной, как Витя Васютинский.

— Ребята, все сюда шагом марш! — крикнул он. — Вещички в кузов, живенько!.. Здравствуйте, Игорь Донатович...

— Вещички в кузов, а сами куда? — неприязненно осведомился кривоногий здоровяк, у которого деды половиной Сибири владели.

— А сами пешочком! — весело отозвался Васютинский. — Идти-то тьфу, километра полтора. Сразу за тем леском возьмете влево, там на горке амбар двухэтажный, это и будет ваше хозяйство.

Все принялись кидать в кузов рюкзаки и чемоданы, а Нил тем временем подошел к Васютинскому.

— Здорово! Я боялся, что ты передумал и в другой отряд подался.

На «ты» он перешел, даже не заметив этого, — сказалась сельская местность, способствующая мгновенному опрощению нравов.

— А, Баренцев! Ну, как трубочка моя, ничего?.. Нет, брат, я тут с позавчера. Видишь, уже шоферить пристроился.

— Ты, что ли, и машину водить умеешь? — задал Нил удивительно глупый вопрос.

— Я танк водил! — гордо заявил Васютинский и, понизив голос, добавил: — Ты тоже попробуй подальше от стада устроиться, у нас с тобой своя программа будет... Игорь Донатович, прошу в кабину, нам еще в правлении отметиться надо.

Они укатили, а остальные нестройными рядами двинулись к лесочку...

Памятуя совет Васютинского, на летучке, созванной Игорем Донатовичем, как только все разобрались по помещениям, покидали вещички на нары и набили полосатые наматрасники прошлогодним сеном, Нил записался в кухонные мужики, под начало Нины, самой

голосистой из всех прибывших коровищ. Фамилия у этой Нины была редкая и весьма красноречивая — Каракоконенко. Драконий норов она проявила незамедлительно — после летучки все помчались купаться на озеро, а ему было велено наколоть изрядную кучу дров, натаскать с десяток ведер воды из неблизкого колодца и разделать половину бараньей туши. Зато они с Ниной первыми напились холодного молока с горячим, одуряюще ароматным хлебом — и то и другое привез из деревни Васютинский. Нила разморило, глаза закрылись сами собой, и только громкие веселые голоса оголодавших студентов, вернувшихся с озера, вывели его из состояния полудремы. Когда все поели и разбрелись по стойлам, поганка Нина заставила его перемыть всю посуду и только потом отпустила окунуться.

Уже стемнело, но тропка, по которой шел Нил, была видна хорошо — как ему объяснили, если идти по ней, никуда не сворачивая, упрешься в пологий песчаный берег. Он миновал перелесок, край огорода, еще перелесок и очутился на широком лугу. Впереди, над озером, клубился туман, а справа, совсем рядом с тропинкой, горел костер и виднелись вокруг

него черные человеческие фигуры. Нил вжал голову в плечи и замедлил шаг. Ему захотелось повернуть назад — встреча с местными, о чьих диких нравах особо предупреждали на собрании, да еще одному и почти ночью, в его планы не входила.

«Ладно же, — упрямо подумал он, — хватит труса праздновать! Сберкнижку завести испугался, теперь вот аборигенов испугался! Назло вот пойду!»

Он решительно двинулся к озеру, но через десяток шагов горько об этом пожалел: от костра донесся грубый, нетрезвый голос:

— А ну, кто там шляется? Тебе говорю! Стой, а то хуже будет!

Нил развернулся, изготовившись бежать, но тут его с ног до головы залило светом мощного армейского фонарика.

— Стой, студень вшивый! — крикнул тот же голос, но тут же вмешался второй голос, знакомый и в данную минуту несказанно родной:

— Коль, погоди, не ори, это вроде свой... Баренцев, ты? Подай голос!

— Витя! Витя! Я это, я! — прокричал Нил, сбившись под конец на фальцет.

— Так иди сюда! — отозвался Васютинский. — Не бойся, ребята хорошие, старые мои кореша.

— Я и не боюсь! — мгновенно осмелев, заявил Нил и двинулся к костру, одна из фигур поднялась ему навстречу.

— Мужики, рекомендую, Нил Баренцев, главный, можно сказать, друган в нынешней моей жизни, — Васютинский качнулся к Нилу, неожиданно крепко сжал его в объятиях, увесисто хлопнул по спине и запечатлел на щеке пьяный мокрый поцелуй. — А это вот, знакомься, Женя, Вася, Коля.

Парень с гармошкой на коленях слегка кивнул. Двое других даже не пошелохнулись.

— Садись, в ногах правды нет, — сказал гармонист, и Нил послушно сел на край длинного бревна, рядом с Васютинским.

Воцарилось долгое, тягостное молчание.

— А что, малой, винца нашего не хлебнешь? — неожиданно спросил самый крупный из мужиков.

По грубому голосу Нил узнал того, кто первым окликнул его и так напугал.

— Хлебнет, Коля, обязательно хлебнет, — подхватил Васютинский, не давая Нилу и рта раскрыть. — Я ж говорю, парень свой в доску. Я ему даже трубочку свою уступил...

Коля наклонил туловище, и Нил заметил в ногах у него два ведра. Коля зачерпнул из обоих и с едкой улыбкой протянул Нилу две кружки. Нил взял их, поднес одну из них ко рту.

— Да не с этой начинай, — сказал Коля. — Это вода, для запивки.

Нил приблизил к себе вторую кружку, нюхнул и страшно скривился.

— Это что? — спросил он, чувствуя, как побелели губы.

— Ты не нюхай, ты пей давай, не в театр пришел! — прикрикнул грубый Коля. — Аль кишка тонка?

— Диколон это тройной, — подхихикивая, пояснил мужичок, сидящий между гармонистом и Колей.

— Давай, Баренцев, нос зажми и залпани. И сразу водички, — горячо зашептал Васютинский. — Не посрами честь Альмы, нашей матери.

Нил зажмурился, в два стремительных героических выхлеба осушил кружку и жадно пригасил водой вспыхнувшее в горле и пищеводе едкое пламя.

— Для городского сойдет, — похвалил Коля, отобрал у Нила кружки и тут же зачерпнул ими из ведер. — Пока никто не желает? — спросил он и, не дождавшись ответа, мгновенно влил в себя обе кружки.

— А не в очередь? — встрепенулся мужичок, говоривший про «диколон».

— Кто не в очередь? — грозно надвинулся на него Коля. — Ты на кого тут, тварь, тявкать удумал?!

— Да ладно вам, — примирительно сказал гармонист. — Добра много, на всех хватит.

— Именно! — подхватил Васютинский. — Давай-ка, Жека, изобрази нам что-нибудь этакое. А ты, Коля, черпани и мне, а то в горле пересохло...

Жека приладил на плечо ремень и с громким «Е-ех!» растянул меха:

— Ох, изменит мне Матрешка,
Раскрасавица душа!
Только ты, моя гармошка,
Нежным звоном хороша!

— Ты прощай, моя родная, —

визгливо подхватил мелкий мужичонка, —

Уезжаю в Азию.
Может быть, в последний раз
На тебя залазию!

— Люди пудики срывают,
Нам полпуда бы украсть.
Люди целочки ломают,
Нам в готову бы попасть! —

монотонно прохрипел Коля вслед за ним.

Настал черед Васютинского:

— Что за юбочка из ситца,
А под юбочкой — ларек.
Разрешите попроситься
На усиленный паек!

Все это время Нил, понимая, что и здесь придется поддерживать честь родной «альма-матери», лихорадочно вспоминал хоть одну пикантную частушечку, но вспоминалась только какая-то детсадовская фигня. Валентине Терешковой за полет космический... И только когда Васютинский ткнул его в бок локтем, само собой вспомнилось:

— Мы с приятелем вдвоем
Работали на дизеле.
Я ушел, и он ушел,
А ночью дизель с...

Оп-па! Гармонист резко снял пальцы с кнопок. Пронзительно зазвенела тишина.

— Вы чего? — оторопело спросил Нил.

Васютинский кашлянул и поспешно сказал:

— Ничего, так... Коля, налей-ка ему еще!

Вторые полкружки пошли куда легче. Нил уже не замечал омерзительного пар-

фюмерного запаха, вместо огня внутри разлилось приятное тепло, и запивал он неспешно, растягивая удовольствие.

— А можно теперь мне?

Он протянул руки к гармошке, и Жека с готовностью передал ему инструмент.

В пионерлагере у музрука был баян, и Нил, в трехлетнем возрасте усаженный за рояль, быстро и без особого труда овладел основными навыками игры. Так что теперь в грязь лицом не ударит. Только вот репертуар...

Ты подошла ко мне похабною походочкой
И тихо на ухо шепнула мне: «Пойдем».
А поздно вечером, споивши меня водочкой,
Ты овладела моим сердцем, как рублем...

Слушали его молча, внимательно, а когда допел, даже мрачный Коля хрюкнул одобрительно. Ему налили третью порцию, и он радостно выпил. Потом гармошка уплыла куда-то, а он глухо, словно через стенку, слышал звяканье кружки, какие-то фразы, в которых улавливал интонации, но не разбирал слов. Потом фразы сделались тише, сопровождаемые тяжелыми удаляющимися шагами.

— Мужики, вы куда, и я с вами,— забормотал он, но никто его не слышал,

только где-то совсем далеко раздался отчетливый матерный вскрик и звук удара...

Очнулся он в сером сумраке предрассвета, лежа ничком у остывшего кострища, стуча зубами от холода. С трудом поднялся на четвереньки — скованные мышцы ныли, не желали подчиняться. Адски болела голова, во рту было сухо и жарко, как в Сахаре. Болезненно щурясь, он разглядел у края сырого черного бревна ведро. Он дополз до ведра, заглянул. На донышке плескалась вода. Он встал на колени, наклонил ведро, приподнял дрожащими руками, напился, вылив бóльшую часть на горло и на грудь. Собравшись с силами, поднялся во весь рост, тут же согнулся и вывернулся наизнанку. Рвало его долго, основательно, до желчи. Но потом стало полегче, он выпрямился и, чертыхаясь под нос, побрел от озера. На краю поля лежал гармонист с синим, в кровь разбитым лицом. Он судорожно водил ребрами и громко стонал. Рядом валялась разорванная на части гармошка. Нил постоял, посмотрел на него и пошел дальше. Своих проблем хватало. Пока добрался, еще два раза вырвало...

Проснувшись, как положено, на час раньше всех, Нина нашла своего помощ-

ника на кухне, прямо на полу, возле теплой со вчерашнего дровяной плиты. Она осторожно ткнула его в бок. Нил застонал и открыл мутные глаза.

— Все ясно, — сказала она добродушно-сварливым тоном ко всему привычной женки. — Надрался ночью, да?

— О-о! — простонал он в ответ.

— Что пил?

— О-о, тройной...

— Блевал после этого?

— Да-а-а!

— Это хорошо... На-ка, выпей.

Она поднесла к его губам кружку холодного молока. Он жадно выпил все до капельки.

— А теперь подъем и за работу! — скомандовала Нина.

Нил снова застонал.

— Нечего тут! — прикрикнула она. — Топориком помашешь, водички потаскаешь — глядишь, и похмела сгонишь, и разогреешься! Батька мой с утреца этим только и спасался.

И впрямь. Первые мгновения были буквально адовы, зато потом легчало с каждой минутой, и, когда он принес и вылил в огромную, блестящую пищевую флягу последнее ведро воды, захотелось есть. Нина выдала ему большой ломоть

хлеба с маслом и толстым куском «докторской» колбасы.

— Сейчас иди, спрячься где-нибудь в кустиках. А то народ вот-вот просыпаться начнет, неохота мне, чтоб тебя Игорь Донатович в таком виде заметил. Если про тебя спросит, я скажу, что в деревню услала, укропа к обеду выпросить. А ты примечай — как все в поле двинут, тогда и приходи. Горячего я тебе оставлю...

День прошел без осложнений, и к вечеру Нил чувствовал себя прекрасно да и выглядел, по обстоятельствам, совсем неплохо. Молоко и хлеб перед ужином им привез не Васютинский, а незнакомый мужик, пожилой и хмурый, и машина была совсем другая.

— А где Витя? — спросил у него Нил.

— Какой еще Витя?.. А, городской! — Нил кивнул. — Так вы, что же, ничего не слышали? Вся деревня с обеда гудит...

И мужик рассказал дикую историю. Будто бы нашли полуторку Васютинского в тридцати километрах отсюда, в кювете на проселке, колесами вверх. Двое в ней ехавших убились на месте, но самого Васютинского среди них не было. И будто бы стоял в кабине такой густой спиртной дух, что всем все сразу стало

ясно. И еще паршивая деталь: в кузове, рядом с трупом местного бандюги Кольки Романова нашли покореженный новенький дизель-генератор, исчезнувший ночью с машинного двора. Не успела эта новость дойти до деревни, в правление заявился местный житель Зубаков Евгений с разбитой рожей и сказал, что эти двое, Ильин с Романовым, и присоединившийся к ним городской шоферюга из «студней» в ходе совместного, стало быть, распития подбивали его на покражу дизеля, да только он отказался, за что и был ими зверски избит, а личная его гармонь — потоптана и порвана напополам. Васютинского отыскали мертво пьяным в постели гулящей девки Ленки Сорокиной и прямо оттуда увезли в Выборг для дальнейшего выяснения.

— Так что не скоро вы теперь Витьку увидите, — подытожил свой рассказ мужик. — Годков через шесть, не ранее...

После столь бурной первой ночи жизнь Нила в Житково потекла спокойно, однообразно и невыносимо скучно. Когда он исполнял свои кухонные обязанности, было еще терпимо, но вот в часы досуга — бр-р! Бесконечные бахвальства кривоногого Маркова, вообра-

жавшего себя не иначе, как современным Васей Буслаевым — раззудись плечо, размахнись рука. Визгливые перебранки нелепых созданий (и язык-то не поворачивается назвать их девушками, таким если цветы дарить, то разве что из сострадания!) на всякие животрепещущие темы, вроде того, кто лучше — Магомаев или Ободзинский. А то, бывало, и по производственным вопросам чуть друг другу в волосья не вцепятся.

— Мы ишшо борозды не прошли, а они ужо ишшо яшшык ташшуть!

Со Стефанюком контакта тоже не получалось — он все время неотлучно следовал за Игорем Донатовичем. Идут с поля по деревенской улице под ручку и общаются примерно так:

— А вот видите, Юрочка, подсолнух. А знаете, как по-фински будет «подсолнух»?

— Хекки-мекки, Игорь Донатович.

— А вот и нет, Юрочка, мекки-хекки! Про него в Лапландии даже песенку сложили: «Мекки-хекки юкки пюкки, яурийокки пекки нюкки!»

— А по-норвежски как будет «подсолнух», Игорь Донатович?

— Бюк-бригге-бю, Юрочка. А по-японски?

— Асаёси серимасён, Игорь Донатович?

— Правильно, Юрочка!

Деревенские только смотрят вслед, плюются.

— Во, бля, жидов понаехало! По нашему-то совсем не волокут...

Даже не знаешь, что лучше — спецнабранное жлобье или эта томная парочка. Как говорят детишки: «Оба хуже». Нет, редкой все-таки сукой оказался товарищ Васютинский — заманил черт те в какую глушь, в хрен знает какую компанию, а сам...

С Ниной Каракоконенко общение исключительно деловое — подай то, сделай это. А так — либо вся в хлопотах, так что не приставай, либо спит. Устроила себе каморку в пристроечке, прямо над кухней и чуть что — шасть туда, и в койку. Очень поспать любила.

Книжек с собой Нил не взял. У других, надо полагать, ничего достойного по этой части не найти — вот и оставалось выть с тоски. А когда он узнал, что он здесь вообще единственный ленинградец, а остальные благоразумно записались в Репино и Шушары и спокойно могут ездить домой хоть каждый день, он взвыл так, что какая-то из девок

пальцем по виску постучала и посоветовала ему лечиться. Так прошло десять дней. А на одиннадцатый...

II
(Житково, 1973)

Контраст между собой и всем окружающим она заложила самим своим появлением. Ненастный день, бригада только что вернулась с поля, все мокрые, грязные, усталые. Нина с Нилом в запарке, дрова сырые, еле-еле печку раскочегарили, ужин не поспевает, публика ворчит. И вот только-только выкатили на стол чан с макаронами по-флотски, присели, дух перевели, глядя, как народ наворачивает... И тут возле покосившегося столба, обозначающего собой границу между деревней и базой временного сельхозотряда, тормозит белоснежная «Волга». Делового вида мужчина в импортном плаще ступает под навес столовой, окидывает всех цепким колючим взглядом, выхватывает Игоря Донатовича, жестом подзывает к себе, они садятся в машину и уезжают. А на том месте, где только что была «Волга», остается девушка — среднего роста, стройная

(размер не больше сорок четвертого), длинноногая, с короткой светлой стрижкой. Одета в импортный спортивный костюм ярко-красного цвета, у ног — объемистый «абалаковский» рюкзак и гитара в черном чехле. Все уставились на нее, а она легким шагом взошла под навес и сразу направилась к Нине, как к самой старшей на вид.

— Привет, — произнесла непринужденно. — В деканате меня направили к вам. Куда можно вещи сложить?

— Привет, — медленно ответила Нина, разглядывая новенькую. — Вещи можно положить к девчонкам в комнату. Нил, проводи.

Нил проворно вскочил, в несколько больших, чуть ли не беговых шагов достиг столба, у которого она оставила вещи, взвалил на плечо рюкзак, поднял гитару. Она вышла из-под навеса и ждала его. Он поднялся на крыльцо дома и позвал:

— Прошу сюда!

Они оказались в тесных сенях, где едва хватало места для печки и деревянной лестницы, упирающейся в деревянный же чердачный люк.

— Девчонки направо! — сказал он и толкнул дверь плечом.

Она остановилась на пороге, вдохнула трепетными ноздрями, сморщила прямой, самую малость крючковатый носик.

— Слушай, а другого помещения нет?

Нил озадаченно посмотрел на нее, потом перевел взгляд внутрь комнаты. Дощатые нары в два яруса, плотно забитые пыльными тюфяками. Под ними рядком стоят сапоги с неосыпавшейся грязью, а неровный пол покрывает грязь осыпавшаяся, вперемешку с шелухой от семечек и конфетными фантиками. Через всю комнату протянута веревка, с нее свисают разноцветные маечки, трусики, бюстгальтеры. Пахнет затхлой кислятиной и немытыми подмышками.

— У мужиков, конечно, почище и попросторней,— задумчиво протянул Нил.— Но у мужиков.

Она улыбнулась, показав ровные белые зубы.

— Неправильно поймут, да?

Он тоже улыбнулся.

— У Нинки своя каморка, над кухней. Но там тесно, вдвоем не развернешься. Мы ее комнатенку между собой так и зовем — Нинкина щель.

Девушка звонко рассмеялась. Вслед за ней и Нил.

— Еще есть чердак, конечно. Только там холодно...

— У меня спальник.

— И света нет.

— У меня фонарик. И свечки.

— Тогда полезли?

— Полезли.

Он держал фонарик и одновременно надувал резиновый матрас, пока она натаскивала душистого сухого сена в выбранный уголок, приспосабливала доску у будущего изголовья, устанавливала на ней извлеченную из рюкзака свечку. Потом она расстелила на матрасе синий спальный мешок с толстой нейлоновой «молнией» и тут же плюхнулась на него, закинув руки за голову.

— Кайф! А ты говоришь — девчонки направо... Пиво будешь?

— А есть?

— У меня нет, я на твое виды имею. — Увидев его замешательство, она рассмеялась: — Да есть, конечно, сейчас достану. Куришь?

— Ага.

Она извлекла из рюкзака две бутылки пива, одну бросила ему, потом достала блок сигарет.

— Ух ты, «БТ»! — с восхищением заметил он.

— А то! Спички есть?

— Есть. А вот открывашки для пива нет.

— Давай сюда.

Она поднесла бутылку к бутылке, так что крышки соприкоснулись нижними, зубчатыми краями, примерилась, рванула. Обе крышки слетели одновременно.

— Учись, студент! — Девушка протянула ему бутылку. — Будь здоров! Имя у тебя интересное, напомни.

— Нил, — сказал он, прихлебнул теплого свежего пива. — Нил Баренцев.

— Красиво. А я Линда. Линда Маккартни.

— Иди ты!

— А что, не похожа? Говорят, похожа...

В неровном свете свечи он вглядемся в ее удлиненное, несколько аскетическое лицо с большими светлыми глазами и чувственным алым ртом. А ведь и в самом деле...

— Похожа, только симпатичнее. В той Линде есть что-то лошадиное.

— Ну, мерси... Вообще-то по паспорту я Ильинская Ольга Владимировна, только мне это не нравится.

— Отчего же? Отличное имя.

— Совсем как та шибко правильная девушка, которая Обломова спасала. А я

девушка неправильная и никаких Обломовых спасать не желаю.

— А что желаешь?

— Закурить желаю... Да ты что стоишь, кидайся рядом...

Они курили, болтали, жевали ее бутерброды с копченой колбасой. Нил глядел на нее и думал, что и здесь, в Житково, оказывается, может быть совсем неплохо. Даже хорошо.

— А мою маму тоже Ольгой Владимировной зовут, — неожиданно сказал он. — Ольга Баренцева, оперная певица.

— Не знаю. Мне вся эта опера по фигу. Я «битлов» слушаю, рок всякий.

— Играешь? — Он подбородком показал на зачехленную гитару.

— Так, бренчу. А ты?

— Можно?

Он подтащил к себе гитару, расстегнул чехол. Гитара была плохонькая, кустарно переделанная из семиструнки. Он проверил звук, подкрутил колки.

— La-la-la-la-la-la lovely Linda
with a lovely flower in her hair*... —

это про тебя, между прочим.

---

* Ля-ля-ля, очаровательная Линда, с очаровательным цветочком в волосах *(англ.)*.

— Про нее. Но закроешь глаза — никакой разницы... Как будто сам Поль поет.

— А откроешь — всего-навсего Нил.

— Не прибедняйся... Лучше еще сыграй, ты здорово умеешь.

— Учился, — скромно сказал Нил и ударил по струнам:

— Let's all get up and dance to the song
That was the hit before your mother was born,
And though she was born a long-long time ago...
Your mother should know, a-ha.

— Your mother should know*, — подхватила она.

Голос у нее был очень высокий, звонкий, красивый, но совсем не поставленный. И со слухом не все в порядке. Ну и что? Его давно задолбало правильное пение. Мелани, самая знаменитая хиповская певица, из четырех нот в три не попадает...

— Sing it again...**

Когда он закончил, она быстренько наклонилась к нему и чмокнула в щеку.

---

* Ну-ка, подъем, и песню споем,
Что была старым, старым, старым хитом
Еще до того, как родилась твоя мать.
Но — она должна знать, е-е.
Твоя мать должна знать... («Битлз», «Твоя мать должна знать» с альбома «Magical Mystery Tour».)

** Спой еще раз *(англ.)*.

— Нил, ты гений! Спиши мне аккорды.

С появлением Линды тонус жизни в отряде изменился не только для Нила. Когда они спустились под столово-кухонный навес и Нил взгромоздил на плиту отрядный чайник, чтобы испить с Линдой растворимого кофе, тоже привезенного ею, рядом никого не было. Но стоило Нилу вновь взять гитару в руки, откуда ни возьмись появился Юра Стефанюк, уселся на другой край лавочки со скучающим видом.

— Something in the way she moves
Attracts me like no other lover...*

Линда подпевала, а Стефанюк в такт постукивал ногой о земляной пол. Когда же гитара смолкла, он неожиданно сказал:

— Это с «битловского» «Рубероида» вещица. Я этот диск у Толяна на Галере за пять-ноль брал.

— А я по три-ноль сдавала. Может, тот же самый. Ну Толян, гад, хорошо наварился.

— Толяна знаешь? — оживился Стефанюк.

---

* Нечто в ее движениях влечет меня, как никого другого (Джордж Харрисон, «Что-то» — «Битлз», альбом «Abbey Road»).

— А кто ж его не знает? Он одной герле знакомой джины самопальные за «Леви-Страус» впарил. Она меня потом подписала ему претензию предъявить.

— Ну и?..

— По коктейлю в «Лукоморье» жахнули и разошлись довольные друг другом.

— А герла?

— А что герла? Товар берешь — глаза на месте держать надо... А как он весною на гринах чуть не попух, слыхал? Его комсомольцы с хорошей суммой в гостинице прихватили, в опорный пункт привели, так он там, пока спецы к Литейного ехали валютную статью оформлять, главного комсомольца на выпить расколол, сотенную бумажку долларов со стола тихонечко подобрал да под коньячок и схавал. Комитетчики приехали, а им предъявляют финскую монетку в пять марок и две бумажки по доллару. Смехота! Ну, сообразили, конечно, в чем дело, откоммуниздили Толяна от души да и отпустили. А что делать?

— Так он сто зеленых съел, что ли? — переспросил Стефанюк. — Во дает! Я бы в жизни не смог бы!

— Потому-то ты и не Толян.

Нил из этого разговора понял лишь то, что Линду со Стефанюком объединя-

ют некие тайные и небезопасные знания, покамест для него, Нила, закрытые. Нил почувствовал неприятный укол ревности. Когда Стефанюк удалился на минуточку, попросив их не расходиться, он, сколь можно небрежно, заметил:

— Интересный парень...

К его несказанному облегчению Линда только брезгливо поморщила свой аристократический носик.

— Фарцло дешевое! К тому же — голубой.

— В каком смысле голубой?

— В таком смысле, что педик. Он к тебе часом не клеился?

— Ко мне?! — Нил никак не мог переварить услышанное. — Да нет, мы с ним за все это время и парой слов не перекинулись. Он все с нашим Абзаливым под ручку ходит.

— А я что говорю — классическая голубая парочка!

Стефанюк вернулся с гитарой, и не с такой доской, как у Линды, а с новенькой, фирменной, блестящей серебристым лаком. И где только прятал все эти дни?

— Сбацайте дуэтом что-нибудь, — попросил он, протягивая гитару Нилу.

Нил кивнул и взял несколько первых нот «Paint It Black».

— Хочу я дверь твою покрасить в черный цвет, — узнав, пропела Линда.

Он показал ей основные аккорды, они попробовали сыграть вместе, остановились, немного подстроили гитары друг к другу, начали снова. Слов Нил не знал, поэтому просто мурлыкал, слегка подражая пианоле с вибратором.

— А я из «роллингов» еще «Леди Джейн» могу! — похвасталась она, когда музыка смолкла.

Нил тут же взял первые ноты партии соло.

— My sweet lady Jane*, — зажурчала она своим неправильным, но таким очаровательным голоском.

Стефанюк разлил по трем кружкам кипяток, сыпанул из банки коричневого порошка...

Постепенно под навес стал стягиваться народ. Спустилась из своей щели Нина, потирая сонные глазки. Сидели, слушали, кто-то пытался подпевать. Постепенно перешли на более знакомый публике отечественный репертуар, и вдруг оказалось, что у Нины неплохой альт, а одна совсем невзрачная крыска сочиняет собственные песни, притом вполне симпатичные —

---

* Моя милая леди Джейн *(англ.)*.

если, конечно, отбросить школярскую наивность текстов:

Старая кондукторша в беретике
Продает счастливые билетики...

Но сюрпризы вечера на этом не закончились. Девка типа «ишшо яшшык ташшуть» на этот раз притащила не просто ящик, а черный транзистор «ВЭФ». Им повезло: по «Маяку» как раз передавали «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Начались танцы. Хотя девчонок было человек двадцать, а парней всего четверо, считая и проблематичного в этом отношении Стефанюка, Линда была нарасхват. Нил танцевал только с ней, а когда, через два танца на третий, приходилось все же уступать партнершу, не уставал любоваться ею. Хороша. Нежная кожа налилась прозрачным румянцем, движения изящны, естественны, плавны. Как тонка и грациозна, особенно на фоне всех этих коровенций!..

«Мелодии и ритмы» сменились «Последними известиями», и все разбрелись спать, а Линда с Нилом, не говоря ни слова, вышли за столб и пошли по тихой и темной деревенской улице. Он накинул ей на плечи свою плащевую куртку и положил руку на неправдоподобно

тонкую талию. Она обняла его плечо, доверчиво прильнула к нему теплым боком. Так незаметно дошли до одинокого клена. Там остановились. Линда прижалась спиной к толстому прямому стволу.

— Жаль сигарет не взяли, — хрипло сказала она.

— Жаль...

Нил вдруг навалился на нее, впился губами в ее раскрытые губы — жадно, неумело. Она крепко обхватила его руками, протолкнула язык ему в рот и, пристанывая, принялась водить по его зубам. Нил прижался к ней всем телом, непроизвольно повел вздувшимся внизу бугорком по ее бедру. Руки его судорожно водили по ее бокам, хватаясь за них, как утопающий хватается за соломинку. Ему не хватало воздуха, он задыхался...

Он подхватил ее, совсем легонькую, будто маленького ребенка, понес куда-то, не разбирая дороги. Она лежала в его объятиях, откинув голову. В свете полной луны он видел, как бьется на ее хрупкой белой шее темная жилка.

— Линда, — прошептал он как заклинание, как молитву, — Лин-да!..

— Нинуль, — сказал Нил, взгромоздив на плиту бак с только что нарублен-

ной им бараниной, — Нинуль, я в борозду хочу.

— Понятно. — Она усмехнулась. — Ближе к телу, да?

Он вспыхнул и отвернулся.

Нина села рядом, положила руку на плечо.

— Да я разве против, мальчик? Договорись с кем-нибудь из парней, чтоб подменили тебя — и вперед.

Договариваться с парнями он не хотел. Он вообще разговаривать с ними не хотел. После того, что увидел, придя в поле звать бригаду на обед. Девчонки по борозде ползают, картошку в ведра собирают, а Марков, Семенов и Стефанюк — грузчики, отрядная элита, чтоб им провалиться! — на краю поля с трех сторон обсели Линду, как мухи сладкий пирог, байки травят, смеются, выделываются друг перед другом и перед нею. А с четвертой стороны — Игорь Донатович Абзалилов лично, сидит на ящике с командирской тетрадочкой в руках, улыбается, Линду хищными глазами поедает. Даром что голубой! А она, коварная, посмеивается, сигарету в пальчиках держит — кто, мол, первым огоньку поднесет. Глаза б не видели!

Тем не менее к вечеру он снова выбрался в поле, молча взял у Линды про-

дырявленное ведро (перед уборочной ведра в колхозе специально дырявили, чтобы население не воровало их для хозяйственных надобностей, однако все равно воровали, поэтому каждому студенту-батраку предписывалось в обед и после работы личное свое ведро уносить в лагерь). Так и шел с этим ведром, будто школьник с портфелем приглянувшейся одноклассницы, насупленно молчал, сопел. Линда шагала рядом, такая бодрая, чистенькая — не чета прочим, усталым, тяжким, изгвазданным.

— Давай быстренько на озеро, пока светло? — предложила Линда.

— Я попрошу у Абзалилова, чтобы в поле меня перевел, — мрачно сказал Нил. — Хочу с тобой в паре.

— Не вздумай. Я не желаю по твоей милости в борозде корячиться.

— Погоди, как это — по моей милости?

— А так. Как мы с тобой в пару встанем, так нам и намерят грядку на общих основаниях, норму начнут требовать, как со всех. А так, стоит мне мигнуть — мальчики сами помогать рвутся. Как трактор погрузят, сразу в борозду, за меня работу делать. А я сижу себе, покуриваю...

Нил отвернулся. В этот момент он ненавидел ее.

Однако свернул вслед за ней к озеру. Плелся сзади, тупо и мрачно, не понимая толком, зачем он это делает.

На берегу Линда быстренько скинула с себя тренировочный костюм и, не дожидаясь Нила, сиганула в воду, подняв сноп брызг. Он же остановился возле того места, где красной кучкой лежала сброшенная одежонка, бросил ведро, расстегнул штормовку, но тут же застегнул. Вечера уже становились по-осеннему холодными, к тому же внезапно дунул резкий, обжигающий ветер.

— Эй, ты что, иди сюда! — бодро окликнула Линда.

— Холодно, — отозвался он неприязненно и хмуро.

— Зато вода теплая!

Он подошел к кромке воды, нагнулся, потрогал пальцами. Действительно, вода в озере, нагретая за погожий день, казалась из-за холодного воздуха еще теплее — прямо парное молоко, а не вода.

Он отвернулся, пошел обратно и уселся рядом с ведром. Не пойдет он купаться. А раз вода теплая — тем более

не пойдет. Пусть она увидит, как ему плохо.

Но она ничего видеть не желала. Плескалась, как русалка, повизгивая от восторга. Не девчонка, а наяда, озерная нимфа. И такая же бесчувственная...

Нил с остервенением закурил, но отбросил сигарету — первая же затяжка почему-то вызвала резкое отвращение. «Сигарета, сигарета, даже ты мне изменяешь», — грустно переиначил он слова известной песенки.

Прибежала Линда, мокрая, дрожащая, синяя от холода, сгребла свою куртку, принялась лихорадочно вытираться.

— Вот д-д-дура, п-п-полотенце не взяла, — бормотала она. Зубы ее клацали громко и часто. — Н-нил, будь д-другом, разотри м-меня...

Нил стремительно поднялся, притянул ее к себе и принялся с ожесточением растирать, словно желал стереть, содрать эту нежную кожу, от его прикосновений из синей превращающуюся в розовую. Сначала он тер ее мокрой курткой, потом куртка свилась в жгутик и упала к его ногам, и он тер уже ладонями ее хрупкие плечи, спину, бока. От его неловкого движения выстрелила куда-то в траву пуговица от лифчика, и взгляду его

предстали остренькие, с темными затвердевшими сосками груди. Тихо и утробно рыча, он принялся мять эти груди, потом повалил ее на траву и упал сам, и руки его скользнули ей на бедра и поехали вниз по стройной ноге, утаскивая с собой трусики...

— Если хочешь меня — возьми, — четко проговорила она. — Только тогда ты должен будешь на мне жениться.

Он мгновенно замер, скатился с нее и сел, мотая головой, как слегка контуженный медведь.

Линда, должно быть, по-своему истолковала его замешательство. Она села рядом с ним, ласково взяла ладонью за подбородок, повернула его лицо к себе.

— Нилушка, ты хороший, милый, славный, я люблю тебя — но по-другому я не могу... Моя бедная мама... сестра... обе были обмануты... брошены... Я росла, не зная отца...

Она уткнулась лицом в его грудь и зашлась в рыданиях. Он гладил ее по мокрой голове, по плечу, такую трогательную, хрупкую, беззащитную, утешал как мог.

Вечером они опять пели песни под навесом, а когда основная часть публики отправилась спать, расшалившаяся Лин-

да написала губной помадой на серой кухонной стене, красиво и крупно:

«ALL YOU NEED IS love, ALL YOU GET IS SEX!!!»*

Нил хохотал.

А утром его пробрал белый понос, и накатила такая слабость, что он еле-еле сполз с тюфяка. Слабость вскоре прошла, оставив сухость и жжение во рту, но Нил понял, что нешуточно заболевает. Загреметь в местную, определенно препаршивую больницу ему не улыбалось, и он попросту удрал, оставив записку, что заболел и уехал в город. Административных последствий он не опасался, зная, что справку из поликлиники получит наверняка.

III
(Ленинград, 1973)

Вечером, уже дома, температура поднялась до сорока, и бабушка вызвала «неотложку». Диагноз был поставлен сразу и без колебаний, и Нил оказался на улице Лебедева, в гепатитном отделении Военно-медицинской академии.

---

* Жаждешь только любви, а получаешь только секс *(англ.)*.

Ему крупно повезло — подлый вирус тронул его в легчайшей из возможных степеней. Желтизны кожи не было вовсе, желтизна в уголках глаз прошла на третий день. Собственно медицинское вмешательство сводилось к тому, что у него ежедневно брали кровь из вены и три раза в день давали по куску сорбита — белого, сладкого и довольно противного вещества, заменяющего сахар. Плюс диета без острого, жареного, жирного и бульонов. Как поведал Нилу лечащий врач, до более радикального лечения гепатита медицина не дошла и вряд ли когда-нибудь дойдет.

— Так что ж вы меня держите? — спросил тогда Нил. — Я прекрасно себя чувствую. Отпустили бы. Мне учиться надо.

— Да вы что, молодой человек?! — возмутился врач. — А карантинный период? А повышенная трансаминаза?

Скука была невероятная. Телевизора нет, радио поломано. Связь с внешним миром затруднена предельно — единственный на весь корпус телефон-автомат не работал, свидания, по причине инфекционного характера заболевания, строго запрещены, разрешалось только получать передачи и обмениваться запис-

ками. Передачи с фруктами и соками, но без писем, приносила бабушка, и записки он писал только ей. Просил книжек и сигарет. С сигаретами некурящая бабушка вечно путала, вместо болгарского «Кома» приносила мерзейший кубинский «Ким», вместо болгарской же «Тракии» — кубинскую «Трою» или отечественную «Тройку», от которой першило в горле и тяжелело в груди. Соседи были вялы, пожилы и малоинтересны, за исключением, пожалуй, профессора-кибернетика, обучавшего Нила игре в преферанс, и усатого рокера первого призыва, игравшего в легендарных «Аргонавтах». Рокер, правда, был тяжел — лежал под капельницей в отдельной палате, совершенно бронзовый. Потом вроде бы пошел на поправку, вылезал, опираясь на палочку в коридор, где, собственно, они с Нилом и общались. А через три дня помер, чем устроил на отделении небывалый переполох. Из разговоров врачей Нил понял, что чрезвычайность происшествия заключалась не в летальном исходе, а в том, что наступил он в результате приема смертельной дозы алкоголя, неизвестно как и через кого попавшего на режимное отделение. Меры безопасности были удвоены — каждый предмет

в поступивших передачах внимательнейшим образом просматривался, все емкости вскрывались, пронюхивались и пробулькивались. Попутно зачем-то конфисковали карты. Стало совсем тоскливо. Ладно, больные, им не до скуки, у них есть занятие — болеть. А здоровые? Нил и еще парочка таких же страдальцев в охотку подряжались мыть полы и туалеты, таскать туда-сюда бачки с едой, белье, посуду и прочее.

Как-то вечером — шла уже третья неделя его заточения — к нему тихо подошел дежурный врач, тронул за плечо и шепотом сказал:

— Баренцев, спуститесь в приемный покой, пожалуйста.

— Опять труп выносить?! — начал возмущаться Нил.

На них обернулись. Врач сделал страшное лицо и нарочито громко сказал:

— Надо кое-что уточнить в вашей истории болезни.

Такая конспирация предполагала нечто нелегальное, а стало быть, более интересное, чем вынос сверхкомплектного жмурика. Нил спустился следом за врачом на первый этаж, но тот свернул не направо, в приемный, а налево, в ординаторскую. Широко рас-

крыл дверь, жестом подозвал Нила и провозгласил:

— Общайтесь!

Нил вошел в просторную комнату, жмурясь от непривычно яркого света, и в первые мгновения комната показалась ему пустой. Затем он увидел, что за самым большим столом с табличкой «Майор медицинской службы Никулин В. С.» сидит кто-то небольшой и худенький.

— Линда! — воскликнул он, не веря собственным глазам. — Как ты попала сюда?

— Через ворота, потом через дверь. — Она улыбнулась. — Потом еще через дверь. Ну как ты, болящий? Скучал без меня?

— Очень! — убежденно сказал он. — Как ты? Рассказывай.

— Учусь. В свободное время развлекаюсь. Тебя вспоминаю.

Она вышла из-за стола, приблизилась к нему, положила руки на плечи, привстав на цыпочки, поцеловала.

— Я же заразный!

— Зараза к заразе не пристает, — усмехнулась она, но все же отошла на пару шагов и принялась разглядывать его. — На умирающего не похож. Растолстел, щеки наел.

— Делать здесь нечего, вот и валяешься целый день да жрешь от пуза. Я вообще не понимаю, зачем меня здесь держат.

— Я тоже. На таких симулянтах пахать бы.

Он засмеялся.

— Кстати о пахать — как там в колхозе было, без меня? Заплатили хоть чего-нибудь?

— У-гу. Я три сотни домой привезла.

— Ого! Оклад народного артиста.

— Когда страна прикажет быть артистом, у нас артистом становится любой... Как ты слинял, я с местным бригадиром парой ласковых перекинулась, он меня за пол-литра в контору перевел, графики чертить. На ставку! И из отрядных мне Абзалилов равную долю отсчитал.

— Это за что же?

— А за то, что им за меня целый гектар с плана скостили. Видишь, какая я для факультета полезная оказалась. Благодарность в приказе получила.

— Поздравляю!

— Я еще и на твою долю у него сорок четыре рубля выбила. Вот, возьми. Ты ж одиннадцать дней честно отработал.

— Ой, спасибо, я и не рассчитывал...

Нил засунул в пижамный карман четыре десятки, трешку и рубль, и растроганно прижал к груди ее руку.

— Я такая... Слушай, где тут у вас стаканы?

— Я не знаю. Это ординаторская, больным сюда нельзя...

— А вот, вижу.

На одном из столов, на круглой стеклянной подставке стоял графин со стаканом. Второй стакан был занят — в нем лирически увядала одинокая чайная роза на коротком стебле. Линда решительно взяла стакан, подошла к расположенной в углу раковине, розу выкинула в стоящую под раковиной корзину, а стакан тщательно сполоснула.

— Постой, зачем ты так? Чужие цветы, неудобно...

— Неудобно в противогазе целоваться.

Она вернулась к столу майора Никулина, достала из стоящей там клетчатой сумки длинную темную бутылку с надписью «Портвейн Лучший», зубами вытащила пробку, принялась разливать. Он смотрел на нее, выпучив глаза.

— Что, лихо? Вспомнил, как я тогда пиво открывала? Ладно, признаюсь: эту бутылку я штопором заранее откупорила.

— Я не поэтому... Ты разве не знаешь, что при желтухе пить нельзя категорически, она печень затрагивает. У нас тут один выпил — сразу откинул копыта.

— А мне, конечно, погибели твоей надобно. — Она засмеялась и протянула ему стакан. Он отпрянул. — Да сок здесь. Виноградный сок для детского питания. Он в трехлитровых банках продавался, так пришлось в бутылку отлить.

Нил тоже засмеялся, принял стакан, сказал торжественно:

— За тебя, Линда. Спасибо тебе.

— За меня — до дна!

Они дружно выпили и одновременно поставили стаканы на стол. Никогда в жизни он не пробовал такого вкусного сока.

— У меня еще подарочек есть.

Улыбаясь, она достала из сумки поблескивающий целлофаном блок сигарет. Белый в тонкую черную полоску.

Нил пригляделся к блоку, прочитал крупные синие буквы.

— «Кент». Ни фига ж себе фига! Откуда?

— Грибные места знать надо. Распечатывай, что ли, а то курить охота...

Они допили сок, за легким трепом о том о сем скурили полпачки «Кента»,

а деликатный дежурный врач все не показывался. Наконец Линда посмотрела на часы.

— Ладно, я побежала. А то метро закроют.

Он проводил ее до выхода из корпуса и смотрел ей вслед, пока ее хрупкая фигурка не растворилась во тьме.

Мысли путались...

— Вот бюллетень. Вот выписка для вашей поликлиники. Вот памятка насчет диеты и прочего. Распишитесь.

— Да знаю я, — отмахнулся Нил. — Уж сколько раз говорено, что можно, чего нельзя.

Старенький зав отделением в полковничьих погонах посмотрел на Нила неодобрительно.

— Порядок такой. Нам, знаете, тоже потом за вас отвечать неохота. А то другой больной выпишется — и первым делом в винный магазин. Откачают его в реанимации, а он с заявлением — врачи, дескать, не предупредили... Полгода будете наблюдаться, как миленький. Амбулаторно не устраивает — могу вернуть в стационар.

— Что вы, что вы! — торопливо сказал Нил, сгреб бумажки и выскочил из кабинета.

Свобода! Бюллетень позволял ему еще неделю высидеть дома, но на следующее утро он рванул в университет.

Новая жизнь оглушила каскадом новых имен, новых дел и новых антуражей. Первые дни Нил постоянно запаздывал или попадал не в свою группу, потому что никак не мог сориентироваться в хитрой нумерации аудиторий, когда, например, они идут подряд с двадцать девятой по сороковую, после сороковой оказывается семьдесят первая, перед двадцать девятой — шестьдесят шестая, а с восемьдесят пятой по сто тридцатую надо идти через двор и спускаться в подвал.

Лекции были разные: на одних он не понимал ни слова, на других протолковывались вещи, давно и хорошо ему известные, на третьих было просто интересно. Но даже и на этих последних Нила хватало от силы минут на пятьдесят. Потом он начинал зевать, ерзать, поминутно поглядывать на часы и совершенно терял нить изложения.

Студенты тоже были разные. Старшие курсы казались ему сплошь состоящими из личностей ярких, значительных, наблюдаемых с опаской и издалека. На этом фоне сокурсники смотрелись удручающе безликой серой массой с от-

четливо выраженным гегемонско-дембельским окрасом и с редкими вкраплениями чего-то неординарного. Для Нила таких вкраплений было, главным образом, два — Таня и Линда.

Сравнению они не подлежали. Хотя бы потому, что каждая из них обладала удивительной способностью творить вокруг себя собственный мир, и миры эти были сугубо параллельны и взаимно непроницаемы. Танин мир Нил воспринимал как сверкающий, безупречно прекрасный и ледяной. Он восхищался Таней, его неудержимо влекло к ней, но, оказавшись рядом, он ощущал себя нелепым, инфантильным, неуклюжим, чувствовал, как потеют и дрожат руки, заплетается язык, краснеют уши... В любой, самой обыкновенной фразе, которую он обращал к ней, ему слышались несусветная глупость и пошлость. При этом он вполне отдавал себе отчет, что едва ли сама Таня воспринимает его столь же строго и критично — иначе не стала бы заговаривать с ним, угощать сигаретами, поить кофейком в буфете. Она не творила свой особый мир, достаточный и совершенный, он сам создавался вокруг нее, замыкая хрустальным коконом.

Иное дело Линда. Свой мир она лепила весело, азартно, эпатажно, шокируя публику то стрижкой «под бокс» — почти наголо, с микроскопическим намеком на челочку, — то широченной цыганской юбкой до пят, то длинными алыми серьгами в виде капель крови. Длинные ногти на ее тонких белых руках были покрашены черным лаком с блестками, а с тонкой серебряной цепочки свисал на грудь круглый черный камень — агат. Вокруг нее всегда толпился народ, гудели оживленные голоса, звенел смех.

Она училась на экзотическом албанском отделении и общими у нее с Нилом были только лекции по истории КПСС, читаемые громогласным и краснолицым профессором, прозванным студентами Зевс. Они садились рядом, выбрав местечко поближе к окну, расположенному за мощным вертикальным перекрытием, разделяющим зал надвое. Не беда, что отсюда не видно кафедру и лектора — главное, что их самих не видно оттуда. Пока Зевс метал молнии в адрес меньшевиков, троцкистов, левых уклонистов и нерадивых студентов, они тихонечко перешептывались и перехихикивались, а минут через двадцать незаметно сползали на пол и доставали си-

гареты. Курить на лекции было весело и немного страшновато, но если прикрыть огонек ладонью и не позволять дыму свободно растекаться, а отгонять его руками к окошку, никто, кроме ближайших соседей, ничего не видел. А соседи не закладывали — в задних рядах сидели свои ребята. Всякие же потенциальные стукачи — зубрилки-отличницы и «иш-шо яшшыки» — усаживались в передней части аудитории, усердно конспектировали, ловили каждое слово профессора, нередко просили повторить помедленней. История КПСС не относилась к числу любимых предметов Нила, но лекций Зевса он ждал с нетерпением.

Естественно, помимо занятий на факультете текла бурная общественная жизнь. К счастью, когда распределялись всякие комсомольские и профсоюзные должности, Нил валялся в больнице и от муторных постов был застрахован, как минимум, на год. Но его, как и всякого, тоже доставали.

— Если бы я не слышала, как ты играешь и поешь, я бы к тебе не приставала, — объясняла Нина Каракоконенко, избранная культоргом. — Факультетский смотр на носу, а я прямо не знаю, что делать. Одни стесняются, другие отнеки-

ваются, третьи не могут ничего. Но мы же должны защитить честь курса, показать старшим, что и мы что-то можем. Нил, вся надежда только на тебя. Ты у нас будешь ударным номером, звездой.

— Нинуля, я ж болел, пропустил много, наверстывать надо... — как умел, отбрехивался Нил.

— Пойми ты, олух, тебя ж все равно какой-нибудь нагрузкой нагрузят, это уж обязательно, без этого у нас никак. Так чем с противогазом бегать или по ночам пьяниц в дружине отлавливать, сбацаешь что-нибудь — и свободен. А я бы за тебя на комитете доброе слово замолвила.

— Хорошо, — после некоторого раздумья уступил Нил. — Я что-нибудь подготовлю.

Но возникал вопрос, что именно. Репертуар у него был богат чрезвычайно: память на музыку, на тексты была отменная. На слух он тоже пожаловаться не мог — от природы не был им обделен, подбирал влет, нередко с первого прослушивания. И сейчас нужно было правильно выбрать, попасть в точку с репертуаром. Дворовые песни отпадают, это понятно. Бардовская лирика — а не сочтут ли его сентиментальным идио-

том? Что-нибудь шуточное — а если не дойдет?

За этими мыслями он и сам не заметил, как миновал лингафонную лабораторию, где намеревался взять пленку с фонетическим курсом, и оказался в дальнем уголке двора у настежь раскрытой двери. Она вела в довольно просторное и пустое помещение. То есть, пустое, если не считать небольшого рояля, ощерившегося черно-белой пастью, и двух придвинутых к нему стульев. «Вот, кстати, и рояль в кустах, — улыбнулся Нил. — А между прочим, это мысль. Чем петь, лучше сыграю-ка я что-нибудь этакое. Скажем, сборную солянку из „битлов“».

Он вошел, уселся за рояль, попробовал звук. Сойдет.

Начал он с «Земляничных полей», плавно перешел в «Норвежский лес». «Революция номер раз», «Леди Мадонна», «Она уходит из дома»... Каждую новую тему он играл чуть более уверенно, четко, мастеровито, вводя все более сложные вариации. Во-первых, разыгрался, во-вторых, боковым зрением увидел, что в комнате кто-то появился и слушает его, внимательно и с интересом. Музицируя, Нил всегда остро ощущал энергетику аудитории, даже если эта аудитория состояла из

одного человека, впитывал ее, и когда эта энергетика была позитивной, он заряжался и играл или пел намного лучше.

Закончив, он не встал, не обернулся, а так и замер на стуле, ожидая реакции слушателей.

— Я ж говорил — класс! — сказали за спиной, и тогда он повернул голову.

Их было трое. Подавший реплику был круглолиц, курнос и очкаст, и от него здорово несло пивом.

— Ты, Ларин, текстовик, и твое мэсто — в бюфете, — неприятно кривя рот, заметил второй, низкорослый, худой и отчего-то, при вполне прямой спине, производящий впечатление горбуна.

Судя по бороде и длиннющим волосам, перехваченным красной ленточкой, этот второй был либо освобожден от военной кафедры, где по утрам студентов, заподозренных в излишней длине волос, проверяли с линейкой и нещадно гнали в парикмахерскую, либо пятикурсник, либо вообще не студент.

Третий, крупный, широкоплечий, с сильно поредевшими волосами, большим носом и усами подковой, стоял чуть позади и авторитетно молчал.

— Сами же жаловались — клавишника нет, — с намеком на всхлип прого-

ворил Ларин. — А тут вот он, готовый клавишник.

— А на синтезаторе? — брезгливо спросил квази-горбун, и Нил не сразу понял, что обращаются к нему, а когда понял, ответил неприязненно:

— Дадите синтезатор — смогу.

Крупный парень рассмеялся и, подойдя поближе, похлопал Нила по плечу.

— Слышь, друг, мы тут сейчас репетировать будем. Если есть время, оставайся, попробуй. Хороший киборд нам действительно нужен.

— Пуш, да на фига нам этот детсад? Видно же, что не потянет, — по-прежнему кривя рот, проговорил волосатый.

— Я, конечно, не Джон Лорд, но и вы, надо полагать, не «Дип Пёпл», — нахально ответил задетый за живое Нил.

Пуш рассмеялся еще громче.

— Мы не «Дип Пёпл», это верно. А ты, должно быть, первокурсник.

— А что, запрещено?

— Ладно, не ершись. Просто иначе ты бы знал, кто мы такие.

— И кто же вы такие?

— Группа «Ниеншанц», а я — Константин Пушкарев, бас-гитара и художественный руководитель. Это чудо воло-

сатое зовут Гера Гюгель, а который пьяненький — наш поэт Ванечка Ларин.

— Не такой уж и пьяненький, — возмутился Ларин. — Пару «Жигулевского» всосал, так уже и пьяненький. Вы лучше послушайте, что я под это пиво выродил:

Тишина, промелькнувший образ.
Превратились в бумагу осенние розы.
И голые ветки — как зонтики сломанные...

Нил остался на репетицию и уже через две недели впервые выступил в составе «Ниеншанца» на дискотеке в факультетском общежитии.

Группа была и в самом деле не «Дип Пёпл». Ударник сбивался с ритма с средним раза по три за номер, Пуш, хоть и руководитель и вообще парень неплохой, редуцировал басовые партии до минимума — разик бухнет в заданной тональности и отдыхает до следующего такта. Хваленый соло-гитарист Гюгель, возомнивший себя профессионалом, поскольку в свое время был вытолкан взашей из музыкального училища, норовил к месту и не к месту влезть со своими замороченными запилами, сбивая с толку всех остальных, и безбожно врал тексты. Так что клавишник Нил Баренцев, честно говоря, попавший в «Ниеншанц» лишь по-

тому, что профком закупил для группы вполне пристойный немецкий синтезатор «Роботрон», который пылился без дела в клубном чулане, оказался в этой команде лицом не последним.

Группа, целиком состоявшая из студентов-филологов, находилась на содержании профкома и проходила как народная самодеятельность. Плановые факультетские мероприятия, включая и дискотеки в общежитии два раза в месяц, она обслуживала бесплатно, когда же ее приглашали на другие факультеты, приглашающий факультет оформлял на кого-нибудь из музыкантов материальную помощь. Она делилась на всех, так что каждый получал рублей по восемь—десять.

Играли они преимущественно вещи простые, но забойные, и каждое свое выступление начинали с легендарной «Шизгары», а заканчивали рок-н-роллом про голубые замшевые шузы. Было весело, а времени и сил отнимало куда меньше, чем мог бы подумать человек несведущий.

Как-то в пятницу, когда он только что пришел из университета, ему позвонили. Сухой официальный голос назвался старостой общежития и уведомил, что в связи с предстоящим закрытием зала на

санобработку завтрашняя дискотека переносится на сегодня, а потому товарища Баренцева убедительно просят к половине седьмого прибыть в общежитие. Он прибыл, но застал лишь замок на дверях зала. Дежурные ничего не знали и очень удивились, услышав, что в общежитии есть какой-то староста. Ругаясь на неведомого шутника, Нил покурил в стеклянном вестибюле, выпил в буфете паршивого кофе и собрался уходить, как вдруг его окликнули. Ему не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто это. Адреналин скакнул вверх, руки дрогнули.

— Линда! Я и не знал, что ты в общаге живешь.

— Представь себе. А ты к нам?

— К нам — это куда?

— Сегодня же пятница, очередной суперсэшн у Джона.

— Очередной что?

— Суперсэшн. Ну как в песне: «Собрались на суперсэшн у фирмового мэна». Иными словами, заседание КПЛ.

— Коммунистической партии Лаоса? Кружка поэтов-лириков? Комитета пламенных лизоблюдов? Казанских педерастов-любителей?

Она хихикала после каждой его версии, а потом заявила:

— Все равно не догадаешься. Клуб «Пенни-Лейн».

— Сборище битломанов, — сообразил он. — Ну и чем вы в своем клубе занимаетесь?

— Пойдем, увидишь. Студенческий при себе?

— Вход по студбилетам?

— Конечно... — Она увидела его ехидную улыбку, сначала ничего не поняла, потом тоже улыбнулась. — Не к Джону, конечно, а в общагу. На вахте сдать. Видишь, вон там тетка сидит.

Сама Линда ничего предъявлять не стала, спокойно прошла мимо полной пожилой женщины в синем кителе, слегка кивнув ей, и остановилась возле лифта. На Нила женщина взглянула строго и требовательно. Он протянул свой студенческий. Она раскрыла его и принялась придирчиво изучать, сравнивая лицо на фотографии со стоящим в шаге от нее оригиналом.

— Фамилия? — сурово спросила женщина, положив студенческий рядом с толстым вахтенным журналом.

— Но там же написано. — Нил показал на билет.

— Мало ли что там написано! Фамилия?

— Баренцев.

— Имя-отчество?

— Нил Романович.

— Правильно... Номер?

— Какой номер? Билета? Я наизусть не помню...

— Номер комнаты, к кому идете, — пролаяла женщина, теряя терпение от такого непроходимого идиотизма.

— Триста сорок три, Кизяков Станислав, — громко подсказала Линда.

Женщина даже не посмотрела в ее сторону, записала что-то в журнале, а Нилов студенческий закинула в ящик стола, заложив полоской бумаги с цифрами «343».

— Проходите, — неприязненно сказала она. — Как пятница, так все к этому Кизякову и шляются. Медом там, что ли, намазано?.. В двадцать три тридцать общежитие закрывается. Если кто из посторонних не вышел — документ конфискуется и передается в деканат.

— Понял, — грустно сказал Нил.

Женщина, не обращая более на него ни малейшего внимания, уже собачилась со следующим визитером.

— Давай скорей, я лифт держу! — крикнула Линда, и он нырнул вслед за

ней в фанерный ящик, рассчитанный, судя по всему, человек на десять.

Когда Линда, не постучавшись, толкнула дверь и вошла в триста сорок третью, ведя на буксире Нила, ему показалось, что что-то внезапно случилось со зрением — с комнате стоял такой густой дым, что ничего нельзя было разглядеть. К тому же у него моментально защипало в глазах.

Когда он чуть-чуть проморгался, то увидел, что в небольшой комнате стоят, сидят и лежат человек двадцать—двадцать пять, при этом еще умудряясь кучковаться примерно по пятеро—по шестеро. Одна такая кучка группировалась вокруг стола, уставленного пустыми стаканами и тарелками, полными окурков. Еще три группы разместились на каждой из кроватей. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, смолили. На кровати слева молчали, на кровати справа тихо о чем-то переговаривались, на дальней, у окошка, пели про желтую подводную лодку, очень недружно, отвратительными голосами. На подоконнике весьма бесстыдно целовалась парочка. Разговаривали тихо, пели тоже не очень громко, но когда в деле участвует столько глоток одновременно, эффект получается осно-

вательный. У Нила даже уши заложило. Линда взяла его за руку и повела, лавируя между гостями. Некоторые узнавали ее, махали лениво рукой или говорили:

— Хай, Линда! Пивка не принесла?

— И тебе хай! В другой раз...

— Хай, Линда, а я два текста с «Раббер Соул» снял.

— «Револьвер» тебе в руки...

— Линда, лапушка, у тебя, говорят, полный «Хайр» есть.

— Пусть говорят...

«А она знает себе цену, — с удовлетворением думал Нил. — Жалко, что я тогда, в колхозе, так облажался. Может, что-нибудь получится здесь, может, поезд еще не ушел...»

Нил никого из этих людей не знал, хотя двоих-троих вроде бы видел на факультете. А вот его кое-кто определенно знал:

— Хай, Баренцев!

Ему улыбалась сидящая у стенки девчонка, маленькая, курносая, раскрашенная не хуже ирокеза.

— Приве-ет, — растерянно протянул он.

Это создание в узких «вареных» джинсах, чрезмерно обтягивающих толстенькие ножки, было ему совершенно незнакомо.

— Не узнал? Я же Линда.

Он изумленно моргнул, придержал за руку настоящую Линду.

— Так вот же Линда...

Девушки оглядели друг друга без особого тепла и одновременно процедили сквозь зубы:

— Хай, Линда.

— Пойдем, — шепнула Линда-первая и потащила его дальше.

— Слушай, а эта самозванка тоже Линда. Почему? — тихо спросил он, когда они удалились на два шага.

— А потому что у нас в «Пенни-Лейн» нет никакого порядка. Два Поля — Князев и Рейман, два Джорджа, целых три Йоки. Один чувак вздумал даже Джоном заявиться, только уж этого наш Джон не стерпел и объявил его Питом Бестом. Бардак! Хоть бы по старшинству определяли, что ли. Я вот уже четвертый год Линда, а эта писюшка только весной себе такое имя взяла, потому что ей, видите ли, Поль Маккартни пласт подарил, с автографом...

— Который Поль Маккартни? Князев или Рейман?

— Нет, ты не понял. Настоящий Поль Маккартни, «битловский».

— Ничего себе! А как так получилось?

— А папаша у нее дипломат или что-то в этом роде. Она пять лет в Югославии жила, сюда только поступать приехала, на сербохорватское. Там, значит, и адрес его раздобыла, и письмо написала, как она, простая советская девочка, аж с самого детства в него влюбленная, в кумира своего. А через месяц из Лондона бандероль...

— Неужели в самом деле Маккартни?..

— Очень сомневаюсь. Она, конечно, этот диск всем показывала, хвасталась. Но я так думаю, подпись подделала... Йоко, эй, Йоко!

Линда бесцеремонно принялась расцеплять целующуюся на подоконнике парочку.

— Лариска, да оторвись ты, завязывай лизаться!

Девушка на подоконнике отстранила пылкого партнера и выпрямилась во весь свой немаленький рост. Лицо ее пылало праведным гневом.

— Какого члена!.. — начала она, но увидев, кто стоит перед ней, резко сменила тон: — Ой, Линдочка, хай! Тебя Джонни спрашивал.

Быстренько оглядевшись, Линда наклонилась и прошептала на ухо Йоко-Лариске:

— Он у нас?

— Да, и Ринго с ним. Постучи три-два-три, он откроет.

— Ясно. — Линда переключилась на нормальную громкость: — Вот, знакомься, это Нил Баренцев.

— Йоко! — Лариска выставила руку с опущенной ладошкой. — Я слышала тебя на дискотеке. Супер! У тебя непременно должно быть клубное имя, только я все забываю, кто «битлам» на фоно подыгрывал — Джордж Мартин, Фил Спектор... Джордж у нас уже есть... Вот, будешь Филом, годится? Фил — Нил, почти то же самое.

— У нас кота Филом звали, — сказал Нил. — Можно я лучше Нилом останусь? Как Кэссиди.

— А это еще кто?

— Это... — Нил многое мог бы порассказать о Кэссиди, про которого узнал из книги, подаренной ему одним американцем, приезжавшим к матери в театр. Книга была о самых знаменитых американских битниках — Керуаке, Бэрроузе, Гинзберге, Кене Кизи. Всю книгу Нил, понятно, не прочитал, но главу о Кэссиди кое-как осилил. Потому что непутевого доктора всяческих наук, признанного последним истинным героем Америки и

выведенного в «Полете над гнездом кукушки» под именем Мак-Мэрфи, звали так же, как Баренцева, Нилом. Тезка красиво жил и красиво умер — у полотна железной дороги посреди мексиканской пустыни, в наркотической горячке пересчитывая шпалы до Мексико-сити... Нил поглядел в необремененное интеллектом и необезображенное красотой лицо Йоко и сказал:

— Ударник у Джимми Хендрикса. Сейчас с Джорджем Харрисоном играет.

— Ой, погоди, я тогда имя запишу... Как ты сказал — Нил Кессоги?

Она принялась черкать обгорелой спичкой на пачке из-под «беломора», а Нил завертел головой, ища глазами Линду. Но ее не было, зато к нему тут же подскочила Линда-два.

— Так и не узнал меня? — игриво спросила она.

— Не-а... Хотя погоди, ты в сто восемьдесят третьей школе до пятого класса не училась? Или до шестого...

— Не училась, — капризно сказала Линда-два. — Я сейчас с тобой учусь.

— Но у нас в группе всего две девчонки, и они...

— А я не в твоей группе. У нас общие семинары по языкознанию.

— Ну-ка, ну-ка... — Он вгляделся в ее раскрашенное, кукольное лицо. — Неужели Заволжская?!

— Задонская, — сердито поправила она.

Вот это да! Серая мышка Задонская, которую он с первого взгляда зачислил в разряд тихонь-отличниц... То есть, не сказать, чтобы в нынешнем своем виде она стала ему более симпатична, скорее, наоборот. Но какая разительная перемена!

— Слушай, Марина...

— Линда! — Она топнула ножкой. — Марина я на факультете, и то для чужих!

— Но та, другая Линда...

— А она вообще не Линда! — Пухлые губы Марины Задонской предательски задрожали. — Она Олька, Олька Ильинская с албанского!

Задонская резко отвернулась и убежала в угол, а Линда-первая не заставила себя ждать. Подошла сзади, тронула за рукав, прошептала в ухо:

— Через пять минут жду тебя у лифта. Выходи незаметно... А то толпа рванет следом...

Нил ничего не понял, хотел переспросить, но ее уже не было.

Ему моментально сделалось до тошноты скучно среди незнакомых людей. Все

они казались ему какими-то серыми, пыльными и удивительно вторичными, как бы пародирующими стиль и манеры хипующей западной молодежи. Да и пародирующей весьма уныло и по-советски благопристойно. Где наркотики, где секс, если не групповой, то хотя бы индивидуальный? Некстати вспомнился анекдот про групповой секс в трех странах — Швеции, Польше и СССР. В Швеции — это когда десять человек совокупляются, а одиннадцатый записывает на кинопленку. В Польше — десять человек эту пленку смотрят, а одиннадцатый крутит. В СССР же десять человек слушают, а одиннадцатый рассказывает, как он в Польше видел фильм про то, как в Швеции десять человек занимаются групповым сексом. Такая вот асимптота получается...

Пока он предавался этим размышлениям, у него трижды стрельнули покурить, дважды наступили на ногу и раз предложили задешево купить совсем капельку попиленный двойной альбом «Битлз» в венгерской перепечатке. Тут он решил, что пять минут, назначенные Линдой, истекли, и пора идти на конспиративное рандеву.

Линда перехватила его на площадке и тут же увлекла за лифты, на лестницу.

— Слушай, что все это значит? — спросил Нил, спускаясь вслед за ней.

— Ринго приехал! — возбужденным полушепотом проговорила Линда. — Хотел спокойно с Джоном, Йоко и со мной посидеть, а сегодня пятница, клуб, к Джону пиплов набилось немерено...

— И что?

— Не всю же ораву поить-кормить? А потом Ринго всей этой колготы не любит...

— Чего не любит?

— Колготы, — повторила Линда. — Ну, суеты, толчеи. Вот они с Джоном и заперлись у Йоко в комнате. И она туда подойдет, как только с этим придурком Миком развяжется...

Нил остановился.

— Ты чего? — удивленно спросила Линда.

— Знаешь, я, наверное, домой пойду. А то неудобно получается. Я же буду лишний, меня никто не приглашал.

— Как никто? А я?

— Но ты...

— Для них мое слово — закон! — Она рассмеялась. — Ладно, не парься. Они сами просили тебя привести. Очень хотят познакомиться с крутым рок-меном Нилом Баренцевым.

— Откуда они знают?

— Слухами земля полнится.

В общем, он позволил Линде уговорить себя.

На этаже, куда они спустились, было тихо, только в кухонном отсеке визгливо переговаривались вьетнамки, и оттуда тошнотворно несло жареной селедкой.

Дверь им открыли после условного стука, и взгляду Нила предстала необычная картина — вместо лампочки горели свечи в стаканах. Свечей было не менее десятка, и нетрудно было разглядеть лежащие на полу и висящие на стенах коврики, кокетливое фигурное зеркало над маленьким рабочим столом, две аккуратно заправленные и прикрытые цветными пледами кровати, на подоконнике — ваза со свежими гвоздиками, на полках — расставленные между книг шкатулки, куколки, ракушки. Уютная девичья светелка, обжитая и ухоженная.

Все это Нил разглядел в те две секунды, пока маячил на пороге за спиной у Линды. Она втянула его за собой, и он оказался лицом к лицу с молодым человеком весьма своеобразной наружности. Прямые черные волосы, остриженные под горшок и реденькие усы и бородка

придавали его внешности что-то китайское, хотя круглые светлые глаза за столь же круглыми «ленноновскими» очками были однозначно европейскими. Одет он был в просторный и длинный черный балахон, из-под края которого вылезали неимоверных размеров ярко-желтые ботинки. Вместо рукопожатия молодой человек церемонно поклонился и показал рукой в глубь комнаты.

— Милости прошу, — проговорил он неожиданно скрипучим и пожилым голосом.

— Джон, это и есть тот самый Нил Баренцев, — прощебетала Линда.

— Спасибо, я уже догадался, — проскрипел странный молодой человек и, виляя бедрами, как заправская манекенщица, направился к расположенному в центре комнаты продолговатому столу. Линда вновь взяла Нила за руку и пошла вслед за Джоном.

Стол был великолепен. Посередине царственно возвышалась громадная плетеная бутыль, рядом с ней — половина бежевой продолговатой дыни на плоском блюде, с другого бока — большая салатница, доверху наполненная сушеной хурмой, чурчхелой и чищеным миндалем, и тарелка с нарезанным тонкими

ломтиками сушеным мясом с белым соляным ореолом по краям.

Джон уселся за стол, длинными пальцами вытащил из салатницы хурму и принялся жевать, не обращая на Линду с Нилом никакого внимания. Нил пожал плечами и вопросительно посмотрел на Линду.

— Будь проще,— весело сказала она и села на единственный свободный стул.— А Ринго где?

— А Ринго вот он!

Из-под стола вынырнула кудрявая взлохмаченная голова, появились широкие плечи, обтянутые серым свитером грубой вязки, атлетическое туловище и рука, легко держащая за ножку толстую деревянную табуретку. Табуретка была протянута Нилу, и он едва удержал ее двумя руками.

— Седалище для гостя! — провозгласил Виктор Васютинский.— Садись, дорогой, не стесняйся.

Нил вздрогнул.

— Ты?! Но ведь ты же... Сбежал?!

— Зачем сбежал? Сами отпустили. Разобрались и отпустили. С университетом, правда, расстаться пришлось. Ну да какие наши годы!.. Линда, стаканчики!

— Мне не надо, — поспешно сказал Нил.

— Что так? — с искренним, похоже, огорчением спросил Васютинский. — Винишко отличное, домашнее, совсем легонькое.

— У Нила желтуха была недавно, — пояснила Линда. — Ему теперь год спиртного нельзя.

— Бедный! Ну тогда дыньки. Или чурчхелы.

Он ловко отхватил длинным ножом увесистый кусок дыни и плюхнул перед Нилом на неизвестно откуда взявшееся блюдце. Себе же, Линде и Джону плеснул из бутыли темного вина, красиво переливающегося в пламени свечей.

— Чтоб все так жили! — провозгласил Васютинский. — И за возобновленное знакомство. — Он повернулся к Нилу: — Зови меня Ринго. Говорят, похож.

За полтора месяца Васютинский изрядно оброс и действительно сделался похож на Ринго Старра — крупный нос, усы, челка. Разве что мускулистостью заметно превосходил барабанщика легендарной ливерпульской четверки.

— А про твои таланты, Нил, мне все уши прожужжали. Жаль, гитары нет, а

то показал бы класс. — Ринго выразительно посмотрел на Джона.

— Я в «Пенни-Лейн» не пойду, — капризно проговорил Джон. — Засвечусь только, вся шарага на хвост сядет.

— Тогда в другой раз. Мы ж не последний раз встречаемся, верно, Нил? — Он налил еще по стакану, а Нилу протянул тарелку с бастурмой. — Попробуй, такой нигде не найдешь. Ее в горах знаешь как делают? Нарежут мясо на плети — и на неделю коню под седло. Оттого и вкус, и запах такой особенный.

Нил взял кусочек, с опаской поднес ко рту. Видя его нерешительность, Ринго-Васютинский расхохотался, закинул себе в рот сразу три куска и принялся усердно работать челюстями, запивая понемногу вином. Нилу ничего не оставалось, как последовать его примеру. В первый момент показалось, что он жует тонкую, круто посоленную подметку, но когда разжевал до сока, оказалось необыкновенно вкусно.

— А я анекдотец привез. Женщина звонит на Армянское радио и спрашивает: «Почему у меня из горжетки лезет мех?» Армянское радио отвечает: «Мы не знаем, что такое горжетка, но советуем поменьше ездить на велосипеде».

Нил хихикнул, Линда улыбнулась, до Джона, видимо, не дошло — так и остался сидеть с томной рожей, глядя в пространство.

— Отвечу историей с нашей знаменитой военной кафедры, — дожевав бастурму, сказал Нил. — Есть там, как многие знают, полковник Бондаренко, личность, можно сказать, историческая. Так вот, в прошлом году его назначили ответственным за лагерные сборы. А один наглый студент поспорил с друзьями на пять бутылок коньяку, что от сборов отмажется. Короче, приходит он к полковнику Бондаренко и заявляет: «Товарищ полковник, я, студент такой-то, на сборы ехать не могу». — «Что так, товарищ студент?» — спрашивает полковник. «А я убежденный пацифист». Бондаренко глаза вылупил, подумал немного и говорит: «Хорошо, товарищ студент, идите, мы ваш вопрос на командовании обсудим». Через два дня тот нахал снова приперся, докладывает: «Студент такой-то, по поводу сборов». Полковник на него смотрит, грустно так, и с сочувствием говорит: «Что ж, товарищ студент, обсудили мы ваш вопрос. Я-то лично вас понимаю и поддерживаю, но командование решило, что хоть вы и убежденный

педераст, но на сборы вам ехать необходимо».

Все прямо-таки зашлись в пароксизмах смеха. Сильнее всех история про пацифиста-педераста впечатлила Джона. Тот в буквальном смысле рухнул со стула и принялся кататься по полу.

— Надо бы что-то делать с парнем, — сказал Ринго. — Водички дать, что ли.

— Не надо, — лениво отозвалась Линда. — С ним такие припадки часто. Полежит немного, отойдет.

Джон действительно перестал кашлять и сипло задышал. Ринго успокоился, налил себе и Линде еще по стакану. Нил в знак солидарности поднял сжатый кулак.

— Нехорошо как-то, — нахмурился Ринго. — Мы тут себе балдеем, а у человека ни в одном глазу.

— Но ему ж нельзя, — вмешалась Линда.

— Спиртного нельзя, согласен. А вот кой-чего другого...

— А у тебя есть?! — с волнением спросила Линда, а Джон тут же забыл про недавний свой приступ и, сидя на полу, сверлил Ринго взглядом.

— Я ж с Кавказа приехал.

Ринго встал, отошел к окну, покопался в сумке, возвратился с массивным металлическим портсигаром. Достал оттуда длинные толстые папиросы, похожие на «Казбек» или «Герцеговину-Флор», выдал каждому по штуке.

— Мне не надо, — сказал Нил. — У меня «Феникс».

Линда расхохоталась.

— Эх, певец, певец, что ж ты? Вспомни-ка лучше песенку: мой чемоданчик, набитый...

— Планом, — вспомнил Нил и тут же догадался: — Так это он и есть?

Он ощутил сладкий трепет где-то под грудиной, почувствовал, как задрожали руки. О плане, анаше, опиуме, героине, «кислоте» имел он сведения сугубо теоретические и приблизительные и знал только, что все это — штуки запретные и опасные, и что раз вкусивший этих зелий испытывает такое неземное блаженство, что готов жизнь отдать за повторение этого блаженства. К тому же Нил читал и слышал, что наркотики расширяют сознание и открывают перед людьми творческими небывалые новые горизонты. Даже сам Маккартни — никакой, понятное дело, не наркоман! — четыре раза в год отправляется в «магическое мисти-

ческое путешествие». И такое же путешествие предстоит сейчас ему, первокурснику Нилу Баренцеву...

Ринго тем временем услужливо подпалил четыре папиросы, передал каждому по очереди, последнюю оставил себе. Нил благоговейно принял свою, втянул дым, ожидая чуда...

Как-то в пионерлагере он с другими десяти-двенадцатилетними пацанами, отчаянно завидуя большим, занимался изготовлением разного рода «курева». В дело шел чай, вишневые и березовые листья, резаные лапки папоротника, даже осока. Все это высушивалось в укромном уголке, а потом заворачивалось в самокрутки из «Пионерской правды». Удерут, бывало, в тихий час, забьются в щель между котельной и туалетом, и дымят, давясь от кашля, сплевывая ежесекундно и друг перед другом выставляясь — хорошо, дескать, пошла, зараза ядреная...

Так вот, несколько первых затяжек живо напомнили такую «заразу ядреную» — замес из белого мха и какой-то усушенной до неузнаваемости луговой травки. Ничего, кроме першения в горле и жжения в носу, он не почувствовал. Ничто не поплыло перед глазами, ни-

какие ангельские видения не спешили вторгнуться в сознание. Стало обидно. Неужели эти гады просто разыграли его, как он сам, в компании одноклассников, разыграл весной Смирнова из десятого «б»? Тогда они под пивко в подвальном зале на Литейном скушали по таблетке глюконата кальция, а вытаращившему глаза Смирнову объяснили, что это ЛСД, и тоже предложили штучку. Потом начали изображать: Бурыгин вертит пальцем и ржет — смотрите, у меня палец до потолка вырос; Поповский принялся что-то про цветочки гнать; у самого Нила джинсы вдруг рыжим волосом поросли. Смирнов послушал их бред с минутку, с лица сбледнул — и пулей во двор, травить под мусорный бак... А за месяц до того Бурыгин пригласил Нила на чердак выкурить по сигаре «Упман», а там принялся с жаром втолковывать, что сигары эти — с героином, потому как написано же на обороте у пачки: «Upmann Cigars Herein Contained»*. Нил тогда не стал разубеждать троечника Бурыгина и советовать ему заглянуть в словарь и посмотреть, что значит слово «herein».

* Содержащиеся здесь сигары «Упман» *(англ.)*.

А тот настолько поверил собственной идее, что на середине сигары начал отключаться, а потом все порывался полетать. А дом-то, между прочим, был пятиэтажный, так что пришлось применять меры физического воздействия...

Нил неглубоко затянулся и украдкой, из-под руки, посмотрел на остальных — не наблюдают ли за ним, не ждут ли, когда он рванет в сортир или к балкону, чтобы потом беспощадно осмеять? Но нет, похоже, им не до него — Джон чуть не пополам сложился на стуле, самозабвенно сосет кулак, в который зажата папироса с травкой. Линда с Ринго ставят друг другу «паровозики» и хихикают о чем-то о своем. Все честно.

— Не... это... — Линда взглянула на него с ободряющей улыбкой. Вообще-то он хотел сказать, что не берет его кавказская ботаника, но слова почему-то застревали в горле и не хотели наружу. — Вот, — бессильно резюмировал он.

— И хорошо, — сказала Линда и подернулась розовой дымкой.

Нил протянул нетвердую руку за кусочком дыни, но тот неожиданно ожил, в два прыжка перемахнул через стол и плюхнулся на пол.

— Ломанулся,— глупо хихикнув, констатировал Нил.

— Как черепашка из вольера,— поддакнул Джон.

— Черепашка — зверь безвредный! — изрек Нил, гордясь своей мудростью.

Все важно закивали.

— А трубка твоя сгорела, — патетически продолжил Нил. — До уголечков. И фирма «Данхил» по-другому пишется, я узнавал...

Ринго с виноватым видом покачал головами.

— А я сейчас стихи почитаю,— неожиданно предложил Джон и надолго замолчал.

— Это было твое лучшее стихотворение, — прервал затянувшуюся паузу Ринго.

— Кофе хочу,— заявил Нил и попытался встать.

— Кофе сейчас не надо, — сказал Ринго. — Кофе только кайф выбьет. Лучше мы еще вина выпьем, а тебе, как непьющему, вот это.— Он протянул Нилу маленький красноватый пузырек, до половины заполненный какой-то густой жидкостью. — По две-три капельки в каждую ноздрю. Нормальный полет гарантирую.

— Эй, а мне? — Джон протянул к пузырьку тощую руку, по которой Ринго несильно хлопнул.

— Ты что? — Джон обиженно затрепетал ресницами.

— А ты и винцом догонишься, — небрежно проговорил Ринго. — Имей совесть.

Джон начал канючить, но выпросить сумел только еще одну папироску, которую мрачно засунул за ухо и прикрыл черной сальной прядью.

— Ну, на старт! — скомандовал Ринго, разливая по стаканам...

IV
(Ленинград, 1982)

— Что-то стало зябко...

Нил медленно поднялся, намереваясь прикрыть окно. Но, подойдя вплотную, передумал, снял с больничной кровати покрывало, набросил на плечи, придвинул кресло к окну и сел. Дотянулся до тумбочки, достал новую свою трубочку, принялся набивать...

— Третий час, однако... — бормотал он, трамбуя табак. — Однако... Проглючило меня тогда не слабо. Ни черта по-

том не мог вспомнить... А вот теперь, кажется... Кажется...

Нил щелкнул зажигалкой...

V
(Занаду, год Кабана)

Он шел по желтой песчаной дороге, извилисто струящейся между ароматных лиственниц, озаряемых мягким закатным солнцем. Оно напоминало спелый лоснящийся апельсин на голубой скатерти неба с жемчужной каемочкой облаков, будто нарочно придуманных для того, чтобы солнышко могло тактично ретироваться за них при первом же подозрении на причиненное кому-либо неудобство.

Дорожка полого забирала вверх, уводя Нила к зеленому холму, увенчанному величественным зданием с куполом цвета слоновой кости. Отсюда трудно было точно определить размеры дома, но он казался огромным. Сбоку от холма тянулась глубокая расселина, окаймленная деревьями. Из нее с шумом низвергалась голубая, пенная вода, устремляясь в ровный, окаймленный розовым камнем канал, параллельный дорожке, по которой шел Нил.

Он приблизился к каменной стене высотой метров пять, сложенной из плит черного мрамора. Прямо перед ним возникли широко раскрытые бронзовые ворота с орнаментом из цветов и дубовых листьев. Нил постоял немного, полюбовался воротами и вошел.

За воротами раскинулся дикий парк, где вольготно и бесстрашно резвились разные звери. Всего в полусотне шагов от себя Нил увидел громадного тигра, который, вытянув шею, подкрадывался к стаду изящных прозрачных антилоп. Антилопы навострили уши и, перебирая ножками, похожими на стеклянные палочки, грациозными прыжками устремились в невысокую рощицу, откуда немедленно поднялась в воздух многоцветная стайка фазанов. В свете неяркого солнышка их крылья напоминали осколки старинных витражей. Тигр обернулся, одарил Нила улыбкой чеширского кота и лениво потрусил в чащу. «И тигры сыты, и лани целы...» — подумалось Нилу, и стало еще спокойнее и блаженнее.

Он поднялся еще немного и оказался перед тщательно постриженной живой изгородью из густого темно-зеленого кустарника. Живая стена едва достигала Нилу до пояса, зато в толщину доходила

метров до пяти. Дорожка, на которой стоял Нил, перед самой изгородью резко ныряла вниз, переходя в широкую и пологую лестницу, выложенную черным мрамором с голубыми прожилками. Кустарник смыкался над головой, образуя своего рода сводчатый потолок в этом пешеходном туннеле, напоминающем безлюдный переход в метро. Полированные каменные стены туннеля были испещрены узорами из геометрических фигур, а шагах в двадцати от входа прямо на уровне глаз Нил увидел голубую табличку, многократно усиливавшую впечатление сходства с метрополитеном. Белые буквы на табличке образовывали два слова: «УЛИЦА СЛАДКОГО». Нил прочитал, хмыкнул и пошел дальше.

Вскоре он поднялся по мраморным ступенькам и оказался на широкой кедровой аллее, завершающейся крутым мостиком через ручей. Дальний конец мостика упирался в резную деревянную беседку, похожую на китайскую пагоду. Скамьи вдоль стенок беседки были обиты красным шелком. Вокруг беседки раскинулась идеально ровная лужайка, испещренная многоцветными и многофигурными клумбами, дорожками, обрамленными ровными рядами цветущих

кустарников или невысоких деревьев, аркадами, увитыми плющом, виноградом и розами. Самая широкая дорожка, безукоризненно прямая и ровная, присыпанная мельчайшим полупрозрачным гравием, искрящимся как самоцветы под нежными косыми лучами солнца, начиналась сразу за беседкой и с плавным подъемом перетекала на противоположный конец лужайки, на вершину холма, где и стоял увенчанный куполом дворец.

Впрочем, дворец ли? Теперь, с более близкого расстояния, Нил видел, что здание не так уж и велико. Два этажа, облицованных светло-коричневым камнем, выдвинутый вперед крытый портик с широкой и высокой дверью и двумя симметричными арочными окнами по бокам, над ним балкон во всю ширину центральной части (едва ли больше десяти-двенадцати метров) с единственным, но очень широким окном. От портика под тупым углом разбегаются два симметричных крыла — два этажа по восемь окон в каждую сторону. И лишь купол, поднимающийся позади центральной части, придает дому вид величественный и монументальный... Дворец? Замок? Особняк?

Несколько минут Нил посидел в беседке, наслаждаясь великолепным видом, тишиной, чистейшим благоуханным воздухом. Потом поднялся и вышел на дорожку, ведущую к зданию, с определением которого он по-прежнему затруднялся.

В самом центре лужайки дорожка разбегалась надвое, правильным кругом огибая трехъярусный фонтан. Чаша фонтана была сделана из чего-то черного и гладкого — то ли особого стекла, то ли обсидиана, то ли какого-то отполированного, чуточку прозрачного камня. Из того же материала были сложены бассейн и невысокий бордюр. На двух нижних ярусах струи били вниз, но под углом, образуя как бы два выпуклых винта с разнонаправленной резьбой. В скошенных водяных гранях играли солнечные лучи, создавая прихотливые хроматические узоры. На третьем же ярусе струи шли вверх, по сходящейся траектории. Получался большой прозрачный (и по эффекту немного призрачный) колокол, над которым нимбом поднималась круговая радуга. Красота фонтана завораживала, и Нил не знал, сколько простоял возле него с открытым ртом, и только ветерок, прошумевший в листве

и взъерошивший Нилу волосы, вывел его из гипнотического транса. Он подошел поближе, присел на широкий, прохладный бордюр, вгляделся в поразительно прозрачную, пузыристую воду. В бассейне плавали рыбки с пышными вуалевыми хвостами — красно-синие, нежно-голубые, красные в черную крапинку, оранжевые с черными полосками. Приглядевшись, Нил увидел золотую.

— Владычица морская... — улыбаясь, прошептал он.

Рыбка подплыла поближе и, как совершенно отчетливо показалось Нилу, подмигнула ему круглым глазом и чуть-чуть повела хвостом в направлении дома: заходи, мол.

— Спасибо, родная...

А что еще оставалось сказать в такой ситуации? Нил поднялся с барьера, огляделся. Позади него та самая беседка, пагода в миниатюре, из которой он пришел. Впереди и чуть сбоку, между двумя розовыми клумбами, в тени могучего раскидистого клена виднеется краешек белого садового стола и такой же стул. На спинке стула висит белая панама, рядышком прислонился сачок на длинной ручке.

Впервые Нил сошел с самоцветной дорожки и оказался на ровном зеленом

газоне. Ступая осторожно, словно боясь примять короткую изумрудную траву, он приблизился к столу. На крышке лежало пенсне с черным шнурком и стояла раскрытая доска изящных карманных шахмат с недоигранной партией, а скорее, с этюдом — во всяком случае, так решил Нил, поглядев на расположение немногих оставшихся фигур, в том числе и белой костяной фигурки священника в высокой шапке и с крестом на груди. Фигурка эта нисколько не смутила Нила: он знал, что шахматный слон по-английски будет bishop — то есть «епископ», и появление такой фигурки означало лишь то, что шахматы сделаны не у нас.

— Впрочем, здесь все *не у нас...* — пробормотал Нил.

— Вы что-то хотели спросить, юноша?

Нил вздрогнул и обернулся. В укромном тенечке на шезлонге, столь же белом, как стол и стул, возлежал средних лет человек, лысый, но с длинной бородой, и с приятной усмешкой глядел на него ясными, умными глазами.

— Я, собственно... Э-э, как называется эта роза? — не сразу нашелся Нил.

— Если вы про ту шпалеру, которую рискуете повалить, коли попятитесь еще на шаг, то этот вид именуется «La Belle Cécile»* и славится среди знатоков исключительной длиной стебля, девственной белизной и характерным чуть кисловатым ароматом. Но, возможно, вы имеете в виду скромные кремовые создания, что высажены вдоль центральной аллеи. Они называются «Many Happy Returns». Весьма подходящее название, вы не находите?

Нил кивнул. Так по-английски поздравляют с днем рождения, но буквально это означает «много счастливых возвращений». То есть, тебя будут рады видеть снова и снова...

— По правую же руку от вас особо крупная разновидность алой махровой розы «Château Rouge»**. Этот вид отличается... Впрочем, вы ведь не ботаник.

Нил молча покачал головой. Ему вдруг стало неловко, что он не ботаник.

— Ступайте-ка лучше в дом, — предложил бородатый незнакомец. — Вас определенно ждут.

---

* Прекрасная Сесиль *(фр.)*.
** Красный замок *(фр.)*.

— Меня? Но кто? Никто не знает, что я здесь, да и я...

— Но вы же пришли.

Незнакомец улыбнулся, показав белые зубы, и закрыл глаза. Нил постоял еще немного, но более тревожить этого странноватого, но симпатичного господина не решился и побрел к дому, глядя во все глаза и на каждом шагу открывая что-нибудь эти глаза радующее. Так, по обе стороны от ступенек, ведущих к центральному входу, он залюбовался двумя симметричными наклонными партерами, искусно составленными из цветов, кустиков, разноцветных камней и мхов и украшенных небольшими гранитными химерами, вроде тех, что на Нотр-Дам.

Нил мало что понимал в архитектуре, точнее сказать, ничего не понимал, и определиться со стилем того здания, в которое вот-вот войдет, не мог. То ли современное, но сделанное под старину, то ли действительно старинное, но недавно тщательно отреставрированное. Он медленно поднялся по ступенькам и замер перед двустворчатой застекленной дверью, не решаясь ни войти, ни заглянуть вовнутрь. Дом, казалось, сам понял его замешательство, где-то неж-

но зазвенели колокольчики, и створки стеклянных дверей бесшумно разъехались. Словно в новом Пулковском аэропорту. Ничего не оставалось, кроме как войти.

В просторном беломраморном холле было тихо, прохладно. Справа, спиной ко входу, расположился высокий и длинный диван, служивший одновременно своего рода барьером, отгораживавшим от холла нечто вроде гостиной — пара столиков, глубокие мягкие кресла, на стенах — беспредметные картины прохладных, спокойных тонов, высоченный камин с зеркалом и большими позолоченными часами на полке. Причудливые выпуклые стрелки показывали без пяти шесть. Над камином — громадных размеров кабанья голова с устрашающими клыками и ветвистыми рогами. Прямо впереди — прозрачная, невероятно широкая дверь, точная копия входной, вела в светлый круглый зал со множеством столов, накрытых белыми скатертями в красную и голубую клетку. Слева — чуть изогнутая лестница со светлыми деревянными перилами и ступеньками, покрытыми приглушенно-алой ковровой дорожкой. Все объемы интерьера были непривычно велики,

глаза Нила непроизвольно искали какой-нибудь предмет поменьше, покомпактнее и сами собой остановились на черном лакированном столике у подножия лестницы.

На столике были беспорядочно раскиданы газеты, журналы, брошюры. Среди названий на незнакомых Нилу языках он автоматически выхватил несколько понятных. Толстая, в цветных фотографиях газета называлась «The Daily Bread»*. Поверх нее наискосок лежала книга в глянцевом бумажном переплете с красочным изображением длинного хрустального стакана и соломинки. Нил взял ее в руки, прочитал название. «Good Living for Good Livers»... Краткое руководство по приготовлению коктейлей. Смешное название — можно понимать как «Хорошая жизнь для крепких печенок» или «Хорошая жизнь для хороших жильцов»... Нет, «жильцы», конечно, не совсем то слово, но не скажешь же «житоки»... В общем, для тех, кто живет в свое удовольствие. Еще какой-то журнальчик по-французски. «Aucune Rancune»**. Никакого, значит...

---

* Хлеб насущный (буквально «ежедневный хлеб») *(англ.)*.

** Без злословия *(фр.)*.

чего? В общем, надо надеяться, «никакой бяки». На краешке стола Нил увидел и русскую книгу — на серой обложке лиловыми буквами косой заголовок «До сиреневой звезды. Очерки русского пофигизма». Нил потянулся было к заинтриговавшей его книге, но тут заметил, что она основательно запаяна в плотный полиэтилен. Разорвать упаковку он постеснялся, а потому взял в руки номер «The Daily Bread». Через первую полосу наискосок тянулся заголовок: «Many Happy Returns, M & M, Sweetest Couple!!! Three Cheers for Mickey and Minnie!!! The Golden Jamboree of the Mices' Golden Union»*.

— И что пишут? — произнес приятный девичий голос из-за спины.

— Да вот... — Нил заставил себя говорить медленно, спокойно, будто голос его нисколько не взволновал. — Золотая свадьба Микки и Минни Маусов.

— «Бредятина» верна себе. Прямо-таки сокровищница мудрости, кладезь ценнейшей информации.

Стараясь не спешить, он обернулся. Никого. Посмотрел вокруг — никого.

---

* С днем рождения, сладкая парочка!!! Трижды ура Микки и Минни!!! Золотой сабантуй золотого союза Маусов *(англ.)*.

— Кстати, раз уж ты стоишь, будь добр, сделай мне джинджер-сламмер, — продолжил голос как ни в чем не бывало.

— Кого?

Нил растерялся окончательно. Заколдованный замок, невидимка, неисполнимые поручения. Будто пьяный сказочник перемешал «Аленький цветочек» и «То — не знаю что».

— Джинджер-сламмер,— повторил голос. — Имбирный эль, на полпальчика джина и много-много льда.

— Где? — оторопело спросил Нил.

Голос рассмеялся, как колокольчик зазвенел.

— Сразу за лестницей увидишь стойку. Джин на полке, стаканы на стойке, лед и эль — в холодильнике. Заодно и себе плесни.

— Чего?

Голосок вновь рассмеялся.

— Чего хочешь, глупый. Вина, пивка, сока...

Нил сделал робкий шажок, другой — и остолбенел. За лестницей до самой двери в круглый зал тянулась длинная металлическая стойка, обтянутая красной кожей. Из-за стойки частоколом вырастали длинные блестящие рычаги с

черными рукоятками. На рычагах красовались разноцветные разнокалиберные таблички. «Амстел». «Хайнекен». «Дос-Эквис». «Гролш». «Гиннесс». «Карлсберг». И еще, и еще, и еще... Нил перевел завороженный взгляд наверх. На двух застекленных полках он увидел не меньше сотни бутылок всех мыслимых цветов и форм. Мартини в шести вариациях. «Кампари». «Бейлиз»...

— Эй, босс! — окликнул голос. — Как проходит инвентаризация?

— Прости... те.

Сконфуженный Нил устремился к высоченному холодильнику и, заставляя себя не глазеть на всякие диковины, хранимые за стеклянными дверцами, быстро отыскал большую бутыль с желтой этикеткой «Ginger Ale» и черное пластмассовое корытце с искрящимся льдом. На боку у корытца был приделан какой-то рычажок, Нил надавил на него, внутри что-то хрустнуло и из корытца выпрыгнул ледяной кубик, стукнул Нила по носу и упал на пол. Нил хотел было нагнуться за ним, но сообразил, что в питье этот лед уже не годится, а как засунуть его обратно — непонятно. На стойке стоял красный пластмассовый ящик со стаканами, Нил вытащил один

и вновь засмотрелся — высокий стакан голубоватого стекла был не круглый и не граненый, а квадратный в сечении, с закругленными углами. Нил поднес стакан к корытцу, вновь щелкнул рычажком, умудрился поймать стаканом кубик льда и, весьма довольный собой, принялся шарить глазами по полке в поисках джина. Нашел аж шесть разных бутылок и остановил свой выбор на «Бифитере», поскольку видел такую посудину (пустую, естественно) у приятеля в коллекции и, следовательно, был с этим напитком знаком. Плеснул, как было велено, совсем немножко, доверху долил имбирным элем и со вздохом облегчения (притомился от сильных впечатлений) двинулся вдоль стойки на выход.

— Эй, а себе? — весело прощебетала невидимка.— Неужели ничего не будешь?

— Буду, буду...

Нил дико зыркнул на полку и схватил первую же бутылку, на которой остановился взгляд. По форме она напоминала пульверизатор, который давным-давно привез из Китая отец. Нил без проблем свинтил золотистую крышку, налил полный стакан густой жидкости купоросного цвета и пошел дальше, держа в каждой руке по стакану. Однако, выйдя из-

за стойки, он замер в нерешительности, не вполне представляя себе, куда двигаться теперь.

— Да здесь я, здесь, — хихикнула невидимка.

— Где? Я не вижу.

— Лежу на диване и смотрю на тебя в зеркало. Поднялась бы, да ножка болит. Иди сюда.

Нил вновь вздохнул с облегчением и в несколько больших уверенных шагов дошел до дивана, обогнул его и оказался лицом к лицу с полулежащей незнакомкой. Молоденькая девчонка с симпатичной круглой курносой мордашкой. Босая, в серых шортах и красной маечке, одна нога, перебинтованная на лодыжке, лежит на диване.

— Ну, давай же! — Незнакомка протянула руку, и Нил вложил в нее стакан с джинджер-сламмером. — Попробуем твое изделие. — Она прихлебнула и смешно сморщила носик. — Со льдом пожадничал, зато джина перебухал. Я же просила на полпальчика... Ладно, сойдет... Чего не садишься?

Она показала на противоположный краешек дивана, и Нил послушно сел. Девчонка посмотрела на его стакан и присвистнула:

— Оригинально, однако. Голубой «кюрасо» как аперитив? Надо бы как-нибудь попробовать... Ах да, извини, меня зовут Бетси.

Она протянула руку. Нил подался вперед и взял ее ладонь в свою. Это оказалось очень приятно.

— А я Нил, — представился он.

— О-о, Нил! Класс! Как река. Или как Нил Армстронг, первый человек на Луне.

— Да я, признаться, и чувствую себя первым человеком на Луне...

— Здесь?! — Бетси расхохоталась. — Скажешь тоже! На Луне нет никого, темно, пыль и кратеры, и дышать нечем. А здесь все наоборот. И очень, между прочим, классно, вот увидишь.

Она прихлебнула еще раз и поставила стакан на столик. Нил осторожно нюхнул своего «кюпороса». Пахло аптекой, сладкими фруктами и немножко сивухой — в общем, обычный ликерный запашок. Смелым глотком он осушил половину стакана. Внутренности обожгло, но в меру и всего на мгновение.

— Да я и сам вижу, что тут неплохо, — с деланным равнодушием сказал он.

— Точно! — с энтузиазмом подхватила Бетси. — Главное, можно делать

все, что хочешь. Бассейн, теннис, гольф, поло. Можно пойти на горки, в лагуну или на мыс, в лес, в город смотаться. На планере полетать или на дельтаплане. Ты летал на дельтаплане?

— Нет, — признался Нил.

— Зря, это так здорово. Я бы прямо сейчас с тобой полетала, только... — Она показала на забинтованную ногу. — Вчера каталась с Пабло Эстебаном в тисовой аллее, запуталась в стременах — и вот... Теперь зато просвещаюсь.

Она подняла с дивана книжку и показала Нилу.

— Как странно, — сказал он, — «Защита Лужина». Тут, возле фонтана я разговаривал с одним человеком...

— А, так ты уже познакомился с нашим шахматистом-энтомологом? Милейший старый чудак. Его зовут доктор Доктор. То есть, его действительно зовут Доктор, но доктор он не настоящий, в смысле, не врач... Старички друг друга терпеть не могут. Доктор Доктор говорит, что тот, второй, злостно исказил историю его любви к... Ой, кстати, я тебя обязательно познакомлю с Долли Хейз, отличная тетка, мы с ней заняли второе место на чемпионате по

бриджу. Нас только сестрички Монтгомери обскакали, но с ними не потягаешься...

— Погоди, погоди... Долли Хейз, сестрички Монтгомери...

— Ну да, близняшки, Джун и Джули, их друг от дружки не отличить, только у одной шрам на запястье... Да, так вот, наш доктор Доктор в отместку слямзил у него и профессию, и хобби — то есть бабочек и шахматы, — и даже пенсне завел, и так хорошо его передразнивать научился, что мы все тут со смеху под столы падаем. Как они тут третьего дня за ужином сцепились...

— Постой, кто с кем сцепился?!

— Ну, Набоков с Доктором...

— Набоков? Разве он еще жив?

— А ты?

— Не знаю, — честно признался Нил. — Иногда кажется...

— Вообще-то у нас этим интересоваться не принято, — слегка надув губы, сказала Бетси. — Жив, умер — дело сугубо личное...

— Бетси, лапочка, спасибо, что подменила... — Из-за дивана проворно вышел худощавый, длинноволосый парень в оборванных по колено джинсах и выгоревшей черной майке с надписью

«Live Super». Парень наклонился, расцеловал Бетси в обе щеки и с улыбкой протянул Нилу жилистую ладонь. Нил вгляделся в его лицо. Большие прозрачные светло-карие глаза, правильные, немного астенические черты, ассоциирующиеся обычно с высокой одухотворенностью. Рыжие, чуть вьющиеся волосы, длинная негустая борода. Боже, но это же... Сходство на грани кощунства...

— Господи Иисусе... — невольно пролепетал Нил.

Парень улыбнулся еще шире, разжал руку, вытянул ее к противоположной стене, сделал какое-то сложное движение пальцами — и остолбеневший Нил услышал первые аккорды бессмертного альбома «Иисус Христос — Суперзвезда».

— И все же предпочту, чтобы меня называли Верджил, — усмехнулся парень. — И чудеса не по моей части. Обычное сенсорное дистанционное управление. Можно и с изображением, но покамест воздержимся. Здесь много всяких таких штучек, я покажу, но для начала...

Верджил исчез за диваном, и Нил в зеркале увидел, как он по-хозяйски ору-

дует за стойкой. Тихо, вкрадчиво зажужжал какой-то агрегат.

— Бетси, киса, тебе, как всегда, сламмер?

— Да, только совсем слабый и побольше льда. — Она подмигнула Нилу.

— А тебе, Нил?

— Не знаю... Пивка можно?

— Какого? В баре бочкового двенадцать сортов и примерно двадцать бутылочного и баночного. От прозрачного, как водичка, до черного, как деготь. В большой столовой на панно еще триста двадцать видов, а если захочется чего-нибудь совсем экзотического, то в погребах точно есть. От соргового из Микронезии до «Жигулевского» из Конотопа.

— На твое усмотрение...

Нил судорожно допил ликер. В голове слегка зашумело. Одна из стенок чуть наклонилась, но тут же приняла первоначальное положение.

— Может, «Дос-Эквис»? Светлое, терпкое, чуть отдает текилой. Тебе понравится.

— Давай...

Через мгновение Верджил появился с напитками, раздал, оставив себе ста-

кан с чем-то мутным, красноватым, пенистым.

— Cheers! — сказал он, плюхаясь в кресло напротив. — За тебя, Нил. Чутье мне подсказывает, что это не последний твой визит. Кто хоть раз нашел сюда дорогу...

— Слушай, я как раз хотел спросить... — На лице Верджила проступило настолько странное выражение, что Нил спросил совсем не то, что намеревался: — Что ты такое пьешь?

Верджил спокойно, расслабленно улыбнулся.

— Свежий морковный сок.

— Сок? Но тут столько всего...

— Именно поэтому каждый здесь пьет, что захочет.

— Понятно...

Нил отпил пива, которое, наложившись на только что принятый ликер, не очень ему понравилось.

— Знаешь, чтобы не утомлять Бетси, перейдем в столовую. Там и поговорим.

— Верджил, вы мне нисколько... — Бетси помолчала. — О да, конечно, идите. Нил, тебе будет интересно.

Двери в круглую столовую бесшумно и мягко отъехали вверх, будто зана-

вес, и они оказались в громадной, залитой неярким солнцем полусфере. Противоположная от входа стена представляла собой сплошное пространство высоких окон, из которых открывался вид в великолепно ухоженный сад, несколько японский по стилю, совсем не похожий на тот, что перед домом. За садом виднелся кусочек моря, розового от закатных лучей. Окна были французские, то есть служили одновременно и дверьми. Нил обратил внимание, что некоторые из окон плотно зашторены.

— Это особые окна, так называемые порталы, — пояснил Верджил, без труда прочитав мысли Нила. — Они выходят совсем в другие места, и без хорошей подготовки в них не рекомендуется даже заглядывать, поскольку иные из этих мест далеко не так приятны, как наш Фрамбуаз Дорэ.

— Фрамбуаз Дорэ? — переспросил удивленно Нил.

— Присядем?

Они уселись за ближайший столик, причем Верджил тут же непринужденно закинул босые ноги прямо на белую скатерть и продолжил:

— Фрамбуаз Дорэ — это старинное название того дивного местечка, где мы

сейчас находимся. Впрочем, оно давно уже не употребляется, и мы называем его просто *Sweet Home.* К сожалению, это понятие плохо поддается переводу на русский.

— Отчего же нет? Милый дом, родной дом.

— Это не совсем то. Родной дом — это место, где ты родился, или где живешь, или где живут твои родители. А *home*, помимо этого, означает такое место, где тебе хорошо и где ты оказываешься вовсе не благодаря своим достоинствам и заслугам, а просто по праву рождения. Один наш поэт именно так и выразился: «Something you somehow don't have to deserve».

Нил узнал цитату, и это несказанно его вдохновило:

— Наш поэт? Это же Роберт Фрост сказал! Здесь что, Америка?

— Не совсем... Скажем так, Запад.

— Запад вообще? Как это?

— Ты, наверное, уже понял, что у этого места свои, особые отношения с пространством и временем... Так уж повелось, что, мечтая о лучшей жизни, человек всегда обращал свой взор в сторону заката. Вспомни Западный рай Индры, вспомни Платона, вспомни

Острова Блаженных в преданиях кельтских народов. У американских индейцев, самого западного, с точки зрения географии, народа, путь в Страну Большой Охоты лежал на запад. На запад же уплывали, покидая Средиземье, эльфы господина Толкиена... А орды Чингисхана, а американские пионеры — думаешь, их не вела все та же извечная мечта о блаженном Западе?

— Но Спаситель придет с Востока! — неожиданно выпалил Нил.

Верджил улыбнулся в ответ:

— Придет с Востока и уведет спасенных — куда? Спасителям едва ли свойственны кривые пути.

Верджил усмехнулся, достал из кармана джинсов помятую пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, затянулся. Нил вдохнул аромат небывалой сладости и силы.

— Эт-то что? — с легкой запинкой спросил он.

— «Латакия — Дикий Мед». Мое собственное изобретение. Берешь коробку обычной мак-бареновской «Латакии», добавляешь...

Нил громко расхохотался.

— Ты что? — с легкой обеспокоенностью спросил Верджил.

— Вот уж не думал... Я-то химичу, потому что не достать ничего...

— А я химичу, потому что все достать. — Верджил со смехом бросил Нилу пачку и плоскую, черную с золотом зажигалку. — Угощайся.

Нил внимательно посмотрел на пачку. На глянцевом белом картоне не стояло ни слова, зато рельефно проступал красно-желтый силуэт рогатого кабана, которого Нил видел в гостиной над зеркалом. Повеяло неприятным холодком.

— Это что такое? — как можно небрежнее спросил Нил, показывая на изображение.

— Не что, а кто, — поправил Верджил. — Кернунн, Хранитель Дома.

— Это его портрет над зеркалом висит?

— Это не портрет. Это он сам. Точнее, его голова, а сам он — в зазеркальном пространстве, недоступном никому, кроме него.

— Боже!

Верджил поморщился.

— Не Боже, а Хранитель. Он спит, но все видит. И если почувствует, что Дому что-нибудь угрожает... Ладно, схожу выжму еще сока, а ты походи здесь пока, посмотри, как все устроено. Толь-

ко на еду и питье особенно не налегай, аппетит испортишь. У нас сегодня рождественский ужин.

— Но ведь лето?

— И что?

— Но Рождество зимой...

— Что такое Рождество?

— Ну, когда Христос родился...

— Кто такой Христос?

— Ну, это... Сын Божий.

— Все мы дети Божьи. И каждый день кто-то родился...

Верджил вышел в гостиную-прихожую, а Нил подошел к непонятным серым экранам, расположенным на стене. Стоило ему подняться на приступочку, которая тянулась вдоль экранов, ближайший экран замерцал приятным для глаз зеленым светом, а мелодичный женский голос радушно произнес:

— Хэлло! Добро пожаловать в наше домашнее кафе.

Нил вздрогнул от удивления и поспешно сошел с приступочки. Экран мгновенно погас, и все стало так, как прежде. Он осмотрелся, еще раз шагнул на приступочку.

— Хэлло! Добро пожаловать в наше домашнее кафе, — с той же жизнерадостной интонацией произнес голос.

На зеленом поле экрана проступили разноцветные квадратики со словами:

Hors d'oeuvres	Salads	Soups	Sauces & Sea-sonings	Fish & Seafood	Meat
Poultry & Game	Vegetarian Delight	Lacto-Ovo Feast	Side Dishes	Cheese Board	Just Des-serts
Soft Drinks & Juices	Beers	Wines	Hard Stuff	Hot Beverages	Fruit
Sugges-tion: Menu №1	Suggestion: Menu №2	Special Requests	Small	Medium	Large
Browse by Letter	Browse by Country	Browse by Group	Be Your Own Cook	OK	Serve

Нил диким взглядом окинул таблицу, моргнул — и английские надписи тут же сменились русскими.

— Дотроньтесь до экрана в желаемом секторе, — бодро посоветовал голос, и Нил ошалело ткнул в квадратик «Закуски» на теплом силиконовом экране.

Три верхних ряда моментально запестрели множеством цветных картинок, во всех аппетитных подробностях изображающих всякие мыслимые и немыслимые вкусности. Нил несколько секунд молча изучал картинки, а потом нажал на изображение чего-то круглого и зеленого, политого чем-то розовым. Изобра-

жение тут же выросло в половину экрана, а под ним загорелась надпись: «Авокадо под крабовым соусом».

— Понятненько,— сказал Нил и ткнул в кнопку «OK».

Послышался тихий звон колокольчика, и тут же ярко загорелись квадратики «Small, Medium, Large». Нил сообразил, скромно нажал на «Medium», снова на «OK» и на «Serve». На экране высветился вопрос: «That's all?» и под ним два квадратика «Yes» и «No». Нил нажал на «Да», раздалась тихая барабанная дробь, экран выдал нечто вроде мультипликационного салюта, и из щели под экраном на белом подносе выехала тарелочка с авокадо под крабовым соусом и обернутые салфеткой нож и вилка.

— Мерси,— на всякий случай сказал Нил и спустился в зал.

Если бы в природе существовало такое блюдо, как копченый кабачок, то как раз на него было бы похоже это самое авокадо, крабовый же соус оказался именно тем, чем и должен был оказаться — мелко наструганным крабом в майонезе. В целом было совсем недурственно, Нил пожалел лишь о том, что не заказал к авокадо кусочка хлеба, и остатки соуса пришлось вылизывать

языком, благо в столовой никого не было.

Покончив, таким образом, с закусками, Нил вновь, теперь уже намного смелее приблизился к чудо-автомату, выбрал квадратик «Вино» и смело задал алфавитный поиск. Через минуту он обрел желаемое — большой стакан славного мозельвейна «Die Nackte Arsch»*. Выходит, вино с таким колоритным названием действительно существует.

Потягивая на ходу вино — белое, чуть сладенькое, с приятной горчинкой, — Нил принялся расхаживать по залу, разглядывая то, чего еще не успел разглядеть. В частности, если пройти мимо питательных автоматов налево, то за застекленной дверью будет бильярдный зал с двумя зелеными столами и одним светло-коричневым, а если налево — музыкальный салон с бархатными портьерами, глубокими, уютными креслами и небольшой сценой, на которой господствовал ярко-красный концертный рояль. Нил без колебаний вошел в салон, поднялся на сцену, поставил стакан на крышку рояля, уселся на круглый табурет, открыл рояль — оказалось, «Стейн-

---

* Голая задница *(нем.)*.

вей» — и для разминки пробежал пальцами по клавишам. Великолепный глубокий звук, идеальная настройка.

— Мамаше бы такой, — шепотом сказал Нил и еще раз прошелся по клавиатуре...

Когда Нил учился классе примерно в седьмом, фирма «Мелодия» вдруг шлепнула подряд три больших пластинки замечательного русского шансонье Александра Вертинского, прежде если и не запрещенного, то и не сильно разрешенного. Старшее поколение, слушая, вспоминало молодость, а молодое открывало для себя, что, оказывается, можно и так. На какое-то время мудрый старый Пьеро по популярности почти сравнялся с «Поющими гитарами». Каждый дворовый бард, наряду с бессмертными шлягерами «Сека, сека повязала» (слова народные, музыка народная) и «Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то» (музыка Леннона и Маккартни, слова Марка Подберезского), норовил включить в свой репертуар, как минимум, «Над розовым морем».

Всеобщее открытие не было открытием для юного Нила. Сколько он себя помнил — столько помнил и тяжелый пыльный магнитофон, который иногда

выдвигали из угла и ставили на него громадные шершавые бобины. По знаку бабушки все благоговейно замирали, и из магнитофонного бока с шипением вырывались голоса чужой эпохи — Вертинский, Лещенко, Плевицкая, Иза Крамер, Варя Панина... Но в молодой среде привился один Вертинский. На переменке соберутся, бывало, все мальчишки из класса в рекреационном зале — за старым роялем маэстро Баренцев — и загалосят зычным хором «Матросы мне пели про остров...» Наладились было под нее строем ходить на военной подготовке, но военрук, товарищ Каратаев, наорал на них, еще и директрисе нажаловался.

Позднее, в студенческие годы, открыв для себя иные музыкальные ориентиры, Нил как-то в веселую минутку сочинил песенку а-ля Вертинский и очень пафосно, со всеми характерными для прославленного шансонье приемами, исполнял ее на разных капустниках и вечеринках. Народу нравилось...

Он взял несколько аккордов и запел:

На пустом Петропавловском пляже
Ветер волны терзал, как струну.
Вы прошли не заметив и даже
Не взглянули в мою сторону...

— Если бы я знала, что ты еще и поешь, то непременно взглянула бы, и не раз, — тихо проговорил кто-то.

Нил поднял взгляд и застыл в изумлении... Нет, это невозможно, никак невозможно... Хотя... Если здесь мог оказаться еще кто-то из того, нижнего мира, то именно она, только она...

— Что ж ты замолчал, Нилушка? Так пел хорошо.

И как к лицу ей эта зеленая хламида...

— Просто неожиданно очень. Ты здесь...

— Добро пожаловать в Занаду! — с ослепительной улыбкой произнесла Таня Захаржевская.

— Занаду?

— Храм земных утех, построенный одним монгольским мечтателем и описанный мечтателем английским. Но поскольку оба были опиофагами... Ладно, ты играй...

А луна так изысканно-нежно
Отдавалась бегущей волне,
Одиночество было безбрежным
В безнадежной моей стороне...*

---

* Текст В. Волковского.

Нил вздрогнул. Необъяснимое ощущение переполняло его. Словно бы он одновременно находился в двух точках пространства-времени. Он же в кресле у раскрытого окна весенней ночью восемьдесят второго, он же рядом с нею, с Татьяной небесною, в Бог весть каком Занаду, в году неизвестно каком... Нет, не в двух точках, а в трех, потому что на двойную картину накладывалось невидимо, но явственно — его несут, держа за руки, за ноги, куда-то кладут, встряхивая, зачем-то расстегивают брюки... Октябрь семьдесят третьего... Нет, не так. Рано! Еще, еще!..

Он слегка надавил на веки, силясь вернуть себя в пласт видения... Но тамошние предметы налились прозрачностью и зыбкостью. Белая клавиша продавилась под его пальцем, будто мягкий пластилин. Вновь перед глазами предательски близко замаячил край белой больничной занавески...

— Побудь еще... — прошелестела она призрачным голосом.

— Я хочу, но не могу, оно само ускользает...

— Ты здесь! — твердо приказала Татьяна. — Возьми мою руку, ощути ее тепло, вдохни в себя пьянящий воздух Зана-

ду и не думай, главное, не думай о том, что осталось там, за порогом... Теперь выдохни и сразу затянись, вот...

Прозрачная сигарета, которую она поднесла к его губам, обрела относительную материальность лишь на третьей затяжке. Поверхность клавиши стала ровной и твердой.

— Ну вот, — с несказанным облегчением проговорил Нил, взял сигарету из ее белых пальцев и заглянул в ее золотистые, искрящиеся смехом глаза. — Спасибо. Я снова здесь. Что это за сигарета? Я помню этот запах, этот вкус. Совсем недавно.

— Верджил в столовке оставил, а я подобрала. — Она показала ему пачку с кабаньей головой. — Спой еще чего-нибудь, пожалуйста.

— Что? Свое или чужое?

— Свое, разумеется.

— Да у меня все такое... не очень соответствующее этому месту. Как бы опять назад не утянуло.

— Тогда давай мое. Посвящение нашему «Сладкому дому».

— Но я же не знаю...

Она усмехнулась и щелкнула пальцами.

— Уже знаешь. Здесь это просто. Начинай, а я подхвачу.

И действительно, даже не успев удивиться, он без малейших колебаний отыграл вступление в пламенном испанском стиле и начал:

Снова под балконом с серенадой
Я стою в своем плаще старинном,
И свежей глотка амонтильядо
Сень дубрав, где зреют апельсины.
В ночь бежим, где трепетные звуки
Изольются в пламенном фанданго,
Где струятся пламенные звуки,
А река струится соком манго.

Она чуть наклонила голову и подхватила — чисто, звонко, весело:

Перебор гитары шестиструнной
Растревожил душу девы юной.
Голос твой, Диего, меня манит вдаль,
Как в топленом сахаре миндаль...

В искрометном географически-гастрономическом дивертисменте они пробежались по странам и континентам, и каждому куплету вторили сильные, отчетливо кондитерские, вкусовые ощущения — французский шартрез, венский апфель-штрудель, вязкая греческая халва и рассыпчатый тульский пряник с терпкой отдушкой ядреного хлебного кваса.

Послышались дружные аплодисменты и одобрительные возгласы. Нил смутился — он даже не заметил, что во время их номера музыкальный салон наполнился народом. Люди, по большей части молодые и симпатичные, сидели в креслах, на диванах, прямо на полу, стояли у окон и возле самого рояля.

— Забойно, браток! — выразил общее мнение высокий стройный негр в красно-желто-зеленом балахоне и с немыслимо сложной системой косичек на голове. — Считай, вписался. Мы все тебя уже любим. — Он похлопал Нила по плечу. — Еще что-нибудь сбацаешь?

— Попозже. Устал немножко.

— Ладно. Тогда браток Соломон немного побренчит, о'кей?

Он уселся на освобожденный Нилом табурет и ловко, сноровисто заиграл небыструю, но очень ритмичную, на четыре четверти, мелодию. Ребята и девушки обступили рояль, принялись прихлопывать и пританцовывать в такт.

Не привлекая к себе внимания, Татьяна отошла от рояля, неспешно приблизилась к дверям в столовую. Нил тем же манером последовал за ней. Оказав-

шись в пустом, гулком зале, Нил взял ее руку, прижал к груди.

— Там, в нижнем мире...

— Он не нижний, — мягко поправила она, не отнимая руки. — Он просто обыкновенный.

— Хорошо. Там, в обыкновенном мире, рядом с тобой я смешон, жалок, недостоин твоей благосклонности...

Окружающие цвета резко поблекли, пол качнулся, и Нил поспешно заглотил остаток фразы.

Она молчала и с улыбкой смотрела на него.

— А здесь? Здесь и сейчас... Скажи мне, здесь ведь все иначе?

— Я и там никогда не считала тебя ни смешным, ни жалким... Но ты прав — здесь все иначе.

— Что же, выходит, я могу надеяться?..

— Возможно все. — Она пожала плечами.

— Тогда почему не сейчас?

Он наклонил к ней голову, ловя губами ее губы. Она чуть отвела лицо, подставив щеку.

— Сейчас — это где, милый? — услышал он ее шепот. — Здесь — это когда?..

Мир Занаду закружился и поплыл, истончаясь...

— Постой... — прохрипел он.

— Охотница твое согреет ложе... Она ждет, Антиной... Ступай...*

VI
(Ленинград, 1982)

Нил отпрянул от окна, тряся головой. Что это было, Господи, что это было? Капризное воскрешение дурманного видения более чем восьмилетней давности? Или лукавая подстановка, отыгранная расшалившимся подсознанием? Доводилось же и прежде видеть яркие сны, уноситься в мечтах... Но чтобы так далеко, так ярко, так вещественно?! Тотально! Органолептически истинно! Видел, слышал, вкушал и обонял. Еще стоит во рту вкус Верджиловой сигареты... И все же — зов прошлого или сигнал из будущего?..

— Я молод, здоров и свободен, — шептал Нил Баренцев, вглядываясь в тусклое раннее утро. — Я молод, здоров и... Но буду свободен! Хочу быть свободным, черт побери!

---

* Ах, какой пророческий глюк! *(Прим. Т. Захаржевской.)*

Но память отпускать не спешила... Антиной... Анти-Ной, поленившийся построить ковчег и теперь утопающий в безбрежном океане памяти...

VII
(Ленинград, 1973)

Пробудившись, Нил долго-долго не мог сообразить, где находится. Он лежал, поджав ноги, на узкой короткой койке, накрытый тонким серым одеялом. Поверх одеяла лежала куртка, в которой он пришел... Куда? В общежитие студгородка, куда ж еще. Когда? Судя по тусклому свету, сочащемуся из невидимого отсюда окошка, вчера. Вчера... И где же он оказался теперь, куда забрел? «Ни черта не помню...» — подумал Нил и заставил себя приподняться.

Далось это с трудом. Ничего особенно не болело, но слабость была сверхъестественная. Слабость и холод, и нежелание что-либо делать. Накрыться бы чем-нибудь потеплее и лежать, лежать, ни о чем не думая...

Он окинул мутным взглядом комнату, пытаясь по каким-то внешним приметам определить, где он. Первыми бросилась

в глаза книжная полка, а на ней — два стакана, до половины заполненные топленым воском, потом — красный коврик на противоположной стене, верхний край зеркальной рамы, стол, посередине которого красуется блюдо с дынными корками, кресло, развернутое теперь к окну... Выходит, никуда он не забредал, так и завалился в чужой комнате, отрубившись от какой-то дряни, закапанной в нос... Господи, что могла подумать о нем Линда? А Ринго? Мнение Джона его не особенно интересует...

Нил застонал и встал на ноги, попав левой в собственный расшнурованный ботинок. Второй ботинок лежал рядышком, уткнувшись высоким голенищем в мятую серую кучу брюк. Нил поспешно вытащил брюки — новенькие, модные клеши, тщательно отпаренные вчера, — озираясь, натянул их, дрожащими пальцами застегнул пуговицы... В общем, погуляли... Мать с бабушкой, наверное, с ума сходят, ведь не позвонил даже. Теперь предстоит объяснение. И в университете... Блин, а ведь студенческий его на вахте и, если верить вчерашней сердитой тетке, уже сегодня будет передан в деканат для дальнейших разбирательств. Во влип!

Интересно, где все? В комнате ни звука, ни шевеления, никто на его пробуждение не прореагировал. Ушли на занятия, не разбудив его? А который, кстати, час?

От обилия разом навалившихся вопросов тупо заболела голова, в левом виске противно задолбил невротический дятел. Нил застыл, зажмурив глаза, и внутренним зрением буквально увидел сизый туман, окутывающий мозги... Чашку горячего, крепкого чая и покурить — остальное потом!

Нил заставил себя раскрыть глаза и окинуть помещение более осмысленным взглядом. Тихо и пусто, но на столе блюдце с длинными окурками, надорванная пачка «Шипки», в которой, возможно, осталось что-нибудь. И еще... И еще из-за кресла, повернутого спинкой к нему, поднимается дымная спиралька... Нил метнулся к креслу, шумно зацепив стул.

Линда, бледная как сама смерть, сидела в кресле и безучастно, остановившимися покрасневшими глазами смотрела на простирающийся за окном блеклый пустырь. На ее хрупкие плечи был накинут серый халат, в опущенной на подлокотник руке тлела сигарета.

— Линда... — проговорил он голосом, дрожащим от слабости, стыда и облегчения. — Мощно я вчера вырубился, да?

Она молчала, не сводя глаз с окна.

— Слушай, я тут вчера на вахте студенческий оставил...

— Там...

Не поворачивая головы, она показала рукой назад.

На краешке стола лежал его студенческий билет. Нил схватил его, поспешно затолкал в карман.

— Вот спасибо! Ты не представляешь...

— Не за что.

Ее еле слышный голос звучал безжизненно, картонно, и это насторожило:

— Что было, скажи мне, что было?! Я ничего не помню. Я что-нибудь натворил?

Она молчала. Нил приблизился к креслу, опустился на колени, положил голову на ее безвольно лежащую руку.

— Ну, скажи же мне...

— Скажи?

Глаза ее блеснули, рука ожила, приподнялась, одновременно поднимая его подбородок. Он заглянул в ее глаза, ожидая ответа, но она опустила голову, прижалась лбом к его лбу, что-то горя-

чее и влажное обожгло его щеку. Он поднял руку, робко положил на ее хрупкое плечо.

— Ну что ты, что ты, Линда, не надо...

Она сняла его руку с плеча, приподняла голову, отвернулась. Нил поднялся с колен, обошел кресло, взял ее за подбородок и заглянул в глаза.

— Что было? — требовательно спросил он. — Говори! Я буйствовал, избил кого-нибудь, оскорбил, в непотребном виде попался на глаза начальству?

— Нет... Уйди, прошу тебя...

Он вспыхнул, больно сжал ее плечи.

— Я не уйду, пока не скажешь, что было!

Линда уткнулась лицом в его живот.

— Нилка, Нилка, что мы натворили... Я понимаю, я старомодная, смешная, но я не могу... не могу... Ты не виноват... ты не обязан... я сама... — сбивчиво лепетала она.

— Да что же такое? — Опешивший Нил опустил руки. — Объясни же, наконец!

— Помнишь, тогда, на озере, когда ты хотел... А я сказала... А этой ночью... Но ты не виноват... Ты не бойся, я переживу...

Нил почувствовал, как жарко стало лицу. Он понял. Но отказывался поверить.

— Ты хочешь сказать, что ночью мы с тобой...

Она кивнула, ненароком боднув его в живот.

Нил с новой силой стиснул ее плечи.

— Линда, — тихо сказал он. — Я с тобой. Навсегда...

В этот день в университет они не пошли. Нахально смотались в кино, а «обедали» в кафе-мороженом, взяв на двоих полкило ассорти и литровый сифон газировки. Вечером он лихо играл на дискотеке в соседнем корпусе, а ночевал опять в комнате Линды. На этот раз обошлось без подкурки и капель в нос*.

---

* Казалось бы — семнадцатилетняя девчонка до головокружения влюблена в семнадцатилетнего парня. Появляется другая — старше, явно опытнее в сексуальном плане, явно имеющая на него самые серьезные виды... Я прекрасно понимала, что стоит лишь пошевелить мизинчиком — и соперница будет повержена, и не перед ней, а передо мной опустится на колени мой желанный... Я столкнулась с чем-то, что властвовало надо мной, чем-то сильнее меня. Это было ново и очень неприятно... Вы скажете — голос естества. Глупости! Тут было, если угодно, сверхъестество! Только в нем, в этом смазливом юном неврастенике, мне приоткрылась сила, родственная моей, во всяком случае, равновеликая. Приоткрылась — и чуть не придавила!.. Что же говорить о нем? Он не ощущал своего избранничества. Меня поставили на его пути вовсе не для немедленного слияния в экстазе — последствия были бы катастрофическими! — а для того только, чтобы при моем посредничестве он открыл свое предназначение... Ночь напролет я обдумывала свою миссию, и к рассвету сложился план. Тут очень кстати подвернулся Ринго... Думаете, этот жук так просто закорешился с каким-то там сопливым школяром? И в тот же день этот

VIII
(Ленинград, 1973)

— А вот, попробуйте, роза с грецким орехом, нам из Молдавии прислали... Простите, милочка, запамятовала ваше имя.

— Линда Маккартни,— без тени смущения заявила Линда.

— Вот как? — с непонятной интонацией проговорила бабушка, а мама удивленно выгнула выщипанную бровь.

— Вы из Прибалтики?

— Из Даугавпилса, — подтвердила Линда.

— Надо же, а Нил говорил, что вы с Кольского полуострова.

— В Мончегорск мы переехали два года назад. Отцу предложили руководящую работу...

школяр крадет книги из семейной библиотеки, чтобы обзавестись фирменной трубкой... Расширение сознания через ломку этических стереотипов. Обязательный этап любой инициации... А потом пришла очередь Линды. Со своей ангиной она могла запросто отмазаться от любого колхоза — но пришлось ехать в дурацкий отряд. Отрабатывать должок, о котором чуть позже... Конечно, я не рассчитывала, что эта дура влюбится всерьез. Возвратившись из колхоза, она первым делом прибежала ко мне плакаться и каяться. Я спокойно выслушала, даже обещала посодействовать. И посодействовала. Без ложной скромности замечу — режиссура всей сцены в общежитии была гениальна! *(Прим. Т. Захаржевской.)*

— А-а, так вы из руководящей семьи? — В бабушкином тоне отчетливо просквозило ехидство.

— В известной мере...

— Ты ж говорила, что росла без отца... — растерянно шепнул Нил на ухо Линде.

— Он вернулся к маме, когда мне было двенадцать, — сердито прошептала в ответ Линда и тут же спросила громко: — Ольга Владимировна, вы не возражаете, если я закурю?

— Будьте любезны...

Линда демонстративно затянулась «Мальборо». Мать смотрела на нее рассеянно и благодушно, бабушка — лукаво. Нил молчал, угрюмо прихлебывая чай. Светская беседа, которую Линда вела с его домашними, ему активно не нравилась. Матери-то по большому счету все равно, что там очередная подружка сына заливает. Даже когда узнает, что это не просто подружка, отреагирует точно так же — благосклонной и рассеянно-царственной улыбкой. И доброта, материнская любовь здесь не при чем: никто, кроме себя самой, ее, великую диву-примадонну, не интересует нисколько. Нил давно это понял и давно смирился. Иное дело бабушка.

Она никогда не откровенничала с внуком, он с ней — тем более, но Нил готов был поклясться, что она знает все об особых отношениях, связывающих его с Линдой, о заявлении, которое они неделю назад подали в загс и которое у них не приняли, посоветовав прийти в декабре — с тем, чтобы можно было назначить дату регистрации на конец апреля, когда Нилу исполнится восемнадцать и отпадет надобность в разных дополнительных бумажках, включая и письменное согласие родителей. (Кстати, только при подаче заявления он узнал, что Линде уже исполнилось двадцать.) Сейчас он чувствовал, что бабушка придирчиво и без особого доброжелательства изучает будущую невестку, подмечая каждый промах в поведении, каждую нестыковку в речах. Линда заваливала этот экзамен катастрофически. Этот ненужный эпатаж — кличка вместо имени, сигарета, — это вранье про Прибалтику, про отца-начальника...

— Латышских, стало быть, кровей, — продолжала между тем бабушка, словно разговаривая сама с собой. — А я было подумала, что из турок...

— Почему из турок, бабушка?

Нил встрепенулся, почувствовал, что бабушка готовит какую-то каверзу, попытался предупредить.

— А как же? Был у нас один, до революции еще... Знаменит был на всю губернию, толстый, усатый, будто таракан. Мехмет Маккартни звали. Возле пристани дом свиданий держал. Думала, может, предок ваш, дед или прадед...

Линда, опустив взгляд, покачала головой. Подписываться на такого предка ей явно не хотелось.

— Ах, ну конечно, совсем у меня память дырявая стала. Тот-то Маккартни в революцию всем семейством за границу бежал, говорят, в Англию. Внучок у него потом там музыкантом известным стал. Поль Маккартни, не слыхали такого?.. Да вы ешьте, Линдочка, ешьте...

Осень, как ей и свойственно, была сырая и холодная. Природа не манила и не звала, дома у Нила, где безвылазно сидела бабушка, возможности общения были существенно ограничены, поэтому после занятий Нил с Линдой едва ли не каждый день забивались на набережной в троллейбус, из него ныряли в метро и через каких-нибудь полчаса весело отряхивали мокрые куртки у дверей ее комнаты. Наспех перекусывали, чем Бог по-

слал, а потом... Не всегда понятливой Йоко, если та составляла им компанию, Линда шептала пару слов на ухо, и та, демонстративно собрав учебники и конспекты, удалялась в рабочую комнату, прихватив с собой в качестве компенсации пачку Линдиных фирменных сигарет. Они оставались вдвоем.

Она сводила Нила с ума движениями бедер и талии, тончайшим кружевным бельем, заостренными коричневыми сосками — и головокружительной изобретательностью в любовных играх. Некоторые ее идеи поначалу несколько коробили Нила, но он старался не подавать виду. Закрывал глаза и представлял себе, что водит языком совсем не там... а, скажем, нализывает ее изящное, маленькое ушко. Да и, в конце концов, это элементарная справедливость — она-то у него берет... С третьего раза подавлял в себе уже не брезгливость, а смех: все представлял себе, до чего нелепо это должно выглядеть со стороны, и в голову сами собой лезли обрывочные цитаты из народного фольклора. Лучше выпить водки литр... Почему из горжетки лезет мех...

— Кто обучил тебя этим непотребствам, о развратница?! Берегись, ибо твой

повелитель узнает все, и тогда — трижды талак и острый меч палача! — закатив глаза вещал он, отдышавшись после очередной экзотики.

Она смеялась в ответ, зная тщету его угроз — ведь после той памятной ночи они вместе застирывали зримые свидетельства ее непорочности.

Но скоро им пришлось перестраивать график. В комнату вселилась третья девушка, считавшаяся доселе «мертвой душой». У коренастой, золотозубой Люды возникли какие-то нелады с родственниками, у которых она проживала, и пришлось переселяться по месту прописки. Линда и Нил, не сговариваясь, определили в ней типичную активистку-провинциалку, осведомительницу деканата, в лучшем случае, потенциальную. Это не своя в доску Йоко, такую не попросишь посидеть в рабочей комнате, пока жених с невестой будут любить друг друга.

Дней десять Нил приходил утром, когда все уходили на занятия. Но это тоже был не вариант — время наступало горячее, до первой в жизни сессии оставался месяц, и совсем уж беспардонно манкировать учебой не следовало. А между тем интимные игры вошли в

привычку, и день, прожитый без них, казался Нилу днем, прожитым напрасно. Линда тоже была неспокойна.

— У Ринго земляк до весны уехал, — как-то сказала она. — Комната свободна, и мы могли бы снять ее. Тридцать пять рублей в месяц.

— Нет проблем, у меня кое-что отложено.

— Пусть лежит, где отложено, скоро нам каждая копеечка пригодится, — рассудила Линда. — Первый месяц Ринго сам проплатит, он мой должник, а потом что-нибудь придумаем...

Комната находилась на пятом этаже внушительного дома на Четвертой Советской. Ее вид и убранство оставляли двойственное впечатление бьющей в глаза смесью монументального и векового с зыбким, преходящим, транзитным. Четырехметровые потолки с добротной лепниной, широченное полукруглое окно, стены толщиной в метр без малого, старинный квадратный паркет, вместительные встроенные шкафы и стеллажи, явно сохранившиеся здесь с досоветских времен, кровать и стулья тоже из эпохи, не знавшей стружечной плитки и фанеровки. Но при этом стены оклеены газетами месячной давности, с потолка на

голом витом шнуре свисает одинокая лампочка под газетным же импровизированным абажуром, на громадном подоконнике — безнадежно увядшая гвоздика в майонезной банке.

— Обуютим! — хором заверили Нила Линда и Ринго, который, оказывается, снимал в этой квартире вторую комнату.

Третья и вовсе стояла на запоре, хозяева что-то хранили в ней, сами же наведывались редко. Нил их ни разу не видел, так что квартиру можно было смело считать своей.

Уют наводили быстро, весело и малой кровью — сгребли и вынесли мусор, украсили застекленную полку шкафа красивым сервизом, позаимствованным у хозяев, развесили на стене два вымпела каких-то заграничных университетов и большой плакат с Полем Маккартни, на стол за неимением скатерти постелили отстиранную темно-зеленую портьеру. За какие-то полчаса комната преобразилась, и едва за улыбающимся Ринго закрылась дверь, Нил с рычанием повалил Линду на кровать, застеленную теперь новеньким клетчатым пледом...

Теперь он появлялся дома только на час-полтора, забегал после занятий или репетиции, торопливо выхлебывал ба-

бушкин суп, чмокал ее в морщинистую щеку и убегал, ловя спиной ее нерадостный взгляд. Она ничем не попрекала внука, но и без слов ему было понятно, что она не одобряет ни новой подружки Нила, ни его занятий рок-музыкой. Он и сам понимал, что слишком мало времени уделяет учебе, что совсем забросил спорт и серьезную музыку, но это все никуда не денется, а сейчас он живет совсем другими интересами. Все вечера, свободные от «Ниеншанца» — а он прилагал немалые усилия, чтобы таких вечеров было как можно больше, — Нил в эту зиму проводил у Линды и Ринго. Примерно раз в неделю он налаживался оставаться там на ночь и перед такими ночами всякий раз звонил домой и врал, что задерживается на репетиции или у друзей.

— Что ж, ты уже взрослый, поступай, как считаешь нужным, — отвечала обычно бабушка.

Нил не сомневался, что она прекрасно знает, у кого он проведет эту ночь.

А с Линдой было хорошо, и не только в постели. Ему нравилось быть с ней рядом, разговаривать. Нравился сам строй ее мысли — конкретный, четкий, иногда парадоксальный в своей катего-

ричности. Он постоянно ловил себя на том, что подхватывает ее интонации, ее словечки. Бессчетных ленинградских бабулек называет «жабульками», маленьких злобных собачонок — «закусками», одежду, особенно хорошую, фирменную — «прикидом». Ее оценки людей отличались однозначностью и нелицеприятностью. Для Линды мир, в принципе, делился на идиотов и сволочей, причем в каждой сволочи она находила изрядную долю идиотизма, а в каждом идиоте — сволочизма. Исключения делались для немногих, и Нилу было тепло и уютно оттого, что в этом избранном кругу нашлось место и для него. И еще Нил не слышал от нее ни одного худого слова в адрес его домашних, хотя и мать, и бабушка принимали ее, мягко говоря, без восторга. И он был благодарен ей за такую деликатность.

У него на Моховой она показывалась нечасто и исключительно по его инициативе. Обычно они забегали после университета, перекусывали на кухне и скоренько уединялись «позаниматься» — подальше от бабушкиных неласковых глаз. Благо, было куда — после смерти бабуленьки бабушкин рояль благополучно перекочевал обратно в ее комнату,

туда же переместились и ученики, так что теперь бывшая гостиная оказалась целиком в распоряжении Нила. Их с Линдой занятия сводились, преимущественно к курению, слушанию музыки, невинным ласкам: присутствие бабушки за стенкой отбивало охоту к ласкам более капитальным, тем более что всего в четырех остановках отсюда было их укромное гнездышко, где можно предаваться *всему* без каких-либо неудобств. Нил с гордостью демонстрировал Линде свою коллекцию пластинок, которые мать во время зарубежных поездок неизменно приобретала для него. Некоторые пластинки, изрядно заезженные и не особенно для него ценные, они слушали прямо на его старенькой «Ригонде», другими же они только любовались, а музыку с них слушали в магнитофонной записи на приставке «Нота».

— Маг — это не то, — заявила Линда во время очередного визита. — Надо бы тебе аппаратуру поприличней завести, чтобы пласты не пилила и давала полный «хай-фай».

— Надо,— согласился Нил.— Да где ж ее взять?

— Где взять, где взять — купить! — шутливо проворчала Линда и проворно

соскочила с его колен. — Славке, это приятель Ринго, он в комиссе на Апрашке работает, вчера сдали новенькую «филипсовскую» плату с усилителем. Электромагнитная головка, две щетки для снятия статика. Всего пятьсот пятьдесят. Славка, конечно, придержит, но недолго, дня два. А хорошие колонки можно потом за сотню прикупить.

— Но у меня нет таких денег, — растерянно сказал Нил. — На книжке четыре сотни, стипендию только со второго семестра дать обещают, а у тебя я все равно не возьму.

— А я тебе и не предлагаю. У умных людей не должно быть финансовых проблем... Слушай, ты мне доверяешь?

— Конечно.

Нил даже покраснел от мысли, что она могла усомниться в его полном доверии.

— Тогда так.

Она решительно подошла к полке с пластинками, принялась снимать их и раскладывать на две кучки на столе.

— Ты что делаешь? — озадаченно спросил Нил.

— Помолчи! — неожиданно резко отозвалась Линда. — Я же говорю, все классно будет. Через два дня получишь

свои диски и кое-что в придачу. Мешочек есть?

Нил принес с кухни плотный полиэтиленовый пакет и с тоской глядел, как она запихивает в него самые лучшие его пластинки. «Битлз», Сантану, «Роллинг Стоунз», Эмерсона, Эрика Бёрдена...

Он молча проводил ее до дома на Четвертой Советской, у дверей молча достал из спортивной сумки драгоценный пакет и вручил ей, молча кивнул и отвернулся. Подниматься к ней он не стал, ушел, не попрощавшись, и всю ночь ворочался без сна, предаваясь тяжелым, нехорошим мыслям. На другой день он искал ее на факультете, но она не появилась. И через день тоже...

Он пришел домой чернее тучи и, не разуваясь, бухнулся на диван. Потом встал, остервенело зарылся в жалкие остатки своей коллекции, извлек почему-то забракованный Линдой «Soft Parade», самый мрачный альбом группы «Дорз», и без того не отличающейся веселостью, небрежно вытащил, хватаясь пальцами прямо за черную блестящую поверхность диска, с маху водрузил на «Ригонду» и, не глядя, припечатал пластинку гнилым советским тонармом с видавшей виды корундовой иглой. В дина-

мике раздался омерзительный скрежет. Не один уважающий себя меломан не поступает так даже с дубовыми дисками фирмы «Мелодия», но Нилу было плевать. Все равно коллекции конец. По Линдиной классификации он, разумеется, идиот, окончательный и бесповоротный. Да и по любой другой тоже... То есть, он, конечно же, любит Линду, без колебаний отдаст за нее жизнь... Но пластинки... Инфернальный смех Джима Моррисона стучал в голове издевательским эхом...

Прохладная рука легла ему на лоб, и звонкий веселый голос ехидно осведомился:

— Лежишь?

Он встрепенулся, протер глаза, не вполне им веря.

— Поднимайся быстренько! — скомандовала Линда. — Поехали!

— Куда?

— Хорошенький вопрос! Сначала в твою сберкассу, потом на Апрашку. Славка ждать не будет.

— То есть, ты?..

Она победно вытянула вперед обе руки. В одной он увидел пакет со своими пластинками, в другой — несколько крупных купюр.

— Наше государство — полные идиоты! — убежденно заявила Линда, поставив на стол пустую рюмку. — Платят пенсии всяким ископаемым, рептилиям, которые не живут уже, а только небо коптят. Вот я бы давала пенсию как раз молодым, нам же еще жить охота, того охота, сего охота... Но от них, козлов, дождешься, как же, они дадут!

— Потом догонят и еще дадут! — подхватила Катя, подружка Ринго, крупная немногословная брюнетка, и заржала своим неподражаемым «ослиным» смехом, от которого Нила в очередной раз передернуло.

— Но если платить пенсию молодым, на стариков не останется, — попробовал возразить он.

— Ну и пусть, кому оно нужно, это старичье?! — хмыкнула Линда.

— Сама ведь когда-нибудь состаришься.

— Во-первых, это будет еще не скоро, если вообще будет, а во-вторых, я уж как-нибудь сумею подкопить на безбедную старость — и твою, кстати, тоже.

— Мерси. Однако не все же такие умные.

— Неумных пусть дети содержат, в наказание. А государство, чем пенсии

платить, лучше бы открыло в каждом городе центры эвтаназии.

— Какие центры? — не понял Нил.

— Эвтаназии. Безболезненного умерщвления. Ну, как больных и старых животных усыпляют.

— Током, что ли?

— Не обязательно. Лучше химию какую-нибудь. Наркотик с ядом. Глотнет старичок — и отчалит под ласковым кайфом, тихий и счастливый. А если перед этим еще организовать бедолагам недельку-другую райской жизни, уверяю тебя, отбоя бы от желающих не было.

— Ага, а жилплощадь и сбережения отдать молодым, — мечтательно проговорила Катя.

Нил рассмеялся, похоже, он принял эти слова за шутку.

— А вы, тетки, не только жестокие садистки, но и халявщицы бессовестные!

— Зато нежные и обаятельные! — улыбнулась в ответ Катя.

Они сидели в Линдиной комнате, обмывая удачную покупку. Сам агрегат, опробованный и всецело одобренный, стоял в углу — Нил не решился привезти его домой, а то пришлось бы объяснять бабушке, на какие шиши

куплено. Ринго с девушками угощались армянским коньяком и сухим винишком, для Нила были закуплены роскошные фрукты: персики, прозрачные сочные груши, грозди крупного янтарного винограда.

— А что делать? — Линда развела руки. — Если уж государству плевать на наши потребности, приходится самим заниматься их удовлетворением. И главное, многого-то не надо. Зима вот надвигается... Мне Славка сапожки австрийские отложил — закачаешься! А на «Горьковской» шубка висит как раз под эти сапожки. — Она посмотрела на Нила, Нил тоже посмотрел на нее, но ничего не сказал. — Ладно, лично я хочу кофе. Кать, пойдем заварим...

Девушки вышли, а Нил потянулся за очередным персиком.

— Ты извини, старик, только не очень красиво получается, — неожиданно сказал доселе молчавший Ринго. Нил удивленно и обиженно поднял брови. — Девочка помогла тебе, теперь ты ей помоги.

— Да я бы с радостью, только что я могу? У меня денег вообще не осталось.

— У тебя пластинки остались.

— Ну, остались...

— Так ссуди ей опять на пару дней, повторим операцию — и всего делов.

— Конечно. Только, слушай, я ведь так и не понял, как это она...

— А тебе ничего понимать не надо. Ты дай, а мы вернем с процентом.

— Может, все-таки объяснишь?

— Объяснять ничего не буду. Если хочешь, можешь все сам увидеть.

IX
(Ленинград, 1973)

— Ну, выбрали что-нибудь? — нелюбезно спросила продавщица сувенирного отдела.

Ее раздражение было нетрудно понять: посетители Гостиного двора проходило мимо этого хилого отдельчика, немногие останавливались на несколько секунд и, окинув беглым взглядом выставленный товар — топорных мишек с перекошенными физиономиями, горбатые шкатулки, вырубленные из полена в артели безруких инвалидов, красные флажки с бахромой и великое множество изображений одного и того же плешивого, раскосого гражданина с жиденькой бородкой, исполненных на бу-

маге, ткани, металле, пластмассе и стекле, — отворачивались и шли дальше. Иногда безмятежный покой продавщицы нарушали растрепанные, запыхавшиеся тетки с длинными списками в руках. Сверяясь со списками, тетки брали сразу по несколько десятков вымпелов, жестяных значков, медалек, а иногда и мишек со шкатулками, тщательно отсчитывали мятые купюры и непременно требовали товарные чеки. Это было продавщице близко и понятно: профсоюзные активистки, готовятся к какому-нибудь торжественному мероприятию или же спешно расходуют подотчетные средства в последние дни отчетного периода. Люди при деле, да и покупатели основательные. Эта же парочка юных оболтусов крутится возле прилавка уже минут десять, глазеет непонятно на что, покупать явно ничего не собирается, только держит несчастную женщину в напряжении...

Парень мотнул головой, положил на место бронзовую медаль с изображением ракеты и словами «Ленин жив вечно!» и начал отходить. Но девка, оказавшаяся намного наглее, удержала спутника и заявила продавщице:

— Еще нет. Покажите вон ту ложку.

Продавщица в сердцах хлопнула о прилавок длинную деревянную ложку с облупившейся краской, а парень неожиданно схватил девку за рукав и, показывая за окно, взволнованно зашептал:

— Ой, Линда, смотри, это же Стефанюк!

— Тиш-ше, — зашипела она и оттащила его в сторонку. — Стой так! — тихо сказала она, встав между Нилом и застекленным выходом на галерею. — Обними меня и смотри поверх моей головы. Ты будешь его видеть, а он тебя нет... Ну, что там?

— Стоит, мается. В ногах сумка... Какой-то типчик рядом крутится. Так, подошел. Стефанюк достает диски... Слушай, это ж не мои диски!

— Естественно, не твои. Что я, по-твоему, полная дура?

— Но я думал... Ой, смотри, никак Катя?!

— Правильно. Явление второе. Все идет по плану. Рассказывай, что она?

— Подходит к Стефанюку, осматривается. В руках пакет. Что-то говорит, он кивает. Она раскрывает пакет... Ага, вот и мои пластинки!

— Дальше!

— Стефанюк рассматривает... Трясет их, гад, нюхает даже. Слушай, зачем он их нюхает?

— Потом расскажу. Что сейчас?

— Два отложил, взял третий. Что-то спрашивает, она, похоже, не соглашается.

— Торгуются. Все верно. Теперь?

— Кладет в сумку. Деньги достал, пересчитывает. Озирается... Ох, атас!

— Что такое?

— Дружинники. Или менты переодетые. Здоровые, гады. Хватают его, руки выворачивают. В сумку лезут! Господи!..

— Спокойней, Баренцев!

— Но они же... Это же мое!..

— Да успокойся ты, дурила! Сколько прихватчиков?

— Д-двое... Один — совсем шкаф. Второй тоже не слабый!

— Этот второй — он в серой кепке с завязками на макушке?

— Да. Лица не вижу, спиной стоит... А что?

— А то, что все хорошо! Идем отсюда.

— Как это — идем?

— Ногами. Потом на троллейбусе.

— И куда?

— К нам, естественно. Бабки подбивать. Если точнее — делить... Ну, что дрожишь, маленький мой?

Она поцеловала Нила в щеку и потащила к лестнице.

Дверь им открыл Ринго, чем, похоже, очень удивил Линду.

— Ты уже здесь?! Как успел?

— Элементарно. «Волга», она побыстрей троллейбуса будет. И на остановке загорать не требуется.

Теперь черед удивляться настал Нилу.

— Так и ты там был?

— А как же! Кто, по-твоему, задерживал злостных спекулянтов импортными товарами?

— Но один-то мент был здоровый, как слон, а второй — в кепке и вроде без усов.

Ринго самодовольно усмехнулся и потянул за черный висячий ус. Усы отклеились.

— Сбрил! — ахнул Нил.

— Искусство требует жертв. А уж если искусство еще и навар дает...

Нил кивнул, а Линда сразу посерьезнела и спросила:

— Сколько взяли?

— Триста наличными и кое-что натурой, — столь же серьезно ответил Ринго.

Деловитая обыденность этого диалога подействовала на Нила, как ушат ледяной воды. Истерическая эйфория, в которой он пребывал в течение всего дня, моментально улеглась, и ему вдруг открылась неприглядная реальность сегодняшнего приключения. Мошенничество! Он стал соучастником мошенничества! Они обманом отняли у Стефанюка деньги и вещи, а теперь пришли делить награбленное.

«Но ты здесь не при чем. Ты же ничего не делал... А вдруг он тебя узнал? Или Линду?.. Но какова Линда! Во что меня втянула!»

Нестройный хор внутренних голосов заглушил один — взрослый, холодный, словно бы чужой: «Хорош прикидываться! Последний кретин бы понял, что эти денежки не с неба свалились. И ты прекрасно это понял, только не захотел в этом признаться. А теперь, когда деньги достанутся не тебе, ни с того ни с сего и ум пробудился, и совесть заработала. Большая ты скотина, Баренцев...»

— Эй, да что с тобой? — Линда подергала его за рукав. — Очнись, спящий красавец!

Он дал увести себя в комнату. На тахте лежала Катя и листала иллюстрированный модный журнал, а за столом, держа в руке литровую пивную кружку, восседал монументальный парень с открытым, несколько грубоватым лицом, будто срисованным с плаката «Если тебе комсомолец имя...». Нил даже не удивился, узнав в нем сегодняшнего напарника Ринго.

— Что ж, господа, все в сборе, прошу к столу,— провозгласил Ринго и обратился к сидящему за столом гиганту: — Леша, знакомься, это Нил, хозяин дисков.

— Образцов, — пробасил плакатный комсомолец и придвинул к Нилу полиэтиленовый пакет с пластинками. — Получите.

— Убедительно у вас получилось сегодня, — робко заметил Нил.

— Леша профессионал, социальный герой из областного драмтеатра, — пояснила Линда, а на выразительном лице Ринго появилась скептическая гримаса. — Ценнейший кадр... Но пластинки на всякий случай проверь.

Леша хмыкнул.

— Не доверяешь?.. И правильно делаешь. — Он достал из стоящей на полу черной сумки еще один яркий плоский

квадрат и метнул его поверх пакета. — Очинно я Фрэнка Заппу люблю, дорогой товарищ. Презентовали бы.

— Не вздумай, — строго сказала Линда. — А тебе, Образцов, стыдно. Своих не динамят. А Нил — свой в доску. Между прочим, мы с ним весной расписываемся.

— Поздравляю! — Социальный герой обаятельно улыбнулся, нисколько, похоже, не смущенный тем, что его только что поймали на мелком крысятничестве. — За это надо выпить.

— Сначала с делами закончим. — Ринго достал из кармана мятую стопку купюр и занялся подсчетом. — Значит, тебе полтинник обломился, держи... Нам с Катюшей — стольник на двоих, остальное, как договорились, Линде... Нил, тебе, дружок, не обессудь, в прошлый раз перепало.

— Да я и не претендую...

— А что натурой взяли? — осведомилась Линда, пересчитав свою долю.

Ринго кивнул Образцову, и тот водрузил черную сумку на стол.

— Боевой трофей, — сказал Ринго и похлопал сумку по кожаному боку.

— Премия! — радостно добавил Образцов.

— Которой тебе-то как раз и не полагается.

— Это еще почему?

Гигант набычился и грозно нахмурил брови. Он был здесь самый старший по возрасту и, вероятнее всего, самый сильный физически, но Нил с полной определенностью почувствовал, что никакой разборки не будет, а будет так, как скажет Ринго. И только так.

— А потому, что ты своими творческими находками чуть не запорол операцию. Ну, сунул ты этому марамою под нос красную книжечку, — Ринго постучал пальцем по лежащему на столе удостоверению с золотым гербом СССР, под которым Нил разглядел маленькие буквы «ДСО „Спартак“». — Но зачем при этом было вопить ему в ухо «КГБ!»? Зачем было меня называть «товарищ майор»? Тебе что, ставили задачу довести клиента до инфаркта? А черную «Волгу» зачем пригнал? «Москвича» достать не мог?

— Ну, для солидности... — пробубнил Образцов.

— Нам твоя солидность едва боком не вышла. КГБ, майоры, начальственная тачка. Еще бы пистолетом махать начал. Ты не в Голливуде, придурок! Катеньке,

умнице, спасибо скажи, что смекнула бучу поднять, когда мы ее в машину запихивали, нас как бы отвлекла и успела крикнуть ему, чтобы сматывался по-быстрому. Если бы не она, куда бы нам его девать было? В Большой дом сдавать?

Образцов угрюмо молчал. Ринго распахнул сумку и принялся доставать оттуда пакеты и свертки.

— О, водолазочка «Made in Finland». Катюша, примерь, это тебе приз... Блок «Мальборо» — ну, это на команду.

Ринго распаковал красно-белый блок и выдал Линде, Нилу и Кате по две пачки, а оставшиеся четыре спрятал обратно в сумку. Образцов выразительно посмотрел на него, Ринго ответил не менее выразительным взглядом, но одну пачку все же вытащил и швырнул артисту. Тот ловко поймал сигареты, тут же распечатал пачку и с довольным видом закурил.

— Чуингама никто не желает? Американский... А вот и музычка. Нил, по твоей части. Разберись.

Нил придвинул к себе пачку пластинок и принялся придирчиво их изучать. Конверты были изрядно потрепаны, но сами виниловые диски блестели как новенькие и выскальзывали из рук, остав-

ляя на пальцах маслянистый след. Нил принюхался, точь-в-точь как Стефанюк два часа назад, и ощутил еле заметный запах постного масла.

— Леченые? — понимающе усмехнулся Ринго, взглянув на него.

— Полный идиотизм! — не выдержал Нил. — Их же теперь вообще нельзя слушать.

— Зато приобрели товарный вид, — заметил Ринго и сгреб пластинки обратно в сумку. — Вроде все, деловая часть закончена. Не послать ли нам гонца за бутылочкой...

— Винца! — радостно закончил Образцов и посмотрел на Нила. — Идет самый младший.

— Хрен тебе! — заявил Ринго. — Нил не участвует, ему пить нельзя. Сам сбегаешь.

Артист крякнул.

— Ладно, сгружайте по червончику.

Он собрал деньги и исчез в прихожей.

— Я тоже пойду, пожалуй, — сказал Нил. — Сессия скоро, готовится надо.

— Пластинки заберешь или оставишь? — спросил Ринго.

— А что, опять для дела нужны? — напряженно спросил Нил.

— Нет пока. — Ринго встал и с хрустом потянулся. — Такие схемы часто повторять не рекомендуется.

Пластинки Нил забрал.

X
(Ленинград, 1973—1974)

Сессия неумолимо надвигалась. Нил зарылся в учебники, норовил выступить на каждом семинаре, автоматически зарабатывая зачеты. К тому же Пушкарев подписал «Ниеншанц» на две большие предновогодние дискотеки — на заводе и в техникуме. Две недели Нил встречался с Линдой только на факультете. За всеми заботами невеста временно отошла на второй план. Но в один прекрасный день, морозный и солнечный, ему удалось спихнуть сразу три зачета, два из которых считались легендарно несдаваемыми с первого раза, и тут обнаружилось, что до Нового года осталось четыре совершенно свободных дня и еще несколько дней после — первый экзамен поставили только на восьмое января. И сразу захотелось оказаться рядом с Линдой. Пока голова его была занята науками, он даже не сознавал, на-

сколько истосковался по ее гибкому, сильному телу, острому и недоброму язычку, по чуть жутковатой и тем более манящей ауре недозволенности, риска, хождения по краю пропасти, которую излучало все ее существо.

Факультет он покинул в восьмом часу, а в четверть девятого уже звонил в дверь дома на Четвертой Советской, держа за ленточку шоколадный торт, купленный по дороге в «Севере». Ему долго не открывали, хотя в квартире определенно кто-то был — на лестничную площадку доносились отзвуки негромкой музыки и оживленных голосов. Он позвонил еще и еще раз, потом повернулся к двери спиной и принялся громко лягать ее тяжелыми зимними ботинками. Кончилось это тем, что он чуть не растянулся на полу прихожей, не уловив момент, когда дверь внезапно распахнулась. От падения его спасла Линда, продемонстрировав отменную реакцию, — успела отпрыгнуть назад и выставить руки, принявшие на себя Нила, который влетел спиной вперед. Так оба удержались на ногах, правда, прозрачная ленточка, которой был перевязан торт, не выдержала испытаний и порвалась. Коробка с тортом описала

в воздухе пологую дугу, впечаталась в дальнюю стену и лопнула, оставив на обоях шоколадную кляксу.

— Что за шум, а драки нет?! — крикнул из комнаты Ринго грубый, нетрезвый и совершенно незнакомый голос.

— Ерунда, сосед торт уронил, — отозвалась Линда.

Последовал характерный Катин смех, скрип стула и голос Ринго:

— Да сиди, Жора, без тебя разберутся.

— Линда, какой сосед, что вообще?.. — начал Нил, выкарабкиваясь из ее объятий.

Она чмокнула его в ухо и прошептала:

— Тс-с, так надо. Сегодня побудешь соседом. К Ринго не суйся, сиди на кухне.

Линда отошла от Нила, нагнулась и стала подбирать остатки торта и запихивать их в коробку.

— Объясни все-таки, что все это значит, что за Жора такой...

— Раздевайся и иди на кухню! — приказала она.

— Но я пришел к тебе...

Она выпрямилась, положила руки ему на плечи, заглянула в глаза.

— Потерпи... Прошу тебя, ничему сегодня не удивляйся и не возмущайся. Скоро сам все поймешь. — Она стремительно поцеловала его в губы и вновь занялась тортом. — Ну вот, только помялся немного, и розочка одна расплющилась... Все, ступай...

Он пил крепкий чай, яростно ковырялся ложкой в раздавленном торте и дико злился на Линду. Хороша невеста! Сколько времени не виделись толком, и вот как она его встречает. Нет, надо с ней очень серьезно поговорить, как только... Как только уберется этот неведомо откуда взявшийся Жора.

Заскрипела дверь, и на кухню выгреб тип, настолько неприятный, что Нил сжал зубы. В незнакомце было мерзко все — узкий и короткий дегенеративный лобик, мелкие глазки, разделенные микроскопической переносицей, треугольный нос с вывороченными ноздрями, мощно выпирающие челюсти; бордовый костюмчик с эстрадными блестками, некрасиво облегающий низкорослую, кряжистую, отнюдь не эстрадную фигуру; достающие до колен ручищи; густой алкогольный выхлоп, мгновенно заполнивший кухню. Особенно же взбесили Нила модные аккуратненькие бачки,

придававшие гостю вид настоящей гориллы.

— Ты с-сосед? — с присвистом осведомился незнакомец, демонстрируя золотые фиксы в кривогубом рту.

— Ну,— неприязненно отозвался Нил.

Гориллообразный бакенбардист опасливо огляделся и перешел на заговорщицкий шепот:

— Слышь, друган, выручай, а?

— А что надо-то?

Нил напружинился и убрал под стол руку, в которой держал ложку. Если его неприятный собеседник вдруг вздумает заниматься рукоприкладством, то пока на выручку не прибежит Ринго, придется держать оборону. А этот тип, хоть и пьян, но в драке вряд ли оставит Нилу хоть какие-то шансы, если только не подловить его на неожиданности. Ложкой в брюхо или в горло, ногой по яйцам и бежать...

— Азартный я, понимаешь... А уж как поддам... ва-аще того... ну, этого...

Цицерон, блин! Quod tandem, Catilina...*

— Жорик, ау, где вы! — послышался кокетливый Катин голосок, и тут же вступил Ринго:

---

* Доколе, Катилина *(лат.)*.

— Жорж, в самом деле, карты стынут, водочка теплеет.

Жорик встрепенулся, полез в карман. Нил сжался в комок.

— Сховай, будь друг... До утра, а? — Он положил перед Нилом пухлый, замусоленный конверт. — А то ведь до грошика продуюсь... А? В долгу не останусь...

Нил посмотрел на конверт и тяжело вздохнул.

— Ох, дядя, не садился бы ты в карты, раз вовремя остановиться не можешь.

Жорик угрожающе поднял брови:

— Учить меня будешь?!

Нил отодвинул конверт, и Жорик мгновенно сменил интонацию:

— Слышь, ну, не сердись, а? Прими на хранение, а? Хочешь, на колени встану, а?

Нил нерешительно положил на конверт два пальца.

— Ляленька, ты не взглянешь, куда там Жорж запропастился? — произнес в комнате Ринго.

Они еще и Ляленьку какую-то притащили... Скрипнула дверь, и послышался голос Линды:

— Заодно чайник поставлю.

— Ладно, давай сюда,— решился Нил и прикрыл конверт номером «Литературной газеты».

Жорик мгновенно расслабился, обмяк и плавно завалился под стол.

Вошла Линда с чайником в руках.

— А, Сергей Петрович, добрый вечер! — сказала она, отчаянно семафоря Нилу лицом и свободной рукой. — Жора, что с вами, вам плохо?

— Од-дыхаю! — отозвался тот из-под стола.

— А не лучше ли на диванчике?

— От-ставить диванчик! Перекур закончить!

Жора поднялся на карачки, со второй попытки встал и преувеличенно твердой походкой направился в комнату. Линда набрала в чайник воды, поставила его на газ, присела Нилу на колени, обняла его и приложилась губами к его губам. От нее пахло сладким вином. На поцелуй Нил отреагировал вяло — просто не отвел губы, и все.

— Дуешься? — спросила она с таким простодушным видом, будто и впрямь не могла взять в толк, с чего бы это.

— Нет, счастлив! — прошипел он. — Без ума от того, что Ляленька, оставив

Жорика, пришла лизаться с соседом Сергеем Петровичем!

— Дурачок, — ласково проворковала Линда, прикрыв ему рот пальчиками. — Имена у нас с тобой больно приметные, запоминающиеся, а чем меньше этот козел про нас запомнит, тем лучше...

— Так вот, значит, как? Бизнес?

— Дойка, малыш, дойка.

— Дойка пьяного козла?

— Что делать, зайчик. Если хочешь жить красиво... Хочешь?

— Хочу.

Она рассмеялась и поцеловала его. На этот раз он ответил.

— Ладно, пора. Дождешься меня?

— А как же! — Нил улыбнулся. — Иди с Богом, Козлодоева. Если что — я Серега!

Нил не стал говорить Линде про конверт, полученный от Жоры, подозревая, что она начнет убеждать его не возвращать конверта. Если не сумеет убедить, между ними произойдет серьезная размолвка, если же сумеет — он больше не сможет себя уважать. Как бы ни был противен ему этот Жора, доверие есть доверие.

Нилу очень хотелось заглянуть в конверт, но он был заклеен. Уже в комнате Линды Нил разобрал на обмахрившейся

поверхности — должно быть, Жора долго таскал в кармане — карандашную надпись «Г. Манюнину». Или Манюхину. Конверт был набит какими-то бумажками, но на ощупь было не разобрать, деньги там или что-то другое. На всякий случай Нил решил убрать его в местечко поукромней и, подумав, засунул глубоко под «филипсовскую» деку. Потом поставил на нее раритетную пластинку с критскими песнями в обработке Брайана Джонса, завалился на диван с томиком пьес Сартра и под заунывные песнопения и занудных «Мух» незаметно заснул.

Первое, что он увидел, проснувшись, была Линда. Она стояла во всегдашнем своем траурном облачении перед распахнутой створкой шкафа и придирчиво изучала в зеркале свое личико.

— Да хороша, хороша, — с усмешкой сказал Нил.

— Гутен морген, либер цушауэр!*

— От Шниперсон слышу!

Линда рассмеялась.

— Да это я к зачету по немецкому готовлюсь... Посмотри, не сильно я потрепанная?

---

* Доброе утро, дорогие зрители! *(нем.)*

— Сообразно возрасту и образу жизни. — Нил едва увернулся от полетевшей в его голову расчески. — Как вчерашний надой?

— Рекордный! Золотой человечек попался. — Она облизнулась. — Побольше бы таких Жориков.

— Еще спит или уже опохмеляется?

— Кто?

— Ну, Жорик, естественно. Золотой козел.

Она махнула рукой.

— Вот еще! Продулся, с горя употребил все наши припасы и в половине пятого отправился искать добавки.

— И до сих пор не вернулся?

Линда выразительно покрутила пальцем у виска.

— А нам это надо? Мы что, по-твоему, просто так его до утра в двойной дупель накачивали? Просто так на дорожку четвертной подарили? Ты бы видел его под конец — натуральный коматозник, не соображал, на какой планете находится, не говоря уж в каком доме.

— Но ведь он мог замерзнуть, в вытрезвитель попасть...

— В вытрезвителе уют, сапогом по морде бьют... — пропела Линда на мотив

известной песенки. — Это не наши проблемы. Пойми, золотко мое, такие Жорики — продукт одноразовый... Ладно, я побежала, пожелай мне ни пуха, ни пера.

— Иди к черту!

Как только дверь за Линдой закрылась, Нил вскочил с дивана, вытащил из-под проигрывателя конверт и торопливо вскрыл его. В конверте оказалась туго завернутая в газету пачка бумажек. Газета называлась «Северный путь», а бумажки назывались чеками Внешпосылторга. Эти бумажки были Нилу неплохо знакомы — такими с матерью расплачивались за выступления за рубежом. Те же деньги, только намного лучше, потому что на них в специальном магазине можно было купить то, что на рубли не враз купишь. Хорошая импортная одежда и обувь, всякая домашняя техника. Да те же фирменные сигареты, которые обычный человек мог купить только с рук рубля за полтора и за которые Ринго с Линдой платили по десятке за блок, стоили в том магазине на набережной Макарова семнадцать копеек. А здесь... Нил торопливо пересчитал. Шестьсот семьдесят два рубля! Значит, если на всю эту сумму купить

сигарет, а потом продать хотя бы по рублю... Дрожащими руками Нил вытащил из портфеля ручку и занялся подсчетами прямо на «Северном пути». Цифра получалась умопомрачительная — почти четыре тысячи рублей! Так, спокойно, спокойно, спокойно...

Во-первых, это еще не его деньги. Что бы там не говорила Линда о вчерашней (точнее, уже сегодняшней) невменяемости Жорика, нет и не может быть никакой гарантии, что тот не проспится и не припомнит, где именно он был и что именно делал. А припомнив, явится... Но даже если и не явится — разве не полагалось бы самому Нилу разыскать этого самого Г. Манюнина или Манюхина и отдать то, что было ему передано на сохранение?.. С другой стороны... Где ж его искать-то теперь? И вообще, кому надо кого искать? Кому это выгоднее? Вот пусть Манюнин и ищет, раз уж так фраернулся. Надо выждать. Найдет его Манюнин — получит назад свои сокровища, а не найдет — ну что ж...

Его терпения хватило ровно на три дня. Тридцать первого декабря, мотаясь по городу в поисках новогодних подарков и не найдя ничего достойного вни-

мания, он зарулил в чековый магазин и после мучительных колебаний приобрел-таки блок любимого Линдой «Кента», а заодно уж серебряный кулон в форме льва для матери (та была по гороскопу львицей) и веселенький вязаный шарф для бабушки. Потом подумал и прикупил яшмовые серьги для Линды. Хотелось, конечно, чем-нибудь порадовать и себя — особенно приглянулись высокие замшевые ботинки с бахромой, — но тут уж Нил нашел в себе силы сказать «нет» и ограничился немецким комплектом струн для акустической гитары. В общем, наследство товарища Манюнина сократилось на сертификатный сороковник. Опять же сам виноват, козел!

Подарки родным он сложил под мохнатую синтетическую елочку. Натуральную елку в их доме не покупали уже года четыре, когда мать вдруг обнаружила, что ее Нилушка — уже не маленький мальчик, верящий в Деда Мороза и добрые чудеса, а крупногабаритный подросток, имеющий второй взрослый разряд по плаванию и носящий обувь сорок четвертого размера, и подростку этому всякие там елочки до фени. Держать такую позу было проще и престижней,

чем признаваться самому себе, что елка неприятна ему именно в этом доме, где создаваемый ею праздничный уют лишь оттенял разлитое здесь ощущение душевного холода, одиночества и неприкаянности.

Новый год всегда усиливал в нем эти чувства, потому что как раз в этот день он становился в доме особенно лишним. Мальчишкой бабушка засветло отводила его к знакомой пожилой бездетной паре, где его утыкали носом в телевизор и закармливали всякими вкусными вещами, так что просыпался он с расстроенным желудком и несвежей головой. Первого января бабушка забирала его, и под елкой он находил что-нибудь дорогое и неизменно практичное. Теперь он называл такие новогодние подарки «отдарками» и сам норовил отдариться, по возможности, непустячно.

Потом, когда он подрос, бабушка стала брать его с собой в Большой зал Филармонии на традиционные концерты, неизменное участие в которых принимала заслуженная, а потом и народная артистка РСФСР Ольга Баренцева. После концертов артисты и «своя» публика отправлялись на грандиозный банкет в Дом актера. Поначалу приподня-

то-оживленная атмосфера праздника захватывала его, он подпевал взрослым песням, смеялся взрослым шуткам, вместе со взрослыми поднимал бокал с шампанским, когда часы били полночь, но потом быстро уставал, куксился, и бабушка начинала одергивать его, тихо шипеть и грозить, что больше никогда не возьмет его сюда. Да не очень-то и хотелось! Начиная с восьмого класса Нил встречал Новый год только в компании сверстников, а поскольку они обычно отмечали этот праздник в кругу семьи, компания чаще всего получалась случайная...

Но в этом году Ринго с Катей укатили куда-то в другой город, и праздновали они вдвоем. Повариха из Линды была никакая, пировали они при свечах развесными салатами и кулебяками, закупленными в кулинарии на Малой Садовой, но это ровным счетом ничего не меняло. Под бой курантов Нил рискнул даже выпить шампанского, точнее, не шампанского, а красного «Игристого донского» и нашел его совершенно восхитительным и нисколько не опасным для печени. Встретив Новый год, они тут же, как малые дети, полезли под елку и чувствительно соприкоснулись голова-

ми. Линда пришла от подарков Нила в восторг и пылко расцеловала его; то же, что преподнесла ему Линда, несколько его озадачило.

— Спасибо за подарок, — сказал он, вертя в руках красивый кожаный футляр, из которого он только что извлек и нацепил на переносицу большие дымчатые очки в тонкой оправе. — И спасибо за деликатность.

— То есть?

— Ты нашла самый необидный способ намекнуть мне, чтобы не выставлял напоказ свои дивные очи.

— А что такое?

Ее смущение было настолько естественным, что он не мог не рассмеяться.

— Так ты что, до сих пор не заметила? — с заметным облегчением спросил он.

— Что я должна была заметить?

Он включил верхний свет и приблизил к ней свое лицо.

— Ой! Надо же, а я только сейчас увидела... Слушай, ты ведьмак, да?

Нил ссутулился, подражая позе гориллы, с силой зажмурился и замогильным голосом провещал:

— Поднимите мне веки!

— Нет уж, постой так секундочку... Все, теперь можешь открыть.

Он послушно открыл глаза — и увидел в ее руке два красивых буклета с фотографией улыбающегося лыжника на заснеженном горном склоне.

— Что это?

— Второй подарочек. Путевки. На каникулы в Теберду махнем. Годится?

— Годится. А Теберда — это где?..

В начале второго они вышли на заснеженный, безлюдный и сверкающий праздничными огнями Суворовский, в обнимку дошли до Невского и закружились в вальсе прямо посреди пустой проезжей части. К ним подходили веселые люди, поздравляли, посыпали конфетти, угощали вином. Потом Линда стала доставать из сумки бенгальские огни, хлопушки, петарды, и они устроили фейерверк. Потом они увязались за какой-то особенно веселой компанией и долго шагали неизвестно куда, распевая всякие песни, народные и инородные. Потом катались по ночному городу на сером техническом трамвае, а утро встретили в теплой, тесной дворницкой в обществе растрепанного и очень пьяного бородатого субъекта, уверявшего, что он — знаменитый художник-обструкци-

онист и внучатый племянник выдающегося белогвардейского писателя Мекрежовского.

— Подумаешь, Мекрежовский! — морщила носик подвыпившая Линда. — Зато у меня муж — великий колдун и маг!

— Этот, что ли? — смеялся обструкционист, тыкая пальцем в Нила. — А чем докажешь?

— У-у-у! — завыл, поднимаясь, Нил. — Зри, простец, и дивись деяниям посвященных! Тыгыдым-шыгыдым-быгыдым...

Делая отвлекающие пассы одной рукой, другой он незаметно придвинул к себе сумку, беззвучно расстегнул и достал прихваченную из дома бутылку «Наурского», каковую и продемонстрировал слегка загипнотизированному обструкционисту.

— Вот это я понимаю, вот это магия! — восхищенно бормотал тот. — А закусь тоже могешь?

Такого веселого Нового года у Нила еще не было. Порадовало и то, что его ослабленная гепатитом печень вполне выдерживает умеренные, по российским стандартам, нагрузки (бутылка игристого, стакан десертного и несколько основательных глотков водки прямо из

горлышка), и, стало быть, в рекомендованном врачами полном воздержании смысла нет.

Зато скоро открылся основной смысл подаренных Линдой дымчатых очков. Пятого января вернулись Ринго с Катей. Привез их какой-то незнакомый Нилу пижон в клетчатом пальто и роскошной пыжиковой шапке. Нил был отправлен в булочную, Линда с Катей принялись хлопотать на кухне с привезенными деликатесами, а пижон уединился с Ринго в комнате, куда принесли какие-то пакеты. Когда Нил возвратился с двумя буханками теплого хлеба, незнакомца уже не было, а Ринго с довольным видом перебирал толстую пачку денег.

— Нехило, — откомментировал Нил, плюхнувшись на стул перед тарелкой с дымящейся яичницей, приправленной ароматной аджикой. — С пользой прокатились.

— Не без того. Кстати, процентов пять твои.

— Откуда?

— Помнишь диски «леченые»?

— Помню. Продали, что ли?

— Не совсем. Поменяли. Там, на юге, мастера есть, такие джинсы ваяют — от фирменных не отличишь, шовчики гра-

мотные, все лейблы на местах. Взяли оптом по три-ноль, Толяну сдали по шестере, а он их по стольнику загонит. Вот и вся тебе высшая математика.

— Здорово! Так это и был тот самый знаменитый Толян?

— Он самый. Партнер проверенный. Ну что, сейчас свой четвертной примешь или?..

— Подожду, когда подрастет. — Нил усмехнулся.

— И правильно. Может, и сам садовником поработать хочешь?

— Так ведь... это... — Нил смутился и долго подбирал слова. — Это смотря, что делать надо. Покупать-продавать я не умею, мента изображать — тоже.

— Это и не обязательно. Вариантов много, выбирай любой... Красивые у тебя очки.

— Линда подарила, — с гордостью сказал Нил.

— Линда, она девочка умная... Торопишься куда-нибудь?

— Не особенно. К экзаменам вот готовиться надо. А ты что предлагаешь?

— Пулечку расписать не желаешь?

— Да я почти не умею. В больнице чуть-чуть поднатаскался — и все.

— Но правила-то знаешь?

— Правила знаю.

— Это главное. Остальное придет с практикой.

После завтрака Линда умчалась в университет сдавать хвосты, Ринго достал новенькую колоду карт, а Катя принялась расчерчивать пулю на троих. Обговорили условия, сдали карты. В первом же розыгрыше Нил опозорился, наиграв бланкового короля Кате, объявившей шесть пик, и тем самым спасши ее от верного подсада. Во втором он сам объявил шестерик, имея на руках гарантированные восемь взяток.

— Чайник — это страшная сила, — ворчал Ринго. — Запомни хотя бы, что в колоде четыре туза, а в каждой масти по восемь карт. И будь, пожалуйста, повнимательней.

Нил пытался, по мере сил, внять его рекомендациям и вскоре обнаружил странную вещь. На рубашках довольно отчетливо проступали нанесенные тонкой черной линией значения каждой карты. У Ринго, сидящего напротив и державшего веером разложенные по мастям карты, он увидел пять пик с тузом. Катя сидела боком, и ее карт он не видел.

— Шесть пик, — сказал Ринго.

— Пас, — объявила Катя.

Нил посмотрел на прикуп. На верхней карте было кривовато нацарапано «9 треф». Никчемная вроде бы карта, но... Нил еще раз проглядел свою сдачу и ахнул про себя. Семь, девять, валет пик, семь, восемь, десять червей, семь, валет, дама и туз треф. При таких картах девятка...

— Ваше слово, сэр, — улыбаясь, проговорил Ринго.

— Да уж рожай, будь любезен, — подхватила Катя.

— Мизер! — бухнул Нил.

Под девяткой лежал король бубен, благополучно откочевавший в снос.

После этой удачной для себя сдачи Нил напряженно следил за партнерами — неужели они не видят этих знаков? Судя по игре, не видят, и это было странно. Почему-то вспомнилась ясновидящая Роза Кулешова, про которую в свое время много писали и говорили, а потом, как по команде, забыли. Но если бы вдруг такой дар прорезался у него, то он должен был бы видеть сквозь рубашку аверс карты в зеркальном отражении, но уж никак не эти каракули. Стало быть, дело в другом...

Проверить очки он сообразил не сразу. Запасовав на очередной сдаче, снял их, чтобы протереть — и увидел, что нанесенные на рубашку рисунки исчезли. Надел — они появились вновь. Вот такие чудо-очки подарила ему Линда. Ну, хитрюшка! Скоро, если верить народной мудрости, будем жить в Сочи и при этом не работать...

При подсчете Нил оказался в плюсе на тысячу двести тридцать вистов. Если бы вист стоил десять копеек, он выиграл бы сто двадцать три рубля. Три стипендии. За полтора часа. Но поскольку игра была разминочная, по полкопеечки, получил он только лишь шесть рублей, немедленно ему выданных, и глубокое моральное удовлетворение.

— Браво! — заметил Ринго.— Как насчет еще по одной?

— Может, теперь на настоящие деньги? — робко предложил Нил.

— Вот это разговор! — обрадовалась Катя. — Сколько можно без толку стирки трепать.

— И по сколько? — осведомился Ринго.— По две копеечки?

— По гривеннику! — смело заявил Нил.

— А ты готов?

Ринго пристально и серьезно посмотрел на Нила. Тот убежденно кивнул.

Но случилось ужасное, будто взмахнула клюкой злая колдунья. Цифры и знаки мастей вдруг исчезли с рубашек, словно их там никогда и не было. Сгоряча он даже порывался заявить партнерам об этом возмутительном факте, но вовремя прикусил язык: в предыдущей партии он же промолчал, так что время ли теперь?.. А карта шла безобразная. При каждом розыгрыше он либо оставался без двух на шестерной, либо хватал по восемь взяток на распасах. Впрочем, нет — один раз он для разнообразия схлопотал «паровоз» из пяти взяток на мизере, а один раз, заказав вроде бы непробиваемые девять взяток, не учел, что заход чужой, попал под ренонс и оказался без трех. Город Сочи исчезал в тумане...

— Ну ты супер! — высказался Ринго, подсчитав итог. — Вот, прошу убедиться, с тебя двести восемьдесят семь рубликов. Года три назад хватило бы ровно на сто бутылок водочки. Однако водочка нас не интересует, а интересует наличность. Когда можно получить?

— А? — Нил был настолько потрясен результатом, что даже не слышал вопроса.

— Когда расплатишься, спрашиваю. Или будем другие решения искать?

Интонация Ринго не понравилась Нилу. Кровь прилила к лицу, руки задрожали.

— Другие решения — в смысле, в морду? — вызывающе спросил он.

— Ну зачем же сразу в морду? Непродуктивно. Подумай сам, сколько надо твою вывеску метелить, чтоб без малого три сотни отбить? Дашь расписку, возьмешь на себя некоторые обязательства...

— Какие, интересно?

— Ну, так... Всякие небольшие услуги... На мое усмотрение.

Нил сокрушенно вздохнул. В глазах Ринго мелькнул хищный огонек.

— Ты спрашивал, когда можно получить?

— Да.

Такого поворота темы Ринго явно не ожидал.

— Если согласишься взять сертификатами один к пяти, то в течение часа. Иначе — через три дня. Мне понадобится время, чтобы их загнать.

— Один к четырем, — моментально среагировал Ринго.

— Тогда через три дня картавыми. Срок мы не оговаривали, а я и без того в накладе.

— А ты молодец. — Ринго похлопал Нила по плечу. — Другой бы на твоем месте сейчас рыдал или начал выступать, что его нехорошие люди облапошили. Хотя «нехорошие люди» всего-навсего приняли меры, чтобы не облапошили их самих.

— Как это понимать?

— А так и понимать. — Ринго подошел к письменному столу и достал из ящика точно такие же очки, как те, что украшали переносицу Нила. — Я же сам Линде поляризующие очки достал. А она тебе передарила. Так что извини, пришлось поменять крапленую колоду на обычную.

— Так ты с самого начала все знал?

— Конечно.

— И все равно возьмешь с меня деньги?

— Обязательно. Глупость и жадность — слишком дорогие удовольствия, и если хочешь жить хорошо, надо от них отказываться... Без обид?

Ринго протянул руку.

Нил вздохнул и ответил на рукопожатие.

— Без обид, — твердо сказал он.

XI
(Ленинград, 1974)

Лицо у матери было злое и растерянное.

— Я ничего не желаю слышать! — гремел ее прославленный голос, и в резонанс ему звенела посуда на обеденном столе. — Тощая авантюристка, кошка драная из какого-то Мочегонска! Не допущу!

— Во-первых, я уже сутки как совершеннолетний и вполне могу принимать самостоятельные решения.

— Да? А во-вторых?

— А во-вторых, город называется не Мочегонск, а Мончегорск. И не пытайся острить, если не умеешь.

— Ах, вот как? Спасибо за критику!.. Может быть, вы и жить собираетесь в этом благословенном городишке, в блочном бараке с видом на гипсового Ильича?

— К твоему сведению, никаких гипсовых Ильичей там нет, а на центральной площади стоит роскошный бронзовый лось...

— Лось? Очень уместно. И месяца не пройдет, как она наградит тебя рогами не хуже того лося.

— Не смей оскорблять Линду, слышишь! Она не такая!

— Все они не такие. До свадьбы. А как получат свидетельство о браке и ленинградскую прописку, так и пускаются во все тяжкие. Знаем мы этих провинциальных проныр! Имей в виду, я не намерена спокойно смотреть, как мой сын собственными руками губит свою жизнь!

— Да плевать тебе на мою жизнь и всегда было плевать! Ты в свою жизнь вторжения боишься, боишься неудобств. Не беспокойся, мы ни на что не претендуем и помощи просить не намерены — крыша над головой у нас есть, и себя мы как-нибудь прокормим.

— Себя — может быть. А ребенка?

— Какого ребенка? Детей мы пока не планируем.

— Так она даже не беременна?! Тогда я вообще не понимаю, зачем надо жениться?

— Потому что я люблю ее! Ты хоть понимаешь, что это такое? Хотя да, конечно, понимаешь, ты же каждый вечер поешь о любви!

Мать грохнула об пол пустую тарелку и выбежала в коридор.

— Жестокий ты, внучек, — сказала бабушка...

Ольга Владимировна, и прежде не злоупотреблявшая общением с сыном, теперь и вовсе перестала с ним разговаривать, да и он старался поменьше показываться ей на глаза, проводя все время у невесты. В тех редких случаях, когда они сталкивались — обычно это происходило во второй половине дня, когда Нил после занятий забегал домой принять ванну или забрать что-нибудь нужное, — мать окидывала его пламенным взглядом, в котором он читал: «У меня больше нет сына!» — «Актерка! — думал он: — Тоже мне, мать-перемать! Обойдемся!»

И обходились. Из Теберды компания возвратилась несколько богаче, чем уехала. Помогли и Ниловы волшебные очки, и еще кой-какие фокусы — условные сигналы, рельефные наколки на картах. Имелись и другие схемы, сути которых Нил не знал, только видел, как из комнаты, записанной на девчонок — реально в ней жили Катя с Ринго, — выходил какой-то толстый человек и в коридоре дрожащими руками совал Ринго деньги. Нил не вникал: здешний отдых был полноценен и радостен. Утром и днем — походы, головокружительные спуски на горных лыжах, вечерами — карты и лег-

кое музицирование, ночами — Линда. Возвратился он, окрепший физически и за две недели полностью покрывший свой недавний проигрыш.

День свадьбы приближался. Нил совсем перестал бывать дома, но и на Четвертой Советской становилось день ото дня скучнее. Линда, завалившая зимнюю сессию, интенсивно готовилась к пересдачам и целыми днями пропадала в Публичке на Краснопутиловской. Ринго с Катей снова укатили куда-то. «Ниеншанц» находился в стадии реорганизации: Геру Гюгеля с треском вышибли с пятого курса, и он скрывался от весеннего призыва у родственников на Урале, а нового соло-гитариста они пока не нашли. Возвратясь с лекций, Нил маялся бездельем, слонялся из угла в угол, едва ли не каждый час примерял свадебный костюм, закупленный все в том же чековом магазине. Линда приходила поздно, вымотанная до предела, наспех ужинала и бухалась в кровать, а Нил, взяв книжку или гитару, пил чай на кухне, наигрывал что-нибудь тихое и лирическое и идиллически тосковал.

В один из таких вечеров, когда до регистрации оставалась всего неделя, в

квартиру решительным шагом вошел чуть запыхавшийся Ринго.

— Одевайся, поехали, — кинул он Нилу.

— Куда? Зачем?

— Надо у родственника вещички забрать.

— В такое время? Полночь скоро.

— Он завтра утром уезжает.

— А я тебе зачем?

— Нести поможешь. Вещей много.

Они довольно долго ехали на метро, потом еще шли куда-то по унылым улицам, застроенным одинаковыми длинными девятиэтажками. Та, возле которой остановился Ринго, ничем от других не отличалась.

— Жди здесь, — бросил он, показывая на сырую скамейку у крайнего подъезда.

— Так ведь мокро...

— Ну, пройдись. Только недалеко. Я скоро.

Он исчез в подъезде.

В одной умной книжке Нил вычитал, что труднодоступное в теории понятие относительности времени знакомо каждому в обыденной практике. Сколько длятся пять минут, когда вы ждете любимую на назначенном свидании, и сколь-

ко — когда вы на это самое свидание опаздываете? И то обстоятельство, что ждал он отнюдь не любимую, бега времени не убыстряло. Нил выкурил три сигареты подряд, начал четвертую, закашлялся и выкинул в лужу. Проходившаяся правая подметка не хуже насоса закачивала воду с мокрого тротуара. «Простуда обеспечена, — обреченно подумал он. — А может, ну его на фиг, этого Ринго, и без меня справится, на метро бы только успеть».

Нил дошел до соседнего дома, столь же безликого и длинного, и сообразил, что совершенно не представляет себе, где метро. Фонари на широком безымянном проспекте горели через два на третий, прохожих в этот мрачный, поздний час не было, из транспорта — лишь редкие, стремительные автомобили.

— Тьфу! — сказал Нил и двинулся поскорее назад, пока окончательно не потерял ориентировку и мог еще найти подъезд, где расстался с Ринго.

А вот, кстати, и он. Стоит у той самой скамейки, поставив на нее две объемистые сумки.

— Ну, где черти носили? — сердито спросил Ринго, завидев Нила. — Я же сказал: жди здесь. Ладно, бери сумку —

и ходу. Последнюю электричку пропустим.

Не пропустили. Ринго развалился на скамейке в пустом вагоне, закурил и с ухмылкой поглядел на Нила.

— Родственничек-то ничего попался, небедный. Реализую, потом и вам с Линдой деньжат подкину. Вроде как приданое.

— Что за родственник? — внезапно насторожившись, спросил Нил.

— Дедушкин двоюродный брат. В Ростове зажмурился, наследство оставил. Я его и не знал совсем.

— А-а. — Нил мгновенно успокоился. — Слушай, но это же твое имущество. Нам чужого не надо.

— Бери, пока дают. Куда мне, солить, что ли? Деньги — грязь. Но без них тускло. А я не хочу, чтобы мои друзья жили тускло.

— Ринго, — прочувствованно сказал Нил. — Будь моим свидетелем на свадьбе.

Ринго прыснул в кулак.

— Ты что?

— Спасибо, конечно, только извини, старик, не могу.

— Почему? — обиженно спросил Нил.

— Я на этот день уже приглашен в свидетели.

— Кем?
— Линдой.

Жених был весь в белом, зато невеста!.. С белокурой, чуть завитой головы эффектно ниспадала черная фата, черный кружевной подол подметал загсовский ковер, на плече, вцепившись коготками в черный газовый шарфик, ошалело таращился крошечный черный котенок. Присутствующих было немного: Ринго с Катей, Джон с Йоко, казавшиеся в этом зеркально-хрустальном зале особенно пыльными, успевшие уже залить глаза Ларин с Пушкаревым, чуть особняком — сияющая, как всегда безупречная, Таня Захаржевская, из чувства высшей симметрии и поэтической справедливости приглашенная Нилом в свидетели*. Родственники представлены бабушкой, сидящей с каменным лицом, и накануне нагрянувшими из Мончегорска родителями Линды — тощей, с грубоватыми чертами мамашей в бесцветном перманенте и блудным папашей — маленьким, щуплым, с редкими волосенками, наискось зачесанными на

* В тот час мной овладело спокойствие. Полное спокойствие, какое бывает, когда знаешь, что твои действия — в полной гармонии с судьбой. *(Прим. Т. Захаржевской.)*

плешь. Неожиданно для всех они явились во всей красе, да не куда-нибудь, а прямо на квартиру к Ольге Владимировне, знакомиться и брататься с новой — и такой знаменитой! — родственницей. Явились прямо с поезда, с вещами, в девятом часу утра. Рассчитывали, видимо, и остановиться у нее на правах родни. Но с братанием, как и следовало ожидать, не получилось. Примадонна, встретившая гостей в халате, с холодной снисходительностью выслушала заискивающие речи сватьев, не предложила им ни раздеться, ни выпить чая, а прямо из прихожей позвонила администратору и распорядилась снять в приличной гостинице двухместный номер. «На какой срок?.. Трех суток вам достаточно, надеюсь?»

Этой сцены Нил не наблюдал, знал о ней в изложении Линды, которая, в свою очередь, услышала о ней от уязвленной матери. К его приходу из университета будущая теща немного отошла от утренней обиды, осыпала его комплиментами, но разглядывала при этом так, будто старалась высмотреть какие-то тайные изъяны и пороки. Он держался спокойно, вежливо отвечал на ее вопросы, при этом в голове у него складывал-

ся будущий диалог с такими же, как он, женатиками: «А у моей тещи, братцы, есть одно достоинство, перевешивающее все недостатки». — «И какое же?» — «Тысяча верст, разделяющая нас».

Тесть сидел в углу, ерзал, блудливыми глазками поглядывал на часы, за время смотрин не проронил ни слова, а потом так же молча встал и покорно поплелся за своей дорогой половиной, намеревавшейся совершить тур по ленинградским магазинам...

— Теперь можете поцеловаться! — закончив ритуальную речь о ячейке социалистического общества, милостиво позволила регистраторша, толстая дама в блестящей блузке.

Нил повернул лицо к Линде, наклонил голову. Черный котенок на ее плече вдруг встрепенулся и когтистой лапкой царапнул Нила по носу...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Вересов

ИЗБРАННИК ВОРОНА

Том 1

Ответственные за выпуск
Е. Г. Измайлова, Я. Ю. Матвеева

Корректор
О. П. Васильева

Верстка
А. Н. Соколова

Подписано в печать 04.07.2002.
Формат 70×90 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 9,62. Усл. печ. л. 14,04.
Изд. № 02-4426. Тираж 25 000 экз. Заказ № 223.

«Издательский Дом „Нева“»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, д. 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103478, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

История двух сестер — двух Татьян —
в литературном проекте «ЧЕРНЫЙ ВОРОН»,
по которому снят известный
одноименный сериал

Обе Татьяны проносятся по жизням других людей, как кометы, и необратимо меняют чужие судьбы. Так и Нил Баренцев стал их жертвой. Таня Захаржевская открыла ему новый мир, где все дозволено и где законы морали не смеют стать на пути к желанной цели. Таня Ларина показала ему, что такое красота...

ISBN 5-7654-2313-2
9 785765 423134

РП
ТОМ 1
ИЗБРАННИК
ВОРОНА
ДМИТРИЙ
ВЕРЕСОВ